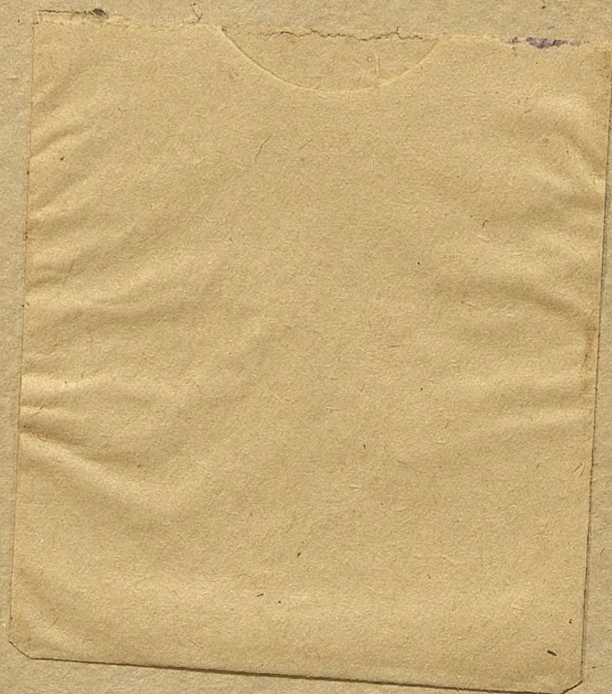
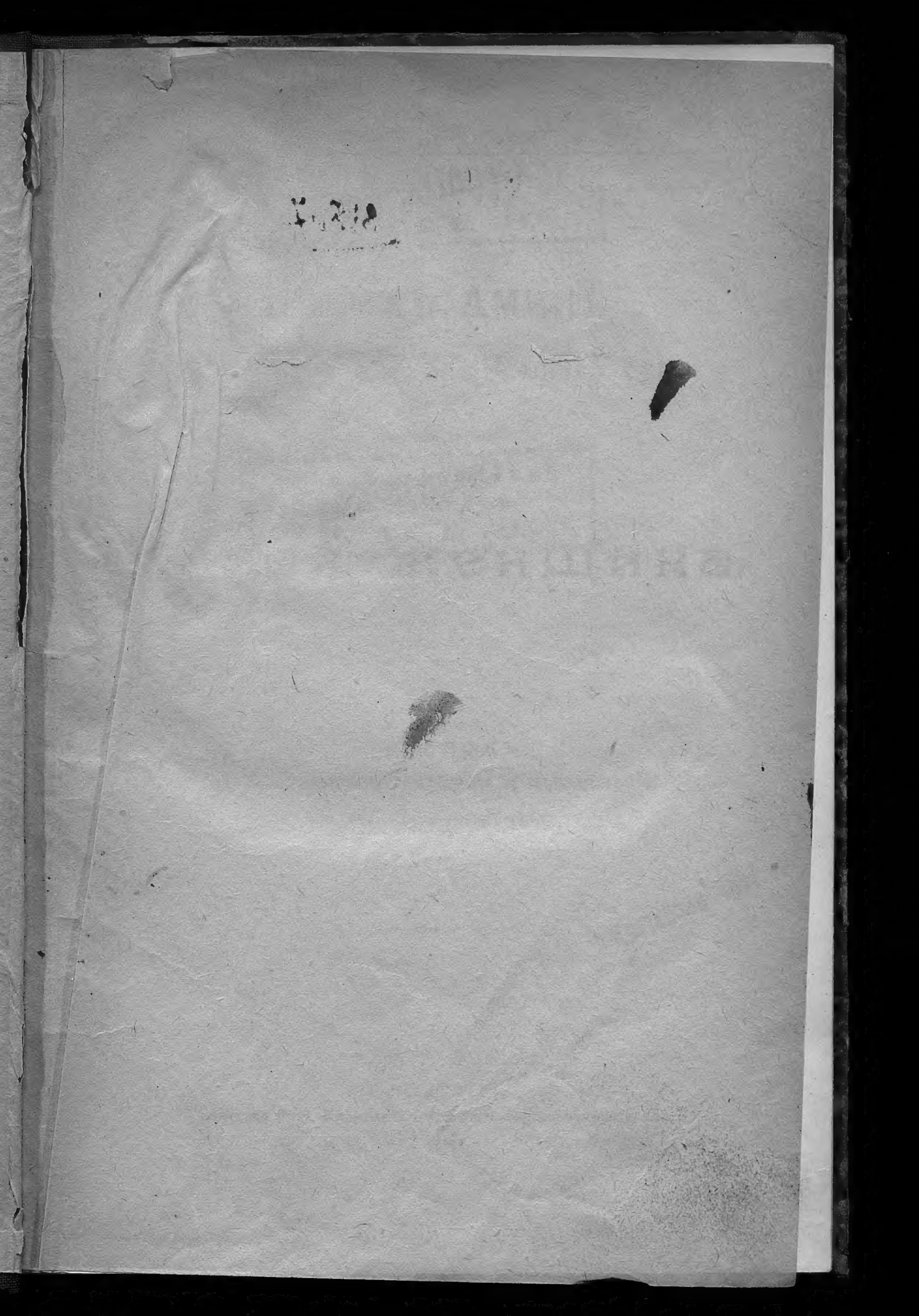

Приложенiе къ журналу „Мiръ Ислама“ за 1912 годъ.

Касимъ Аминъ

совѣтникъ аппелляцiоннаго суда.

Новая женщина.

Переводъ
со 2-го арабскаго изданiя и предисловiе.
И. Ю. Крачковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленiе), Новоисаакiевская, 20.
1912.

Предисловіе переводчика.

I.

(Положеніе мусульманской женщины въ освѣщеніи современной науки. Зарожденіе литературы по женскому вопросу на арабскомъ языкѣ. Женскіе журналы. Произведенія Муркоса Фехми и Хабиба Заятъ. Рѣчь 'Омара Лютфи. Роль дѣятельности Касима Амина.)

Положеніе женщины въ мусульманскихъ странахъ, его прошлое и настоящее не разъ привлекали вниманіе интересующихся востокомъ. Выводъ критиковъ и защитниковъ долгое время былъ одинаковъ: современное положеніе создалось подъ вліяніемъ религіи ислама. Таково мнѣніе не только широкой публики, но иногда даже и спеціалистовъ [1]). Апологеты ислама — среди европейскихъ ученыхъ и среди мусульманъ,—становились на ту же точку зрѣнія въ своей защитѣ: приводя изъ историческаго прошлаго цѣлый рядъ данныхъ о женщинахъ, достигавшихъ выдающагося культурнаго уровня по своему времени, они дѣлали выводъ, что исламъ, какъ религія, способствовалъ прогрессу женщины [2]). Признавая даже

---

[1]) Отголоски его можно найти даже у такого современнаго ученаго, какъ баронъ Carra de Vaux (La doctrine de l'Islam, Paris 1909, стр. 161—193), въ публицистическихъ же работахъ эта тенденція сказывается иногда даже въ заглавіяхъ, напр. P. Ventura, Le calvaire de la femme turque et la loi de l'Islam, 1911.

У И. Голобородько при достаточно вѣрномъ освѣщеніи состоянія турецкой женщины, на основаніи фактическаго матеріала (Турція, 2-е изд. Москва 1912, стр. 38—55), имѣется все же слѣдующая фраза: «Религія турокъ, опредѣляющая въ странѣ всѣ общественныя взаимоотношенія, закрѣпила на вѣчныя времена то унизительное положеніе, въ которомъ находилась женщина много вѣковъ назадъ» (стр. 46).

[2]) Ср. статью О. Лебедевой о положеніи женщинъ при халифахъ въ Actes du XII Congrès des Orientalistes, I Florence CLXXXVI. Той же идеей проникнута извѣстная книга A. Perron, Femmes arabes avant et depuis l'islamisme (Paris et Alger 1858), хотя она даетъ не столько историческій, сколько легендарный матеріалъ.

вѣрность наблюденія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, едва ли, однако, можно ограничивать все вліяніе исключительно религіозной стороной жизни. Во-первыхъ, надо принять во вниманіе, что въ самомъ мусульманскомъ ученіи вопросъ при теоретической постановкѣ не рѣшается абсолютно: и богословіе, и право не даютъ однообразной формулировки въ этомъ пунктѣ. Это понятно, такъ какъ и здѣсь во второмъ источникѣ мусульманскаго вѣроученія — суннѣ — нѣтъ строго проведенной послѣдовательности, въ ней замѣчаются противорѣчія, и понятно, что сторонники различныхъ взглядовъ съ одинаковой легкостью находили и по этому вопросу данныя, подтверждающія противоположныя теоріи [1]). Объясненіе этому теперь легко найти въ достаточно изслѣдованной исторіи кодификаціи сунны. Съ другой стороны, помимо теоретическихъ основаній, историческія данныя, равно какъ и современное состояніе достаточно краснорѣчиво говорятъ, что положеніе женщины въ мусульманскихъ странахъ сложилось подъ вліяніемъ не столько религіи, сколько этнографическихъ условій и воздѣйствія соціальной среды. Конечно, правы тѣ изслѣдователи, которые указываютъ, что мусульмане могутъ привести изъ прошлаго много славныхъ женскихъ именъ; въ дополненіе слѣдуетъ, можетъ быть, отмѣтить, что онѣ пріобрѣтали извѣстность не только въ поэзіи или искусствѣ, но даже въ религіозныхъ наукахъ, какъ сунна или хадисы [2]). Невозможность послѣдняго явленія въ настоящее время указываетъ, конечно, не на измѣненіе существа кораническаго ученія, а только на измѣнившіяся соціальныя условія среды. Нельзя объяснить вліяніемъ религіознаго ученія ислама упадокъ женщины во многихъ христіанскихъ общинахъ востока — даже покрывало, этотъ специфическій, по мнѣнію многихъ, признакъ мусульманской женщины, составляетъ неотъемлемую принадлежность христіанокъ при выходѣ на улицу во многихъ городахъ сѣверной Сиріи (напр. Хомсѣ). Положеніе женщины у коптовъ до послѣдняго времени было значительно хуже, чѣмъ у мусульманъ—ихъ сосѣдей. Что многоженство и покрывало не являются обязательными принципами ислама, извѣстно, наконецъ, и русскимъ по нѣкоторымъ мусульманскимъ народностямъ Россіи.

Современное оживленіе женскаго движенія на арабскомъ во-

[1]) Ср. Goldziher въ Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongress, Leiden 1904, стр. 319.

[2]) Ср. Hartmann, The arabic press of Egypt, London 1899, стр. 46.

стокѣ и его отраженіе въ мѣстной литературѣ является лишнимъ доказательствомъ мысли о связи женскаго вопроса не столько съ религіей, сколько съ соціально-экономическимъ строемъ жизни. Движеніе это находится въ самомъ зародышѣ если не по времени своего существованія, то по интенсивности: изъ всѣхъ сторонъ жизни оно находитъ себѣ отраженіе пока только въ литературѣ. Въ другихъ проявленіяхъ общественной жизни можно видѣть лишь случайно обнаруживающіяся явленія. Ростъ женскаго движенія ближайшимъ образомъ связанъ съ возрожденіемъ арабской литературы въ XIX вѣкѣ; какъ и она, это движеніе болѣе всего обязано сирійскимъ христіанамъ [1]). Интересно оттѣнить, что дѣятельницы его выходили преимущественно изъ того же кружка, какъ и „столпы" возрожденія: въ Сиріи еще и нынѣ здравствуетъ поэтесса Варда аль-Языджи, дочь знаменитаго шейха Насыфа [2]). Ни она, ни ея продолжательницы до конца XIX вѣка не затрагивали вопросовъ, сколько-нибудь спеціально связанныхъ съ женскимъ движеніемъ: почти первымъ признакомъ стремленія къ самоопредѣленію послужили женскіе журналы, нѣкоторые съ эфемернымъ существованіемъ, другіе существующіе до сихъ поръ. Во главѣ ихъ обыкновенно стояли сирійскія арабки, но мѣстомъ изданія почти всегда служилъ Египетъ въ силу цензурныхъ условій [3]). Первымъ изъ этихъ журналовъ былъ *аль-Фататъ* (дѣвушка), основанный сирійской уроженкой Хиндъ Нофаль въ Каирѣ въ 1892 г. Онъ былъ недолговѣченъ, равно какъ и нѣкоторые другіе: изъ 13, появившихся до 1908 года, въ настоящее время выходятъ только два: *„Анис-аль-Джалисъ"* (собесѣдникъ), издаваемый съ 1898 года Александрой Аверино, и *„Фатат-аш-Шаркъ"* (восточная дѣвушка), существующій съ 1906 года подъ редакціей Лябибе Хашимъ, бывшей сотрудницы перваго журнала. Уничтоженіе цензурныхъ стѣсненій съ 1908 года позволило и Сиріи увидѣть свои феминистскіе журналы. Первымъ изъ нихъ былъ

---

[1]) Ср. И. Крачковскій, Историческій романъ въ современной арабской литературѣ, СПБ. 1911, стр. 9—11 (оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

[2]) Нѣсколько словъ о ней Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur, II, Berlin 1902, стр. 495, примѣч. 1 и L. Cheikho, La littérature arabe au XIX siècle, II, Beyrouth 1910, стр. 39.

[3]) Перечень ихъ далъ Ж. Базъ въ своемъ журналѣ *аль-Хасна* т. I (Бейрутъ 1909), стр. 12—15. Онъ былъ перепечатанъ въ извлеченіи у К. Т. Khaïrallah, La Syrie, Paris 1912, стр. 86—89. Ср. еще Hartmann, цит. соч., стр. 48—50 и *аль-Хасна*, т. II, 1910, стр. 167.

„аль-Хасна“ (красавица), выходящій въ Бейрутѣ съ 1909 года подъ редакціей Жиржи Никуля Базъ. Его главнѣйшая заслуга въ томъ, что въ новомъ органѣ оказались объединенными почти всѣ наиболѣе выдающіяся арабскія писательницы Сиріи. Кромѣ ветерана женскаго движенія Варды Языджи, здѣсь принимаютъ участіе Сельва Селяме, Эсма Саюръ, Эсфирь Мойель, докторъ Анастасія Беракятъ, Марьямъ Закка, Марія ʿАджеми, Юлія Таʿме и др. Одна изъ нихъ, Марія ʿАджеми, основала съ 1910 года свой собственный журналъ въ Дамаскѣ — *„аль-ʿАрусъ“* (невѣста). Арабская діаспора въ Америкѣ не имѣетъ спеціальнаго органа, посвященнаго женскому движенію, но таковой съ успѣхомъ замѣняетъ женскій отдѣлъ въ Нью-Іоркской газетѣ *„аль-Худа“* (прямой путь), редактируемый романисткой Афифе Керемъ.

Легко представить, какой огромный матеріалъ по женскому вопросу даютъ всѣ эти журналы. Однако, если обратиться къ нимъ, можно быстро замѣтить двѣ отличительныя особенности. Съ одной стороны, они сравнительно рѣдко касаются темъ общественнаго характера, предоставляя ихъ болѣе общимъ газетамъ и журналамъ, а съ другой, сравнительно мало удѣляютъ мѣста мусульманской женщинѣ. Послѣднее объясняется какъ составомъ сотрудницъ, такъ и цензурными условіями, особенно до 1908 года. Можно, не колеблясь, предположить, что формулировку женскаго вопроса въ его цѣломъ едва ли удастся найти въ одномъ изъ этихъ журналовъ.

Болѣе рѣшительно къ этой сторонѣ дѣла подошелъ одинъ египетскій адвокатъ, Муркосъ Фехми, въ своей повѣсти *„Альмарʾат фи-ш-шеркъ“* (женщина на востокѣ), напечатанной въ 1894 г. Онъ энергично затронулъ всѣ наболѣвшіе вопросы египетской дѣйствительности: требовалъ уничтоженія покрывала, одноженства, права развода для жены, а не только для мужа, разрѣшенія брака между коптами и мусульманами и т. д. [1]). Сколько-нибудь реальныхъ послѣдствій эта книга не имѣла, и вліяніе ея не распространилось далѣе ограниченнаго числа коптовъ — соплеменниковъ автора. Также незамѣченной прошла брошюра одного современнаго ученаго Хабиба Заята, подошедшаго къ вопросу съ

[1]) Основныя положенія его произведенія приводятся въ брошюрѣ Мухаммеда Талаʿатъ Харба, *Фасл-ал-хитаб фи-л-марʾа уа-л-хиджабъ*, Каиръ 1901, стр. 7.

другой стороны. Его брошюра „*Аль-мар'а фи-л-джахилійййа*“ (женщина у арабовъ язычниковъ) была разослана въ 1899 году какъ приложеніе къ популярному въ литературныхъ кругахъ журналу „*Ад-Дыя*“ (сіяніе), издававшемуся подъ редакціей Ибрахима Языджи. Въ этой брошюрѣ дамасскій ученый старался, на основаніи памятниковъ доисламской поэзіи, охарактеризовать положеніе женщины до Мухаммеда. Работа была разбита на двѣ главы, посвященныя матеріальной и духовной жизни женщины, и выполнена съ критическимъ чутьемъ, выгодно отличающимъ Заята среди нѣкоторыхъ современныхъ арабскихъ ученыхъ. Выводъ ея сводился къ тому, что въ до-исламской Аравіи женщина стояла выше, чѣмъ во многихъ современныхъ мусульманскихъ странахъ. Знакомый съ условіями жизни на арабскомъ востокѣ легко пойметъ, что оба отмѣченныхъ произведенія, которыя заставляли о многомъ задумываться, не привлекли вниманія мусульманъ прежде всего потому, что они были написаны христіанами.

Для характеристики публичныхъ выступленій мусульманъ за этотъ періодъ, извѣстія о которыхъ доходили иногда и до Европы, можно вспомнить про рѣчь скончавшагося въ этомъ году юриста Омара Лютфи[1]), произнесенную на женскомъ конгрессѣ въ 1896 году. Озаглавивъ ее „Права мусульманской женщины на востокѣ“ и основываясь исключительно на *теоретическихъ* построеніяхъ мусульманскаго права, онъ приходилъ къ заключенію, „что восточная женщина уже тринадцать вѣковъ тому назадъ получила большинство правъ, которыхъ теперь добиваются европейскія“ [2]).

Первымъ мусульманиномъ въ Египтѣ, поднявшимъ энергично свой голосъ въ защиту попираемыхъ правъ женщины, былъ Касимъ Аминъ. Заслуга его не только въ томъ, что онъ впервые систематически формулировалъ женскій вопросъ и разработалъ его въ деталяхъ, но и въ томъ, что защиту его онъ поставилъ цѣлью своей жизни, посвятивъ спеціально ему свою писательскую дѣятельность. Его энергичный голосъ нельзя было заглушить, и этимъ характеризуется значеніе его книгъ среди другихъ произведеній, посвященныхъ женскому вопросу въ современной арабской литературѣ.

---

[1]) Ср. Міръ Ислама, № 3, стр. 499.

[2]) По арабски рѣчь приведена въ журналѣ «*Анис-аль-Джалисъ*»—т. I. 1898 г. № 4.

II.

(Біографическія свѣдѣнія о Касимѣ Аминѣ. Его произведенія. Полемика съ герцогомъ Д'Аркуръ. «Освобожденіе женщины». Предисловіе книги. Ея содержаніе. Отношеніе критики. «Новая женщина». Полемика мусульманъ. Брошюры Тала'атъ Харба. Ихъ содержаніе. Посмертное произведеніе Касима Амина.)

Касимъ Аминъ по происхожденію былъ не арабъ: его отецъ, сынъ одного курдскаго князя, былъ взятъ заложникомъ въ Константинополь, а при хедивѣ Исмаилѣ (1863—1879 г.) переселился въ Египетъ, гдѣ поступилъ на военную службу. Касимъ Аминъ родился и выросъ въ Египтѣ, въ Каирѣ онъ получилъ среднее образованіе, по окончаніи котораго былъ отправленъ на казенный счетъ во Францію для занятій юридическими науками. Со степенью доктора правъ онъ вернулся въ Египетъ, гдѣ занималъ различныя должности въ Министерствѣ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, закончивъ свою служебную карьеру совѣтникомъ въ аппелляціонномъ мѣстномъ судѣ. Скончался онъ 21 апрѣля 1908 г., черезъ два мѣсяца послѣ смерти другого крупнаго дѣятеля современнаго Египта—Мустафы Кямиля, основателя національной партіи и газеты *„аль-Лива“* [1]).

Первымъ крупнымъ произведеніемъ Касима Амина былъ полемическій трактатъ на французскомъ языкѣ, направленный противъ герцога Д'Аркуръ и напечатанный въ 1894 году [2]). Герцогъ Д'Аркуръ, французскій путешественникъ, посѣтившій Египетъ, оставилъ свои путевыя замѣтки, въ которыхъ достаточно поверхностно судилъ объ исламѣ и многихъ восточныхъ обычаяхъ. Въ своемъ опроверженіи Касимъ Аминъ съ особенной обстоятельностью останавливался на женскомъ вопросѣ, и весьма вѣ-

---

[1]). Я тщетно искалъ біографическихъ свѣдѣній о Касимѣ Аминѣ въ доступныхъ мнѣ источникахъ. Египетскій писатель-журналистъ Селимъ Коб'ейнъ, къ содѣйствію котораго мнѣ приходится часто обращаться, не отказался и на этотъ разъ сообщить, что обстоятельной біографіи покойнаго писателя до сихъ поръ не существуетъ; онъ указалъ лишь на некрологъ въ газетѣ *«аль-Джерида»*, любезно сообщенными выдержками изъ котораго я и пользуюсь въ приведенныхъ выше данныхъ.

[2]) Kassem-Amin. Les Egyptiens. Réponse à M. le duc D'Harcourt. Le Caire, 1894, in 12, стр. 299. Обширныя выдержки въ арабскомъ переводѣ даетъ въ упомянутой выше брошюрѣ Мухаммедъ Тала'атъ Харбъ, см. особенно стр. 14—15.

роятно, что эта работа дала ему серьезный толчокъ къ спеціальному занятію этой стороной соціальной жизни современнаго мусульманства. Въ 1899 году появилась его новая книга *„Тахриръ аль-мар'а“* (освобожденіе женщины) [1])—произведеніе, которое даже по отзыву противниковъ вызвало большее оживленіе въ печати, чѣмъ самые серьезные политическіе вопросы [2]). Это вполнѣ понятно, такъ какъ оно впервые въ строго систематической формѣ освѣтило женскій вопросъ съ точки зрѣнія мусульманина и впервые проводило идею, что исламъ, какъ религія, не виноватъ въ современномъ упадкѣ женщины. Цѣль своей книги авторъ опредѣляетъ въ предисловіи, которое достаточно характерно, чтобы быть приведеннымъ цѣликомъ (стр. 1—3):

„Каждый вопросъ, который я формулировалъ въ этихъ немногихъ строкахъ, можетъ быть темой отдѣльной книги. Я хотѣлъ кратко изложить ихъ, чтобы показать связь этихъ вопросовъ другъ съ другомъ, какъ звеньевъ одной цѣпи. Цѣлью моихъ стремленій является лишь намѣреніе обратить вниманіе на ту тему, о которой думаютъ немногіе; я не собираюсь писать книгу, которая очертила бы полно положеніе женщины и ея роль въ человѣческомъ обществѣ. Такая книга можетъ быть написана черезъ много лѣтъ, когда это маленькое зерно дастъ свой ростокъ въ умахъ нашихъ дѣтей, когда растеніе укрѣпится и дастъ свои плоды. Тогда только ихъ можно будетъ собрать на общую пользу.

„Читатель моей книги замѣтитъ, что я не стремлюсь къ осуществленію моихъ надеждъ въ ближайшемъ будущемъ, потому что направить душевныя состоянія по пути совершенства не такъ легко; результатъ вліянія различныхъ факторовъ сказывается здѣсь очень медленно при скрытомъ движеніи. Всякая перемѣна въ какой-либо націи, послѣдствія которой обнаруживаются въ ея жизни, не является чѣмъ-то простымъ: въ сущности это цѣлая сумма измѣненій, совершающихся постепенно въ душѣ каждаго индивидуума; затѣмъ уже отъ отдѣльныхъ личностей эти измѣненія распространяются на всю націю. Такая сложная перемѣна является возрожденіемъ націи.

„Измѣнить наше настоящее положеніе сразу не подъ силу человѣку. Для насъ не составляетъ позора, что мы очутились въ

---

[1]) Еще при жизни автора она была переиздана вторично.

[2]) См., напр., упомянутое сочиненіе Мухаммеда Тала'атъ Харба, стр. 3.

такомъ положеніи, такъ какъ каждое поколѣніе отвѣтственно только въ своихъ дѣяніяхъ. Позорно для насъ считать себя образцами совершенства и отрицать свои недостатки, утверждая, что наши обычаи самые лучшіе для всякаго времени и мѣста. Позорно для насъ бороться съ истиной, которая для своего признанія не нуждается въ нашемъ подтвержденіи. Все, что мы говоримъ или дѣлаемъ для ея отрицанія, на нее не оказываетъ никакого вліянія, намъ же самимъ вредитъ, какъ ложь лжецу, воздвигаетъ намъ преграду передъ возможностью исправленія. Нація не можетъ достичь въ чемъ-либо прогресса, пока сознательно не признаетъ нужды въ немъ и не узнаетъ средствъ, ведущихъ къ нему.

„Я не думаю, что найдется хоть одинъ изъ образованныхъ египтянъ, который сомнѣвается, что народъ его крайне нуждается въ улучшеніи своего состоянія. И вотъ, этимъ образованнымъ, къ которымъ я обращаюсь сегодня, я говорю, что на нихъ лежитъ отвѣтственность за наши страданія въ этомъ вѣкѣ. Ни ихъ познанія, ни ихъ воля не позволяютъ обрекать самихъ себя и свой народъ на безсиліе, тоску и отчаяніе. Это лишь особый видъ лѣни или скрытая форма трусости, приличная тому, въ комъ нѣтъ увѣренности ни въ самомъ себѣ, ни въ своей семьѣ, ни въ своей націи, ни въ своемъ законѣ, ни въ своемъ Богѣ. Такимъ поведеніемъ они обрекаютъ себя на жертву событіямъ, которыя распоряжаются ими, какъ безсловесными тварями, направляя ихъ, куда угодно имъ или не угодно.

„Я указываю на одну дверь къ этому прогрессу въ нашемъ народѣ, я касаюсь только одной стороны въ жизни личностей, которая оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на весь народъ. Говорю я объ этомъ то, что считаю истиной; если я ошибаюсь, то мое благое намѣреніе даетъ мнѣ надежду на прощеніе моей ошибки. Если я правъ, какъ мнѣ кажется, то эти образованные люди должны постараться о распространеніи изложеннаго на этихъ листкахъ и подтвердить это своимъ согласіемъ и дѣломъ“.

Тезисъ вступительной главы (стр. 4—18) формулируется въ ея заглавіи: „Положеніе женщины въ соціальномъ строѣ соотвѣтствуетъ культурному уровню націи“. Здѣсь авторъ отклоняетъ возможный упрекъ въ „*бид'а*“ — нововведеніи въ исламѣ, такъ какъ онъ стремится къ измѣненію не въ исламской религіи, а въ обычаяхъ, которые могутъ быть различны у мусульманскихъ народовъ при единствѣ религіи. Къ исторической части этой главы, развивъ

ее болѣе подробно, Касимъ Аминъ вернулся впослѣдствіи и въ предлагаемой теперь въ переводѣ работѣ (стр. 7—19). Первая основная часть „Освобожденія женщины“ посвящена воспитанію женщины (стр. 19—63), значеніе котораго сперва освѣщается для соціальнаго строя (стр. 22—29), а затѣмъ для семьи (стр. 30—63); попутно авторъ останавливается на предразсудкѣ, будто воспитаніе и образованіе женщины влечетъ порчу ея нравовъ (стр. 57 слѣд.). Вторая часть трактуетъ о покрывалѣ (стр. 64—113); указывая, что въ своемъ опроверженіи герцога Д'Аркура онъ уже останавливался на покрывалѣ и его соціальномъ значеніи въ общихъ чертахъ, Касимъ Аминъ опредѣляетъ здѣсь понятіе (*хаддъ*) *хиджабъ* съ религіозной точки зрѣнія, дающей два толкованія „покрывало“ и „затворъ“ (стр. 68—83). Выводъ его уже извѣстенъ: покрывало не есть законное установленіе ислама, а лишь древній обычай, существовавшій до ислама и продолжающій существовать у нѣкоторыхъ народовъ помимо него (стр. 79). Губительное вліяніе покрывала на соціальную жизнь мусульманскихъ народовъ, охарактеризованное имъ обстоятельно (стр. 83—113), заставляетъ требовать уничтоженія этого вреднаго обычая, конечно уничтоженія постепеннаго (стр. 112—113). Слѣдующая часть посвящена „Женщинѣ и націи“ (стр. 114—139). Констатируя общій упадокъ мусульманскихъ народовъ, наблюдаемый всѣми, Касимъ Аминъ дѣлаетъ выводъ, что и причина этого упадка должна быть общая для всѣхъ (стр. 118). Разбирая всевозможныя причины: различіе климатовъ и національностей (стр. 118 слѣд.), религію (стр. 119 слѣд.) и не отрицая упадка послѣдней въ настоящее время, онъ доказываетъ, что самой существенной причиной является низкое положеніе женщины и что для прогресса націи необходимо улучшеніе этого положенія (стр. 139). Послѣдняя часть разбираетъ семейный строй (стр. 140—185), такъ какъ безъ упорядоченія его при одномъ образованіи женщинъ нельзя еще улучшить ихъ положеніе. Здѣсь онъ останавливается на современномъ бракѣ у мусульманъ (стр. 140—151), многоженствѣ (стр. 151—161), горячимъ противникомъ котораго себя заявляетъ, называя его „законной уловкой для удовлетворенія животной страсти“ (стр. 157), и разводѣ (стр. 161—186). Касимъ Аминъ требуетъ предоставленія права развода и женѣ, а не только мужу, и составляетъ примѣрный законопроектъ о разводѣ (стр. 179). Въ заключеніи книги (стр. 186—192) онъ формулируетъ двоякую цѣль, которую

должны преслѣдовать желающіе улучшить положеніе мусульманской женщины. Съ одной стороны, она сводится къ измѣненію обычаевъ и методовъ воспитанія, съ другой—къ внушенію авторитетамъ мусульманскаго вѣроученія *(шаріата)* необходимости считаться съ потребностями и настоятельными нуждами мусульманства въ женскомъ вопросѣ. Для достиженія и той и другой цѣли необходимы два условія: знаніе (стр. 186—190) и усиліе воли (стр. 190—192).

„Освобожденіе женщины" представляло далеко не обычное явленіе въ текущей мусульманской литературѣ на арабскомъ языкѣ; это доказалъ эффектъ, вызванный появленіемъ книги. Мнѣнія раздѣлились, конечно, самымъ рѣзкимъ образомъ, но во всѣхъ лагеряхъ она не прошла незамѣченной, и вездѣ споры о ней вносили одинаковое оживленіе. Защитники Касима Амина сравнивали его съ Джемаль ад-Диномъ Афганскимъ[1]), извѣстнымъ дѣятелемъ мусульманскаго возрожденія во второй половинѣ прошлаго столѣтія; кто-то изъ болѣе экспансивныхъ наградилъ его даже титуломъ „Лютера востока" [2]). До такого же преувеличенія доходили и противники: автора упрекали въ покушеніи на цѣлость мусульманскаго строя, въ неуваженіи къ исламу и т. д.

Отчасти подъ вліяніемъ поднявшагося волненія Касимъ Аминъ выпустилъ черезъ два года новую книгу—ту самую, которая предлагается теперь въ переводѣ русскимъ читателямъ. „Новая женщина" не отличается уже такой систематичностью, какъ предшествующее произведеніе: вопросъ былъ поставленъ и формулированъ авторомъ раньше. Теперь онъ останавливается только на нѣкоторыхъ детальныхъ пунктахъ, вызывавшихъ особенно разнорѣчивое толкованіе. Въ другомъ отношеніи, однако, она была важнѣе „Освобожденія женщины": автору пришлось здѣсь коснуться болѣе общихъ условій жизни мусульманства въ его настоящемъ и прошломъ. Здѣсь онъ съ большей опредѣленностью, напримѣръ, резюмировалъ свое отношеніе къ ранней мусульманской культурѣ (стр. 90—96). Успѣхъ этой книги былъ не меньшій, хотя рѣзкій тонъ автора и нескрываемое презрѣніе къ противникамъ еще больше сократили число его защитниковъ: Касима Амина стали обвинять даже въ отрицаніи всякаго значенія за мусульманской культурой [3]). Полемика объ обоихъ произведеніяхъ вышла

---

[1]) Мухаммедъ Талаʻатъ Харбъ, цит. соч., стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

[3]) Талаʻатъ Харбъ, цит. соч. стр. 4—5.

далеко за предѣлы арабскаго востока: съ такой же горячностью они обсуждались, напримѣръ, и въ Индіи [1]).

Несмотря на оживленіе газетной и журнальной литературы, вызванной произведеніями Касима Амина, не совсѣмъ затихшее и до нашихъ дней, трудно указать критику болѣе серьезнаго характера, сколько-нибудь заслуживающую вниманія. Изъ отдѣльныхъ брошюръ здѣсь можно отмѣтить только отвѣтъ представителей аль-Азхарской школы и два произведенія Мухаммеда Тала'атъ Харба. О первомъ довольно часто говорится въ „Новой женщинѣ" (стр. 55, 67 и др.), и характеръ его довольно опредѣленно вырисовывается по этимъ отрывкамъ: онъ служитъ еще однимъ доказательствомъ того, что при объясненіи соціальныхъ условій жизни современнаго мусульманства нельзя исходить только изъ Корана и сунны, какъ сдѣлалъ авторъ отвѣта, уже потому, что толкованія могутъ быть различны. Ко взгляду азхарцевъ примыкаетъ и Тала'атъ Харбъ, современный публицистъ Каира, отозвавшійся на оба произведенія Касима Амина отдѣльными брошюрками. Первая „*Тербіетъ аль-мар'а у-аль-хиджабъ*" (Воспитаніе женщины и покрывало) вышла въ 1900 году, вторая—„*Фасль-аль-хитабъ фи-ль-мар'а у-аль-хиджабъ*" (категорическое заключеніе о женщинѣ и покрывалѣ)—въ 1901 году. Въ первой онъ доказываетъ тезисъ, что „мусульманская религія, которая появилась для усовершенствованія добрыхъ нравовъ, устанавливаетъ „аль-хиджабъ" въ обоихъ смыслахъ, т. е. какъ закрываніе женщиной головы и тѣла и какъ заключеніе ея въ домъ, за исключеніемъ случаевъ, необходимо требующихъ ея выхода. „Аль-хиджабъ"—одно изъ основаній нравственности и сильнѣйшій оплотъ цѣломудрія. Онъ не препятствуетъ обученію, воспитанію и улучшенію нравовъ женщины, а поэтому было бы крайне желательно вернуться къ „аль-хиджабъ", какъ это приказываетъ законъ и устанавливаетъ религія. Доказательства этого тезиса онъ заимствовалъ изъ Корана, сунны и изреченій имамовъ стараго и новаго времени [2]).

Вторая брошюра, которая даетъ значительно меньше самостоятельнаго, занята почти исключительно сопоставленіемъ того, что говорилъ Касимъ Аминъ въ своемъ опроверженіи герцога

[1]) Тамъ же, стр. 16—17, прим. 3.
[2]) См. *Фасль-аль-хитабъ*, стр. 3—4.

Д'Аркуръ, съ высказываемымъ теперь. Тала'атъ Харбъ старается доказать, что взгляды автора измѣнились, чего не отрицалъ и самъ Касимъ Аминъ, неоднократно подчеркивавшій эволюцію своихъ воззрѣній. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что нужно принимать во вниманіе тотъ періодъ, когда авторъ „Новой женщины" еще не откололся отъ мнѣнія большинства. Тала'атъ Харбъ даже въ произведеніяхъ Мухаммеда 'Абдо и Рашида Рида, мнѣнія которыхъ приводилъ Касимъ Аминъ въ своихъ книгахъ, нашелъ взгляды, нѣсколько противорѣчащіе тому, что высказывалось въ „Освобожденіи женщины" и „Новой женщинѣ" [1]).

Какъ всѣ авторы, занятые опредѣленной темой и идеей, Касимъ Аминъ не отличался особой писательской производительностью и въ двухъ работахъ по женскому вопросу вылился цѣликомъ. Послѣ нихъ онъ уже не брался за перо для публичныхъ выступленій. Быть можетъ, самыя условія его жизни въ послѣдніе годы содѣйствовали этому: отсутствіе наглядныхъ результатовъ своей дѣятельности съ одной стороны, отношеніе извѣстной части общества, не останавливавшейся иногда и передъ личными оскорбленіями, съ другой—все это, конечно, мало располагало къ продолженію литературнаго труда. Только послѣ смерти его газетой *„аль-Джерида"* были изданы его замѣтки изъ записной книжки *„Келиматъ ли-Касимъ Бекъ Аминъ"* (Слова Касимъ Бекъ Амина, Каиръ, 1908). Набросанныя случайно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разныхъ фактовъ личной и общественной жизни, эти изреченія можетъ быть лучше, чѣмъ большія книги, отражаютъ всю фигуру египетскаго мыслителя. Въ нихъ выясняется, что Касимъ Аминъ не былъ одностороннимъ феминистомъ, что онъ живо откликался на всѣ вопросы человѣческой жизни. Даже какъ то странно послѣ тѣхъ юридическихъ положеній, которыя съ такой логичностью и иногда сухостью развиваются въ его большихъ трактатахъ, слышать здѣсь почти романтическія замѣчанія того же самаго человѣка, мѣстами возвышающіяся до настоящей поэзіи. Здѣсь проходятъ всѣ тѣ наболѣвшія думы и вопросы, которыми была заполнена жизнь Касима Амина: критики „Освобожденія женщины", осуждающіе его, не давъ себѣ труда прочитать (стр. 34), нравы аль-азхарцевъ, выдающихъ себя за соль ислама и носящихъ въ себѣ внутреннее разложеніе (ibid.)

---

[1]) Тамъ же, стр. 9, 10—13, 51 и др.

и т. д. Больше всего, конечно, удѣляется мыслямъ о бракѣ (стр. 36, 37, 45), разводѣ (стр. 37), женщинѣ (стр. 8, 35). Отдѣльныя замѣчанія о любви звучатъ иногда какъ настоящія стихотворенія въ прозѣ (стр. 5, 6, 7, 56, 58).

„Слова Касима Бека Амина“ являются лучшимъ его литературнымъ завѣщаніемъ: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся его духовная жизнь, и видно, что онъ дѣйствительно жилъ тѣми идеями, которыя съ такой небывалой смѣлостью высказалъ въ своихъ книгахъ. Подходящимъ эпиграфомъ для этой маленькой книжки была бы фраза: „Я разсказалъ врагамъ жизнь свою шагъ за шагомъ, а теперь пусть они разскажутъ свою“.

III.

(Отсутствіе прямыхъ преемниковъ у Касима Амина. Причина этого. Оживленіе литературы по женскому вопросу. Селимъ Кобейнъ. Переводъ «Крейцеровой сонаты» и брошюры Агаева. Сборникъ статей Мелекъ Насыфъ. Брошюра Амира Али. Оцѣнка произведеній Касима Амина европейскими оріенталистами. Характеръ настоящаго перевода).

Достойныхъ преемниковъ у Касима Амина въ его общественно-публицистической дѣятельности не нашлось до сихъ поръ. Его начинанія разбились о ту же преграду, которая все рѣзче и рѣзче чувствуется въ современномъ исламѣ. Выдѣляя иногда безусловно крупныя фигуры, онъ пока не имѣетъ среды, которая могла бы продолжить и укрѣпить ихъ завѣты: здѣсь нѣтъ еще того средняго класса, который могъ бы служить связующимъ звеномъ между широкими массами и крупнѣйшими представителями интеллигенціи [1]). Этимъ самымъ ихъ дѣятельность обрекается на извѣстнаго рода безплодіе: одному человѣку, даже при исключительныхъ дарованіяхъ, нельзя совершить того, что должно вырабатываться цѣлымъ народомъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Было бы слишкомъ печально, если бы произведенія Касима Амина прошли совершенно безрезультатно для мусульманскаго, въ частности арабскаго міра. Этого, конечно, не произошло; наоборотъ, ихъ вліяніе сказалось по тѣмъ двумъ направленіямъ, о которыхъ онъ говорилъ, заключая „Освобожденіе жен-

---

[1]) Аналогичную мысль высказывалъ Gottheil въ некрологѣ другого крупнаго дѣятеля современнаго ислама—египетскаго муфтія Мухаммеда ʿАбдо (Journal of the American Oriental Society—vol. XXVIII, 1907, стр. 189 слѣд.).

щины"—въ привлеченіи вниманія правительства къ этому вопросу и въ развитіи правильныхъ воззрѣній въ обществѣ. Въ первомъ отношеніи достаточно характеренъ выработанный египетскимъ муфтіемъ по порученію правительства законопроектъ, который приведенъ Касимомъ Аминомъ въ заключеніи „Новой женщины"; съ другой стороны, однако, надо вспомнить, что еще въ текущемъ году константинопольскимъ шейхъ уль-исламомъ былъ изданъ декретъ, подтверждающій усиленіе правилъ относительно покрывала [1]). Жизнь общества, тѣмъ не менѣе, идетъ, не всегда подчиняясь приказамъ власть имущихъ, и такой фактъ, напримѣръ, какъ привлеченіе мѣстныхъ уроженокъ къ высшему преподаванію въ Каирскомъ университетѣ, едва ли могъ бы имѣть мѣсто десять лѣтъ тому назадъ [2]).

Съ несомнѣнностью можно сказать одно, что произведенія Касима Амина оказали непосредственное вліяніе на усиленіе литературной дѣятельности въ этомъ направленіи. Если послѣ него и не появилось оригинальныхъ произведеній равной цѣнности, то нѣкоторые факты литературной жизни заслуживаютъ быть отмѣченными. Почтенный египетскій журналистъ Селимъ Кобейнъ, которому современная арабская литература обязана непосредственнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми русскими писателями [3]), перевелъ въ 1904 году „Крейцерову сонату" Толстого и этимъ еще больше расширилъ горизонтъ вопроса, поставленнаго дѣятельностью Касима Амина [4]). Для мусульманъ бо̀льшій интересъ представилъ напечатанный имъ въ 1905 году переводъ съ русскаго брошюры кавказскаго эмигранта Ахмеда Агаева „Права женщины въ исламѣ". Переводчикъ дополнилъ ее значительнымъ количествомъ примѣровъ изъ жизни мусульманскихъ женщинъ въ XIX вѣкѣ; переводъ посвященъ Касиму Амину, и это съ достаточной ясностью говоритъ, что работа была навѣяна его произведеніями.

---

[1]) См. Міръ Ислама, № 3, стр. 509.

[2]) Тамъ же, стр. 508.

[3]) О его дѣятельности въ этомъ направленіи я имѣлъ случай говорить въ статьѣ «Русскіе писатели въ арабской литературѣ» (Вѣстникъ Иностранной Литературы, декабрь 1910 года, стр. 39 слѣд.).

[4]) Условія появленія этой работы достаточно характеризуются тѣмъ, что переводчикъ долженъ былъ ее напечатать безъ своего имени.

Не менѣе характерно оживленіе литературной дѣятельности среди мусульманокъ, обнаружившееся за послѣднія 5—10 лѣтъ. Число работницъ на журнальномъ поприщѣ изъ ихъ среды, бывшее раньше ничтожнымъ, теперь возрасло до небывалыхъ размѣровъ [1]; своихъ сирійскихъ сестеръ онѣ превзошли тѣмъ, что съ особенной интенсивностью касаются различныхъ сторонъ женскаго вопроса, иногда даже какъ-бы спеціализируются на немъ. Такимъ примѣромъ можетъ служить сотрудница газеты *„аль-Джерида“*, нѣсколько лѣтъ скрывавшаяся подъ псевдонимомъ *„Бахисатъ аль-бадія“* (Изслѣдовательница въ пустынѣ). Только когда она выпустила свои статьи въ 1910 году отдѣльнымъ сборникомъ подъ названіемъ *„Ан-нисаіятъ“* (посвященныя женщинамъ), стало извѣстно, что авторъ ихъ М е л е к ъ Х ы ф н и Н а с ы ф ъ — дочь небезызвѣстнаго современнаго ученаго и поэта [2]). Статьи посвящены самымъ разнообразнымъ вопросамъ, связаннымъ съ положеніемъ мусульманской женщины, и достаточно полно его характеризуютъ: приложенные въ концѣ книги критическіе отзывы крупныхъ дѣятелей современнаго Египта даютъ ясное представленіе объ отношеніи къ этому вопросу различныхъ слоевъ общества [3]). На ряду съ такими произведеніями болѣе „академическаго“ характера, сравнительно спокойно обсуждающими предметъ, появляются книги, писанныя „кровью сердца“ въ такомъ тонѣ, который былъ немыслимъ еще 10 лѣтъ тому назадъ. Сборникъ неизвѣстнаго автора-мусульманина, изданный въ Александріи въ 1910 году, по самому своему заглавію *„Таʻисатъ аля мазабихъ аль-инсанійя“* (Несчастныя на жертвенникахъ человѣчества) показываетъ настроеніе автора. Книга начинается эпиграфомъ изъ „Словъ Касима Амина“ и заканчивается громовой рѣчью, обращенной къ различнымъ представителямъ „народа Лота“, подъ которымъ разумѣются современные египтяне. Ненормальность въ положеніи женщины сознается болѣе широкими кругами, чѣмъ во время появленія работъ К а с и м а А м и н а; теперь едва-ли кого-либо удовлетворятъ тѣ теоретическія формулы мусульманскаго права, на которыя еще въ этомъ году опять обратилъ вниманіе извѣстный дѣятель индійскаго ислама — А м и р ъ

---

[1]) Ср. Міръ Ислама, № 3, стр. 508.

[2]) Тамъ же, стр. 503.

[3]) Достаточно характеренъ отзывъ одного изъ представителей аль-Азхара (стр. 157—170), кончающійся мелкими стилистическими поправками.

Али [1]). Жизнь и здѣсь пошла не по тому руслу, какъ намѣчали эти нормы; въ различеніи этихъ двухъ факторовъ и состоитъ одно изъ многихъ достоинствъ книгъ Касима Амина.

Пробѣжавъ набросанную выше страничку изъ исторіи культурныхъ движеній на востокѣ за послѣднюю четверть вѣка, читатель вѣроятно не будетъ удивляться, что мы остановились на переводѣ произведенія именно Касима Амина: оно одинаково характерно, какъ одинъ изъ этаповъ женскаго движенія въ мусульманствѣ и какъ крупное произведеніе современной арабской литературы. Въ этой оцѣнкѣ не расходятся и тѣ немногіе европейцы, которые были съ нимъ знакомы непосредственно. Честь ознакомленія съ нимъ оріенталистовъ принадлежитъ О. Лебедевой: въ докладѣ „О новыхъ правахъ мусульманской женщины" на XIII съѣздѣ оріенталистовъ она привела содержаніе той книги, которую мы теперь предлагаемъ въ переводѣ [2]). Mirante въ своей статьѣ о современной арабской печати [3]) считаетъ работы Касима Амина наиболѣе крупными явленіями египетской публицистики [4]); наконецъ въ самое послѣднее время проф. Becker, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мусульманскаго міра въ его прошломъ и настоящемъ, призналъ книги нашего автора „имѣющими несомнѣнно историческое значеніе" [5]).

Теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о самомъ переводѣ. Стремясь дать по возможности точное представленіе о произведеніи арабскаго публициста лицамъ, не знакомымъ съ арабскимъ языкомъ, переводчикъ старался сохранить даже внѣшнюю оболочку труда, напримѣръ нумерацію страницъ подлинника, приводимую на поляхъ, не исключая и такихъ случаевъ,

---

[1]) The legal position of Women in Islam by Ameer Ali Syed. London 1912. Авторъ извѣстенъ и историческими трудами, рекомендуемыми въ качествѣ пособій въ Индіи (см. Міръ Ислама, № 3, стр. 448, прим. 1); довольно странно поэтому въ этой брошюрѣ видѣть передачу годовъ хиджры христіанскими путемъ простого прибавленія 622 (дважды! стр. 23).

[2]) Les nouveaux droits de la femme musulmane въ Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongress, Leiden 1904, 314—319 (стр. 315—317—содержаніе книги, стр. 318—319—переводъ одиннадцати пунктовъ законопроекта Мухаммеда ʿАбдо).

[3]) О ней см. Міръ Ислама, № 3, стр. 492 и прим. 4.

[4]) Цит. соч., стр. 202.

[5]) Der Islam II 1911, стр. 408.

когда самъ не одобрялъ тѣхъ или иныхъ пріемовъ [1]). Тѣмъ болѣе не считалъ переводчикъ своей задачей дополненіе или исправленіе предлагаемой работы; даже въ случаѣ явныхъ недоразумѣній онъ избѣгалъ ихъ оговаривать [2]). Предполагая, что произведеніе Касима Амина даже въ своихъ ошибкахъ представляетъ извѣстный интересъ, какъ отраженіе взглядовъ опредѣленной части мусульманскаго общества, переводчикъ приводилъ и цитаты изъ европейскихъ авторовъ не въ европейскомъ подлинникѣ, а въ переводѣ съ арабскаго текста. Ему представлялась въ данномъ случаѣ не совсѣмъ парадоксальной мысль, что важно не то, какъ въ дѣйствительности писалъ европейскій авторъ, а какъ понималъ его мысль арабскій публицистъ. Примѣчаній у автора не имѣется; такъ какъ *всѣ* они *принадлежатъ переводчику*, то не было нужды оговаривать это каждый разъ въ отдѣльности; присоединяя ихъ, переводчикъ имѣлъ въ виду болѣе широкій, чѣмъ обычно, кругъ читателей „Міра Ислама“, а поэтому и позволялъ себѣ пояснять даже совершенно элементарныя вещи. Цѣлью этихъ примѣчаній былъ лишь сжатый фактическій комментарій, а отнюдь не полемика или разборъ произведенія.

Переводчикъ ясно сознаетъ, что предпринятый имъ трудъ оказался бы болѣе удовлетворительнымъ, если бы прошелъ черезъ руки лица, ближе знакомаго съ исторіей женскаго движенія въ Европѣ и Америкѣ; тогда, конечно, не осталось бы такихъ нежелательныхъ недоразумѣній, какъ европейскія фамиліи, оказавшіяся не установлѐнными [3]). При всемъ томъ можно надѣяться, что трудъ и въ настоящемъ видѣ не будетъ сочтенъ лишнимъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ впервые на русскомъ языкѣ даетъ крупное произведеніе современной арабской публицистики, а съ другой, знакомитъ со страничкой изъ литературы по женскому вопросу, мало кому извѣстной въ первоисточникѣ.

Царское село.
12 декабря 1912.

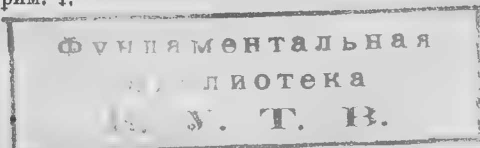
Переводчикъ.

---

[1]) У Касима Амина, напр. замѣчается злоупотребленіе новыми строками, сохраненное въ переводѣ.

[2]) Таковы, напр., мѣста, касающіяся исторіи женскаго движенія въ Россіи (стр. 15—16, 77).

[3]) Ср. стр. 12, прим. 1.

Другу моему Са'ду Заглюлю [1]).

Въ тебѣ я нашелъ любящее сердце, размышляющій умъ и дѣятельную волю.

Ты для меня воплотилъ любовь въ ея совершеннѣйшей формѣ; я понялъ, что жизнь не сплошное мученіе и что въ ней бываютъ сладкіе часы для того, кто сумѣетъ ихъ оцѣнить.

Это дало мнѣ возможность судить, что любовь даритъ еще болѣе сладкіе часы, если она существуетъ между мужемъ и женой.

Таковъ секретъ счастія, ради котораго я возвысилъ свой голосъ, чтобы повѣдать о немъ дѣтямъ моей родины—мужчинамъ и женщинамъ.

Касимъ Аминъ.

15 августа 1900 года.

---

[1]) Са'дъ Паша Заглюль — впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія въ Египтѣ, извѣстный энергичной борьбой за арабскій языкъ въ школѣ.

Во имя Аллаха Милостиваго Милосерднаго.

Предисловіе.

Новая женщина—это цвѣтокъ современной цивилизаціи; онъ сталъ распускаться на западѣ вслѣдъ за научными открытіями, которыя освободили человѣческій умъ отъ власти предразсудковъ и суевѣрій, ему самому передали господство надъ собой и начертили передъ нимъ путь, который предстоитъ пройти. Произошло это тогда, когда наука стала все подвергать своему анализу, относиться критически ко всякому мнѣнію и принимать всякій выводъ только послѣ доказательства его пользы для общества. Развитіе ея привело къ уничтоженію власти представителей церкви, къ отнятію преимуществъ у знатныхъ, къ конституціи для царей и правителей и
II. къ освобожденію отъ рабства чернокожихъ. Свое дѣло она завершила тѣмъ, что отняла большинство отличительныхъ свойствъ, которыми мужчины, по своему убѣжденію, превосходили женщинъ, не позволяя имъ сравниваться съ собой въ какомъ-нибудь изъ этихъ преимуществъ.

И европейцы держались господствующаго среди насъ теперь мнѣнія о женщинахъ, считая ихъ положеніе связаннымъ съ недостаточнымъ развитіемъ вѣры и ума, видя въ нихъ причины раздоровъ и сѣти діавола. Они говорили, что та, у которой „волосъ дологъ, а умъ коротокъ“, создана только для службы мужчинѣ; ихъ ученые, философы, поэты и священники считали пустой забавой обученіе и воспитаніе ея, они издѣвались надъ женщиной, оставлявшей стряпню для чтенія научныхъ книгъ, бросая ей упрекъ въ стремленіи присвоить себѣ свойства, исключительно присущія, какъ они говорили, мужчинамъ.

Когда же тучи невѣжества разсѣялись и положеніе женщины стало предметомъ критическаго анализа изслѣдователей, было обнаружено, что сами мужчины виноваты въ ея упадкѣ и являются при-

чиной порчи ея нравовъ; было установлено, что ея умственная и нравственная природа такъ же, какъ и у мужчинъ, способна къ прогрессу, что женщина такой же человѣкъ и имѣетъ право распоряжаться своей свободой и пользоваться своими силами. Грѣшно III.
ее лишать тѣхъ средствъ, которыя позволяютъ использовать эти силы.

Съ этого времени западная женщина вступила въ новый періодъ, она стала развивать постепенно свой умъ и совершенствовать нравственныя качества; она получила свои права одно за другимъ и стала сотрудницей мужчинъ въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни. Вмѣстѣ съ ними она стала изучать науку въ школахъ, слушать проповѣдь въ церкви; вмѣстѣ съ ними стала засѣдать въ литературныхъ собраніяхъ и научныхъ обществахъ, путешествовать по разнымъ странамъ. Прошло немного времени, какъ изъ міра исчезла эта самка—это животное, которая всецѣло была занята разными украшеніями, погружена въ туалеты, поглощена развлеченіями; вмѣсто нея появилась новая женщина—сестра мужчины, подруга мужа, мать дѣтей и воспитательница цѣлаго рода.

Этотъ переворотъ—вотъ къ чему единственно мы стремимся.

Цѣль нашихъ стараній состоитъ въ томъ, чтобы египетская женщина добилась такого же высокаго положенія и сдѣлала этотъ шагъ по лѣстницѣ совершенства, соотвѣтствующаго ея качествамъ; IV.
она получитъ свою долю умственнаго и нравственнаго прогресса, свою долю счастія въ жизни и сумѣетъ лучше воспользоваться своимъ вліяніемъ въ домѣ.

Если бы это совершилось, то мы глубоко убѣждены и не допускаемъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такое незначительное движеніе окажется самымъ крупнымъ событіемъ въ исторіи Египта.

Если таково наше убѣжденіе, то можетъ ли повліять на упорство нашего стремленія осуществить эти надежды отсутствіе вниманія со стороны части общества и недовольство, высказываемое нѣкоторыми писателями? Среди послѣднихъ есть и критики, мнѣніе которыхъ не совпадаетъ съ нашимъ, и знахари, проведшіе всю жизнь въ пустословіи, и ослѣпленные, отрицающіе у насъ чистоту побужденій.

Мы пишемъ не для того, чтобы добиться апплодисментовъ глупцовъ и черни, которые, слушая слово Аллаха, само по себѣ краснорѣчиво выраженное и вполнѣ понятное, уразумѣютъ его только тогда, когда оно будетъ искажено и уклонится отъ перво-

*

начальнаго смысла въ угоду толкованію шейха, болѣе всѣхъ людей невѣжественнаго въ своей религіи. Они любятъ родину только тогда, когда она предстаетъ передъ ними въ отвратительныхъ кар-
V. тинахъ, съ устарѣвшими нравами, съ дикими обычаями. Нѣтъ, мы пишемъ для людей знанія, а въ особенности для молодого поколѣнія, на которое возложены всѣ наши надежды въ будущемъ. Благодаря пріобрѣтенному истинно научному воспитанію, оно можетъ удѣлить женскому вопросу заслуживаемое имъ вниманіе и заботливость.

На этотъ разъ мы не видимъ нужды говорить о покрывалѣ [1]) съ точки зрѣнія религіозной; приведенные нами въ книгѣ „Освобожденіе женщины"—кораническіе тексты ясно говорятъ о разрѣшеніи женщинамъ открывать лицо, руки и находиться въ обществѣ мужчинъ [2]). Въ этомъ съ нами согласились многіе мусульманскіе ученые, мнѣнія которыхъ мы привели. Хотя другая часть законовѣдовъ поддерживаетъ принципъ строгости относительно покрывала, слѣдовать этому мнѣнію религія насъ не обязываетъ.

Если для рѣшенія этого вопроса существуетъ два пути, то справедливость заставляетъ отдать преимущество тому, который согласуется съ человѣческой свободой и общественной пользой.

Редакторъ журнала „аль-Манаръ" [3]) высказалъ мнѣніе о покрывалѣ, которое мы приводимъ для подтвержденія нашей мысли:
VI. „Что же касается третьяго обстоятельства, т. е. сужденія закона о такой бесѣдѣ, то извѣстно, что законъ запрещаетъ пребываніе наединѣ только съ женщиной-иностранкой. Извѣстія же перваго поколѣнія (послѣ Мухаммеда) говорятъ опредѣленно о разговорахъ женщинъ съ мужчинами въ обществѣ, а не наединѣ. Достаточно уже того, что жены пророка—да благословитъ его Аллахъ и привѣтствуетъ,— которымъ было приказано особенно строго держаться покрывала, бесѣдовали неоднократно съ мужчинами, а госпожа ʿАиша [4]) была даже предводительницей войска и

---

[1]) Арабское слово *аль-хиджабъ* одинаково значитъ «покрывало» и «затворъ». Въ зависимости отъ контекста мы пользуемся однимъ изъ этихъ значеній, но во избѣжаніе недоразумѣній въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ помнить, что буквальный смыслъ въ каждомъ случаѣ допускаетъ оба.

[2]) См. Освобожденіе женщины, 2 изд., стр. 68—83.

[3]) Мухаммедъ Рашидъ Рида, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей современнаго возрожденія ислама въ Египтѣ, ближайшій ученикъ покойнаго муфтія Египта Мухаммеда Абдо.

[4]) Любимая жена пророка, принимавшая непосредственное участіе въ междоусобныхъ войнахъ послѣ смерти третьяго халифа ʿОсмана (654), однимъ изъ событій которыхъ и была упоминаемая дальше битва.

управляла имъ во время извѣстнаго сраженія „верблюда“. Едва ли даже склонный къ преувеличеніямъ скажетъ, что она ни съ кѣмъ не говорила, иначе какъ оставаясь подъ покрываломъ“.

Таково мнѣніе человѣка, отношеніе котораго къ религіи извѣстно всѣмъ, и если бы обитатели аль-Азхара [1]) занимались усвоеніемъ основныхъ идей ихъ религіи вмѣсто того, чтобы заниматься словами и всякими грамматическими сочетаніями, тогда они, конечно, не разошлись бы съ нами ни въ чемъ, высказанномъ выше.

Удивительно, какъ наши газеты и мыслители каждый день упрекаютъ мусульманскихъ богослововъ въ томъ, что они причина упадка и отсталости мусульманскихъ націй по сравненію съ другими въ цивилизаціи; самимъ себѣ они приписываютъ религіозную VII.
терпимость и пренебреженіе къ постановленіямъ религіи, но если произойдетъ какое нибудь движеніе въ пользу мнѣнія, въ которомъ кто-либо видитъ благо націи, ихъ взоры обращаются къ этимъ же ученымъ, и они спрашиваютъ ихъ мнѣнія объ этомъ. Имъ не дано понять, что тотъ, кто противится реформамъ, кто не признаетъ за обученіемъ современнымъ наукамъ пользы для развитія ума, усовершенствованія нравственности или укрѣпленія энергіи, кто принимаетъ обученіе географіи или исторіи только противъ воли,—тотъ не понимаетъ ни религіи, ни науки. Такимъ нельзя позволить высказывать свое мнѣніе о чемъ бы то ни было имѣющемъ отношеніе къ націи, не говоря уже про одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціальнаго строя.

Знакомый съ исламскимъ закономъ (шаріатомъ) знаетъ, что освобожденіе женщины—одинъ изъ его драгоцѣннѣйшихъ устоевъ, которымъ онъ можетъ гордиться передъ всѣми прочими законами, такъ какъ 12 вѣковъ тому назадъ онъ даровалъ женщинѣ тѣ права, которыя западная ея сестра получила только въ этомъ столѣтіи и лишь частью въ истекшемъ. Даже и теперь послѣдняя лишена нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ и домогается ихъ полученія.

Нашъ законъ, вѣдь, утвердилъ за женщиной право самостоя- VIII.
тельнаго управленія и полнаго распоряженія своимъ состояніемъ, онъ настаиваетъ на ея воспитаніи и обученіи, не лишаетъ ее возможности заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ и спеціальностью, онъ подчеркиваетъ ея равноправіе съ мужчиной до такой

[1]) Знаменитая Каирская мечеть, являющаяся духовной академіей всего мусульманскаго міра.

степени, что разрѣшаетъ быть душеприказчицей мужчины, даетъ право исполнять дожность муфти и кади—т. е. право судить людей по справедливости. Вѣдь и 'Омаръ [1]), да будетъ доволенъ имъ Аллахъ, назначилъ надзирать за мединскими рынками женщинъ, хотя находились и мужчины изъ ближайшихъ сподвижниковъ пророка и другіе. Между тѣмъ, французскіе законы предоставили женщинамъ право заниматься адвокатурой только въ прошломъ году. Если нашъ законъ защищаетъ женщину до такой степени и предоставляетъ ей такую свободу, то достойно ли насъ въ этомъ вѣкѣ забывать про стремленія нашего закона и оставлять въ небреженіи тѣ средства, которыя помогаютъ женщинѣ пользоваться этими драгоцѣнными правами, а вмѣсто этого губить время въ отвлеченныхъ спорахъ, которые только мѣшаютъ намъ идти впередъ по пути исправленія нашего положенія?

Я думаю, что это насъ недостойно, и надѣюсь, что многіе читатели раздѣляютъ мое мнѣніе.

---

[1]) Второй халифъ, 634—644.

Женщина предъ судомъ исторіи.

Современное положеніе женщины можно понять только ознакомившись съ нимъ въ прошломъ. Таково правило изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ: мы не можемъ уловить нашего дѣйствительнаго состоянія въ чемъ бы то ни было иначе, какъ послѣ постепеннаго разсмотрѣнія его въ прошломъ и знакомства со всѣми пройденными стадіями; другими словами, мы должны знать нашу исходную точку, чтобы узнать конечную. 1.

Шейхъ историковъ Геродотъ говоритъ, что (въ древности) связь мужчины съ женщиной была предоставлена случайности, не отличаясь отъ того, что можно наблюдать у животныхъ. Если у женщины рождался ребенокъ, то, по достиженіи имъ зрѣлости, собиралось племя, и его приписывали наиболѣе похожему. Этотъ же обычай былъ извѣстенъ и у германскихъ племенъ и у арабовъ языческой эпохи. Разсказы современныхъ намъ путешественниковъ 2.
подтверждаютъ историческія данныя: бывшіе въ странѣ Таити, на Маркизовыхъ островахъ съ сопредѣльными частями Австраліи, Новой Зеландіи, равно какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи и Африки говорятъ, что вездѣ здѣсь бракъ неизвѣстенъ.

Нельзя сомнѣваться, что женщина въ такихъ условіяхъ живетъ самостоятельно и сама дѣйствуетъ за себя, оставаясь равноправной съ мужчиной во всѣхъ дѣлахъ; мало того, у нея есть еще то преимущество, что дѣти въ большинствѣ случаевъ относятся къ ней одной. Такимъ образомъ, женщина перваго періода играетъ видную роль въ соціальномъ строѣ. Иногда она даже совмѣстно съ мужчиной участвуетъ въ защитѣ своего племени; на это указываютъ легенды древней исторіи о сраженіяхъ амазонокъ и существованіе до сихъ поръ распространеннаго въ нѣкоторыхъ странахъ обычая воинской повинности для женщинъ, какъ и для мужчинъ. У сіамскаго короля есть опредѣленное число женщинъ, составляю-

щихъ его гвардію, а у короля Дагомеи Бегансина, владѣнія котораго захватили французы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было 500 воиновъ мужчинъ и 500 женщинъ.

3. Когда человѣкъ бросилъ кочевой образъ жизни, избравъ себѣ постоянное мѣстожительство, и сталъ заниматься земледѣліемъ, тогда появился домашній строй. Особенно содѣйствовало возникновенію семьи то обстоятельство, что въ каждомъ родѣ существовало спеціально почитаемое имъ божество, которое онъ избиралъ среди своихъ предковъ; такъ это было у грековъ, римлянъ, индійцевъ, германцевъ, бываетъ теперь у дикихъ народовъ и частью сохраняется у китайцевъ. Семья приносила жертвы своимъ божествамъ, а это побуждало человѣка заботиться о сохраненіи потомства, которое исполняло бы религіозныя службы.

За вступленіемъ женщины въ семью послѣдовало лишеніе ея самостоятельности; поэтому мы видимъ, что глава семьи у грековъ, римлянъ, германцевъ, индійцевъ, китайцевъ и арабовъ является повелителемъ своей жены. Получалъ онъ власть надъ нею точно такъ же, какъ и надъ рабами, путемъ купли — въ томъ смыслѣ, что брачный договоръ носилъ характеръ акта купли-продажи. Это достаточно извѣстно знакомымъ съ римскимъ правомъ, упоминается историками и подтверждается современными намъ путешественниками. Мужчина покупаетъ себѣ жену у ея отца, и къ нему переходятъ всѣ права отца по отношенію къ ней; онъ можетъ ею распоряжаться вплоть до продажи другому лицу, а въ случаѣ его
4. смерти она переходитъ со всѣмъ прочимъ имуществомъ къ наслѣдникамъ—ея мужскимъ потомкамъ или другимъ.

Результатомъ этого положенія является то, что женщина ничѣмъ лично не владѣетъ и не можетъ быть наслѣдницей, а мужчина можетъ жениться на нѣсколькихъ женщинахъ, такъ какъ единоженство обусловливаетъ равноправіе между супругами въ правахъ и обязанностяхъ. Впослѣдствіи власть мужчины надъ женщиной нѣсколько ослабилась подъ вліяніемъ правительства, вернувшаго ей право владѣнія въ большей или меньшей степени, сообразно съ законами. Однако, вниманіе правительства къ женщинѣ ни въ одной странѣ не дошло до того, чтобы уравнять ее въ правахъ съ мужчиной: въ Индіи женщина совершенно не представляла юридической личности, у грековъ она должна была жить въ полномъ затворѣ и могла выходить изъ дому только въ случаѣ необходимости, у римлянъ женщина была неполноправной. Въ на-

чалѣ европейской исторіи, когда женщина была подчинена власти церкви и римскаго права, она находилась въ наиболѣе тяжеломъ положеніи; нѣкоторые представители религіи стали даже отрицать у нея безсмертную душу. Этотъ вопросъ былъ предложенъ собору, 5.
засѣдавшему въ 586 году въ Маконѣ; послѣ долгихъ разсужденій и горячихъ споровъ было постановлено, что женщина тоже человѣкъ, но создана для служенія мужчинѣ. Понятно, что она должна жить подъ властью мужчины — отца до замужества, мужа послѣ этого, одного изъ сыновей въ случаѣ смерти мужа или вообще кого-либо изъ мужскихъ родственниковъ со своей или мужней стороны, если у нея не было дѣтей. Ни въ коемъ случаѣ ей не дозволялось распоряжаться собой, она не имѣла права быть свидѣтельницей при договорахъ или опекуншей несовершеннолѣтнихъ дѣтей, равно какъ судьей или довѣреннымъ лицомъ. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ наблюдается, что свидѣтельство двухъ женщинъ равняется свидѣтельству одного мужчины. Слѣды всѣхъ такихъ постановленій остаются до нашего времени во многихъ государствахъ Европы. Произошло это потому, что принципъ правительственныхъ учрежденій былъ основанъ на идеѣ семьи, а отъ правительства, основаннаго на неограниченной власти, нельзя ожидать, чтобы оно способствовало пріобрѣтенію женщиной правъ и свободы.

Такой типъ неограниченнаго правительства является первымъ, 6.
появившимся въ мірѣ. Теперь онъ исчезъ, просуществовавъ много вѣковъ въ западныхъ странахъ; его мѣсто занялъ конституціонный строй, основанный на томъ, что правитель имѣетъ право надъ личностью и имуществомъ только поскольку это обусловливается законами.

Однако на востокѣ онъ не перестаетъ господствовать самымъ широкимъ образомъ, такъ какъ на нашихъ глазахъ обитатели Китая, Индіи, арабы, турки, персы подчиняются власти, не измѣнившей своего характера по прошествіи тысячелѣтій.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины, лишившія эти восточныя общины возможности избавиться отъ хроническаго деспотизма, остановившаго ихъ прогрессъ въ цивилизаціи и ограничившаго все движеніе однимъ кругомъ, безъ возможности покинуть свое мѣсто. Для насъ важнѣе установить одно обстоятельство, имѣющее отношеніе къ нашему предмету — именно существованіе связи между политическимъ строемъ и положеніемъ семьи въ каждой странѣ.

Вездѣ, гдѣ мужчина унижаетъ женщину и обращается съ ней какъ съ рабомъ, онъ унижаетъ самого себя и ослабляетъ чувство свобо-
7. боды. И наоборотъ—въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщины пользуются личной свободой, мужчины пользуются политической. Оба положенія связаны самымъ тѣснымъ образомъ.

Если задать вопросъ, которое изъ нихъ оказало вліяніе на другое, мы отвѣтимъ, что дѣйствія ихъ взаимны и каждое оказываетъ вліяніе на противоположное; другими словами, характеръ правленія оказываетъ вліяніе на домашній укладъ, а послѣдній въ свою очередь оказываетъ вліяніе на соціальный строй.

Если посмотрѣть на восточныя страны, легко видѣть, что женщина находится въ рабствѣ у мужчины, а мужчина въ рабствѣ у правителя—онъ тираннъ въ своемъ домѣ и угнетаемый, выйдя изъ него. Если съ другой стороны посмотрѣть на европейскія страны, не трудно замѣтить, что ихъ правительственный строй основанъ на свободѣ и уваженіи къ правамъ личности; поэтому и положеніе женщины поднялось тамъ до высокой степени уваженія и свободы въ мысли и дѣлѣ, хотя онѣ и не достигли еще того уровня, котораго достойны. Переходя къ Америкѣ, можно видѣть людей совершенно самостоятельныхъ въ своей частной жизни; власти правительства и его вмѣшательства въ личныя отношенія почти совершенно не существуетъ, а поэтому свобода женщинъ
8. значительно больше, чѣмъ въ Европѣ. Въ Америкѣ существуетъ полное равноправіе мужчинъ и женщинъ во всѣхъ личныхъ правахъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ равенство касается даже политическихъ правъ.

Въ штатѣ Вайомингъ женщины получили права политическихъ выборовъ съ 1869 года. Я приведу здѣсь мнѣніе главы правительства г. Чемпбелль, которое онъ высказалъ въ своей рѣчи, черезъ два года послѣ приведенія въ дѣйствіе этого закона.

„Прошло два года, и женщины, согласно съ закономъ, пользуются своими политическими правами, избирая депутатовъ и будучи избираемы на эту должность; онѣ засѣдаютъ въ судебныхъ установленіяхъ и несутъ всѣ прочія общественныя обязанности. Справедливость заставляетъ признать, что женщины исполняютъ эти новыя обязанности съ твердостью, проницательностью и здравымъ смысломъ, нисколько не уступая мужчинамъ. Этотъ опытъ ввиду незначительнаго промежутка времени не можетъ быть достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ способности женщинъ нести

важныя правительственныя обязанности, но и онъ побуждаетъ хо-
рошо судить о природныхъ дарованіяхъ женщины. Пока положеніе 9.
остается таковымъ, и онѣ имѣютъ право дальнѣйшаго пользованія".

Послѣ продолженія опыта въ теченіе четырехъ лѣтъ тотъ же
президентъ говорилъ:

„Сегодня исполнилось шесть лѣтъ, какъ мы для опыта пре-
доставили женщинамъ пользованіе политическими правами. Я вы-
сказалъ свое мнѣніе въ прошломъ засѣданіи, изложивъ выгоды,
обнаружившіяся при этомъ опытѣ; теперь я укажу, что все видѣн-
ное мною за эти четыре года вполнѣ убѣдило меня, что мы были
справедливы, давъ женщинѣ избирательныя права; равенство жен-
щинъ и мужчинъ въ политическихъ правахъ на опытѣ увѣнчалось
такимъ успѣхомъ, котораго никто не будетъ отрицать".

Черезъ два года послѣ этого было поставлено во главѣ пра-
вительства другое лицо—генералъ Тайеръ, избранный изъ членовъ
сената въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ своей рѣчи онъ говорилъ:

„Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ женщины у насъ
пользуются политическими правами. Каждый день все больше уве-
личиваетъ въ населеніи довѣріе къ женщинамъ; по моему мнѣнію,
это прекрасный результатъ, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ благу 10.
нашей націи".

Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, 12 января 1882 года, другой
президентъ, по имени Джонъ Хойтъ, говорилъ рѣчь такого содержанія:

„Штатъ Вайомингъ—единственное мѣсто, гдѣ женщины поль-
зуются всѣми политическими правами, предоставленными мужчи-
намъ, безъ всякаго различія для обоихъ половъ. Такой прогрессъ
нашей націи, которую стремленіе къ истинѣ и справедливости за-
ставило исправить застарѣлую ошибку, обратилъ на насъ взоры
всего міра. Если наши враги и утверждаютъ, что мы находимся
все еще въ стадіи опыта, то намъ самимъ извѣстно, что для насъ
этотъ періодъ закончился. Я открыто утверждаю, что участіе
женщинъ въ правительственныхъ начинаніяхъ наряду съ мужчи-
нами имѣло слѣдствіемъ улучшеніе законовъ по сравненію съ пре-
жнимъ положеніемъ; число способныхъ чиновниковъ возросло до
небывалаго раньше количества, а соціальное состояніе значительно
улучшилось и теперь превосходитъ всѣ другія страны. Всѣ же не-
счастія, которыми намъ угрожали, вродѣ утраты женственности и 11.
нарушенія строя нашей домашней жизни—по прежнему существу-
ютъ лишь въ воображеніи нашихъ враговъ.

Громадное большинство нашихъ женщинъ достойнымъ образомъ оцѣнило свои новыя права и пользованіе ими признало общественной обязанностью. Короче говоря, двѣнадцатилѣтній опытъ съ блестящимъ результатомъ утвердилъ въ умѣ и въ душѣ у насъ убѣжденіе, что равноправіе женщинъ и мужчинъ не можетъ вызывать сомнѣній.

Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ насъ стремиться къ совершенству въ соціальномъ устройствѣ, чтобы сдѣлать штатъ Вайомингъ путеводной звѣздой человѣчества въ его великомъ движеніи, которое должно поднять человѣка до вершины свободы".

Къ рѣчамъ этихъ великихъ людей мнѣ только остается прибавить, что законъ 69 года продолжаетъ дѣйствовать въ Вайомингѣ
12. до сихъ поръ и три штата Америки—Юта, Колорадо и Айдахо — пошли вслѣдъ за нимъ и даровали женщинамъ политическія права.

Во всѣхъ же прочихъ американскихъ штатахъ женщина до сихъ поръ не получила политическихъ правъ, однако всякій, знакомый съ движеніемъ общественнаго мнѣнія, не можетъ сомнѣваться, что она ихъ добьется въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ каково мнѣніе двухъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей.

Симплонъ, членъ сената въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ: „Я убѣжденъ, что распространенію разврата въ нашихъ большихъ городахъ будетъ положенъ предѣлъ только тогда, когда женщины получатъ избирательныя права".

Аналогиченъ отзывъ Жильбера Гавье (?) [1]—тоже сенатора:

„Порча политическихъ нравовъ будетъ устранена съ участіемъ женщины въ выборахъ: мы знаемъ что кабакъ—это городской совѣтъ и мѣсто избранія; это потому и происходитъ, что кабакъ — единственное мѣсто, куда не входитъ женщина".

Можетъ быть читателя удивитъ, какимъ образомъ мужчины въ Америкѣ считаютъ невозможнымъ бороться съ развратомъ и порчей нравовъ безъ помощи женщинъ. Это надо разъяснить, и по-
13. этому я приведу слова американскаго судьи Джона Линчмэна (?) сказанныя имъ въ 1882 году въ одной изъ важнѣйшихъ газетъ Европы:

---

[1]) Особенности арабскаго шрифта (неимѣніе буквъ для выраженія цѣлаго ряда звуковъ въ европейскихъ языкахъ, отсутствіе гласныхъ и т. д.) лишаютъ возможности точно установить европейскія фамиліи, если онѣ мало извѣстны въ оригиналѣ. Такіе сомнительные случаи обозначаются въ дальнѣйшемъ вопросительнымъ знакомъ.

„Когда мужчины собирались гдѣ-нибудь до участія женщинъ въ общественныхъ обязанностяхъ, за пазухой каждаго изъ нихъ былъ револьверъ. Если поднимался ничтожный споръ между кѣмъ-либо изъ присутствующихъ, онъ обыкновенно кончался убійствомъ или увѣчьями, а сообщники обыкновенно устанавливали невиновность преступниковъ. Когда же женщины стали принимать съ мужчинами участіе въ судебныхъ обязанностяхъ, результатомъ этого явилось наказаніе преступниковъ. Точно также раньше граждане не заботились о наказаніи за пьянство, азартныя игры и развратъ, а теперь это положеніе измѣнилось. Результатомъ участія женщинъ въ засѣданіяхъ является и то, что залы, какъ мы наблюдаемъ воочію, блистаютъ порядкомъ, серьезностью и приличіемъ значительно больше, чѣмъ это было извѣстно раньше.

Занятіе женщинъ общественными обязанностями не вызвало съ ихъ стороны пренебреженія къ домашнимъ дѣламъ. До меня не доходили жалобы какого-нибудь супруга на то, что его жена общественными дѣлами отвлекается отъ домашнихъ обязанностей; я не 14.
видалъ и не слыхалъ про раздоры между супругами по причинѣ разногласія въ политическихъ вопросахъ, хотя я и знаю много семей, гдѣ мужъ принадлежитъ къ одной партіи, а жена къ другой“.

Американская женщина во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ пользуется значительной долей общественныхъ правъ: она можетъ заниматься адвокатурой и выступать передъ всѣми судами. Судьи—женщины имѣются въ штатахъ Канзасъ, Вайомингъ, Колумбія, Чили, Зеландія [1]) и др.; отдѣльныя представительницы назначались общественными депутатами, а значительное число находится въ министерствахъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и военномъ.

Что же касается числа женщинъ, занимающихся нотаріальной дѣятельностью, женщинъ—священниковъ, инженеровъ, редакторовъ, служащихъ въ обсерваторіяхъ, на почтѣ и телеграфѣ, то оно безгранично.

Женщины занимаютъ большинство должностей въ министерствѣ просвѣщенія: число ихъ доходитъ до 95% въ начальныхъ 15.
училищахъ.

Поль Бурже, знаменитый французскій писатель, говоритъ въ

[1]) Авторъ, очевидно по недосмотру, причисляетъ Колумбію, Чили и Новую Зеландію къ Соединеннымъ Штатамъ.

своей новой книгѣ, написанной имъ послѣ путешествія въ Америку, слѣдующее о положеніи тамъ женщинъ:

„При посѣщеніи общественныхъ школъ можно видѣть дѣвочекъ, занимающихся въ одномъ мѣстѣ съ мальчиками, а излагаетъ урокъ безразлично учитель или учительница. Когда я зашелъ въ научную лабораторію, то увидалъ дѣвушекъ, склонившихъ свои головки надъ микроскопомъ, а рядомъ съ ними юношей-студентовъ—всѣ они были заняты изслѣдованіемъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ области анатоміи. Къ вамъ является корреспондентъ какой нибудь газеты, не называя своего имени, и вы видите женщину; вы хотите пригласить какого либо знаменитаго врача и убѣждаетесь, что число женщинъ-врачей не уступаетъ числу мужчинъ. Если въ нѣкоторыхъ областяхъ оно и не вполнѣ одинаково, то все же настолько значительно, что ихъ врачебная дѣятельность не представляется и здѣсь чѣмъ то рѣдкимъ“.

Для выясненія высокаго положенія американской женщины
16. достаточно сказать, что изъ переписи 1880 года выясняется, что число однѣхъ женщинъ, занимающихся науками и литературой, составляетъ 75%, торговлей 63% и ремеслами 62%.

Если изъ Америки мы обратимся къ Англіи, которая ближе всѣхъ къ ней, то найдемъ, что занятіе женщинъ науками и ремеслами не уступаетъ наблюдаемому въ Америкѣ; изъ послѣднихъ статистическихъ данныхъ явствуетъ, что милліонъ ихъ занимается науками и литературой, а три милліона торговлей и ремеслами.

Англійскія женщины имѣютъ право выбора въ городскихъ совѣтахъ, въ научныхъ и благотворительныхъ обществахъ; пользованія этими правами женщины не лишены даже въ англійскихъ колоніяхъ, какъ Капская область, Канада и Австралія.

Что же касается вопроса о дарованіи имъ политическихъ правъ, то онъ продолжаетъ оставаться въ подготовительной стадіи. Первое требованіе англійскихъ женщинъ было представлено въ парламентъ въ 1866 году; подъ нимъ подписалось 600.000 жен-
17. щинъ; первый законопроектъ о дарованіи политическихъ правъ былъ внесенъ въ парламентъ въ 1867 году. Счастіемъ для него было то, что знаменитый ученый Стюартъ Милль взялъ на себя защиту его въ засѣданіи; онъ тотчасъ же пріобрѣлъ на свою сторону 80 голосовъ изъ членовъ парламента, среди которыхъ слѣдуетъ упомянуть Дизраэли и Гладстона. Въ 1872 году законопроектъ былъ внесенъ вторично и получилъ 159 голосовъ, въ 1873—172,

затѣмъ онъ вносился время отъ времени и пріобрѣталъ все новые голоса, пока на его сторонѣ не оказалось большинство въ 1892 году. Онъ былъ утвержденъ парламентомъ, и для приведенія въ дѣйствіе необходимо было только утвержденіе верхней палатой.

Во Франціи умственное движеніе въ женскомъ вопросѣ не дошло еще до такого предѣла: число женщинъ, занимающихся наукой, незначительно, а число служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ почти ограничивается управленіями почты, телеграфа и телефона. Занятіе, на которое особенно устремились француженки—это торговля. Мнѣніе Виктора Гюго, величайшаго современнаго поэта во Франціи, оказалось ошибочнымъ, когда онъ писалъ: „XVIII вѣкъ утвердилъ права мужчинъ, а XIX утвердитъ права 18.
женщинъ". XIX вѣкъ прошелъ, между тѣмъ немногое удалось провести изъ тѣхъ улучшеній, которыхъ добивалось столько французскихъ дѣятелей. Только за послѣднія 10 лѣтъ произошелъ замѣтный прогрессъ въ умственномъ движеніи Франціи, закончившійся полученіемъ женщинами избирательнаго права въ торговыхъ совѣтахъ, а въ прошломъ году вышелъ законъ, допускающій женщинъ къ занятію адвокатурой.

Положеніе женщинъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ мало чѣмъ отличается отъ ихъ положенія во Франціи.

Что касается Россіи, то ея географическое положеніе обусловливало большее вліяніе восточныхъ обычаевъ; поэтому женщины высшаго и средняго слоевъ населенія жили здѣсь въ затворѣ, какъ на востокѣ, заключенныя въ домахъ и лишенныя обученія и воспитанія. У нихъ были лишь тѣ права, которыми позволяла имъ пользоваться милость мужей и опекуновъ. Этотъ обычай въ русской странѣ исчезъ только въ 1725 году, когда вышелъ верховный при- 19.
казъ Петра Великаго, сразу отмѣнившій затворъ. Послѣ него правила императрица Екатерина, завершившая его дѣло. Съ 1762 по 1797 годъ она занималась учрежденіемъ школъ для дѣвицъ и распространяла среди нихъ образованіе умственное и нравственное.

Но когда власть перешла къ императору Александру I, ненавидѣвшему свободу, это движеніе пріостановилось до восшествія на престолъ Александра II, который склонялся къ прогрессу своей страны и желалъ ей преуспѣянія. Онъ уничтожилъ рабство людей и основалъ много школъ для дѣвицъ, начальныхъ и среднихъ, въ которыхъ онѣ изучали тѣ же науки, какъ и юноши; первая школа такого образца была основана въ 1857 году. Все же это великое

возрожденіе долго не продолжалось: русское правительство увидѣло,
что прогрессъ женщинъ въ наукахъ оказываетъ сильное вліяніе на
политическое положеніе націи и оппозиціонная партія стала расти,
а поэтому въ 1862 году двери высшихъ учебныхъ заведеній были
20. закрыты передъ юношами и дѣвушками. Однако женщины не захо-
тѣли коснѣть въ невѣжествѣ, послѣ того, какъ вкусили плодовъ
свободы и науки. Многія изъ нихъ покинули свою родину въ
поискахъ знаній и стали эмигрировать во Францію, Швейцарію и
Германію для пріобрѣтенія ихъ. Во время изгнанія онѣ вели борьбу
съ правительствомъ, распространяя свои мнѣнія черезъ книги и
газеты и принимая участіе въ заговорахъ наряду съ мужчинами.
Результатомъ закрытія учебныхъ заведеній было усиленіе духовной
революціи по сравненію съ прежнимъ. Правительство это поняло
и, сознавъ свою ошибку, въ 1889 году постановило вновь открыть
эти высшія школы. Съ того времени до нашихъ дней число ихъ
значительно увеличилось.

Такова вкратцѣ исторія женщины въ мірѣ, которую мы резю-
мируемъ въ двухъ словахъ.

Женщина жила свободной въ первые вѣка, когда человѣчество
начинало историческую жизнь, затѣмъ, съ возникновеніемъ семьи,
она попала въ настоящее рабство. Съ выступленіемъ человѣчества
на путь прогресса, характеръ этого рабства измѣнился, и за жен-
щиной признали нѣкоторыя права, но она подпала подъ произволъ
21. мужчины, который лишилъ ее пользованія признанными за ней
правами. Когда же человѣчество достигло извѣстной степени циви-
лизаціи, женщина получила полную свободу и сравнялась съ муж-
чиной во всѣхъ правахъ или по меньшей мѣрѣ въ большинствѣ
ихъ. Четыремъ стадіямъ соотвѣтствуютъ четыре эпохи исторіи
цивилизаціи въ мірѣ.

Египетская женщина находится теперь въ третьей стадіи своей
исторической жизни—предъ лицомъ закона она свободный человѣкъ
съ правами и обязанностями, но, по мнѣнію главы семьи и по его
обращенію, она не свободна, а лишена пользованія своими закон-
ными правами. Такое положеніе женщины теперь—одно изъ слѣд-
ствій политическаго произвола, которому мы подчинялись и подчи-
няемся.

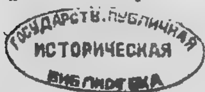
При всемъ томъ политическій произволъ находится теперь въ
агоніи и близокъ къ гибели, такъ что на его возвращеніе нельзя

расчитывать, а между тѣмъ, мужчины у насъ продолжаютъ быть тираннами женщинъ.

Причина этого только въ томъ, что наши государственные законы поднялись на высоту прежде, чѣмъ мы сами достигли ея; они предупредили насъ въ томъ, куда мы еще не дошли. Они устанавливаютъ, что всякій индивидуумъ среди насъ можетъ поль- 22.
зоваться своей свободой и законными правами—безразлично мужчина или женщина. У насъ же, мужчинъ, въ природѣ по прежнему прочно заложено стремленіе къ преобладанію въ пользованіи преимуществами свободы и отсутствіе уваженія къ правамъ женщинъ.

Это доказываетъ, что власть старыхъ нравовъ по прежнему вліяетъ на насъ, какъ съ очевидностью обнаруживается въ нашихъ поступкахъ: законы наши написаны для свободной націи, нравы же продолжаютъ оставаться такими, какъ у націи, находящейся въ рабствѣ. Поэтому мы видимъ, что наши мужчины познакомились съ источниками мудрости, переходятъ изъ одного училища въ другое, со ступеньки на ступеньку и пріобрѣтаютъ высочайшія ученыя званія, становятся юристами, обучающими праву, поэтами—„геніями современности“, какъ говорятъ люди, свѣдущіе въ ихъ искусствѣ, писателями, посвящающими себя просвѣщенію людей посредствомъ газетъ съ эпитетами „научныхъ, литературныхъ, артистическихъ“ и съ другими громкими прозвищами, ораторами, прославившимися любовью къ свободѣ и самостоятельности. И вотъ—когда всѣ упомянутые слышатъ, что женщина лишена правъ, что она—обиженный человѣкъ, то начинаютъ спрашивать друга друга: „разрѣшить ли выпустить ее изъ тюрьмы и снять покрывало съ ея невѣжества“? Послѣ долгихъ переговоровъ они возвращаются къ 23.
тому, что укрѣпилось въ ихъ природѣ, отрицаютъ ея права и обрекаютъ оставаться во мракѣ невѣжества и пожизненной тюрьмѣ!!

Потому ли это, что вопросъ сложенъ и нуждается въ усиліяхъ для своего рѣшенія, что онъ допускаетъ различныя мнѣнія? Вовсе нѣтъ: мы только представляемъ себѣ свободу, но въ сущности не чувствуемъ любви къ ней; мы признаемъ права другихъ, но не находимъ въ себѣ уваженія къ нимъ. Мы находимся лишь въ періодѣ опыта пользованія правами свободныхъ людей и нуждаемся въ значительномъ промежуткѣ времени, чтобы они укоренились у насъ.

Европейцы цѣнятъ свободу должнымъ образомъ; они любятъ и уважаютъ ее у другихъ, точно такъ же, какъ цѣнятъ, любятъ и уважаютъ у самихъ себя.

Такъ бываетъ со всякимъ, обладающимъ настоящимъ сознаніемъ благородства какого либо качества: благороденъ тотъ, кто цѣнитъ благородство, гдѣ бы оно ни проявлялось.

Кондорсе, знаменитый правовѣдъ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Извѣстнаго права или не существуетъ ни для кого, или право одного должно быть совершенно аналогично съ правомъ
24. другого; кто же лишаетъ другого его права, какова бы ни была его религія, цвѣтъ кожи или племя, тотъ своими ногами попираетъ собственное право".

Поэтому сторонники прогресса въ Европѣ и Америкѣ работаютъ надъ улучшеніемъ положенія женщины, желая поднять его на ту высоту, которой оно еще не достигло. Они поклялись бороться на этомъ пути, пока женщины не достигнутъ положенія мужчинъ и не сравняются съ ними во всѣхъ человѣческихъ правахъ.

Я не отрицаю, что немалое число западныхъ дѣятелей продолжаетъ оспаривать справедливость принципа полнаго равноправія обоихъ половъ.

Здѣсь существуетъ два борящихся теченія: одно довольствуется тѣми правами и свободой, которыхъ достигла западная женщина, другое же требуетъ еще большаго, пока не исчезнетъ разница между обоими полами.

Такъ человѣческій міръ дѣлится въ каждомъ вопросѣ на двѣ партіи: консерваторовъ и прогрессистовъ; каждая изъ нихъ желаетъ добра и стремится къ счастью для своего народа, но онѣ расходятся между собой во взглядахъ на пути достиженія этого добра и дороги къ счастью.

Кто слѣдитъ за цѣпью историческихъ событій всѣхъ временъ, хорошо знаетъ, что женщина всегда и вездѣ исполняла свое при-
25. родное назначеніе, но она одарена разнообразными способностями къ разнымъ родамъ совершенства; она шла и идетъ по пути постепеннаго совершенствованія, переходя изъ одной стадіи въ болѣе высокую, съ одной ступени на другую.

Говорить о необходимости оставаться ей въ одномъ положеніи безъ всякихъ перемѣнъ и измѣненій—значитъ заставлять ее отступить отъ естественныхъ законовъ, обусловившихъ измѣненіе ея положенія въ прошломъ и подготовившихъ въ настоящемъ ея пере-

ходъ изъ одной стадіи въ другую. Вообще, происхожденіе разно-
гласія между нами и западными объясняется тѣмъ, что они по-
няли природу человѣка, уважаютъ его личность и даровали жен-
щинѣ тѣ же права, какія имѣютъ сами во всемъ, что касается
частной жизни. Никто изъ нихъ не оспариваетъ у нея права поль-
зоваться своей свободой во всемъ, относящемся къ тѣлу и уму,
исключая, конечно, не допускаемаго нравственностью; они считаютъ
ее въ этомъ отношеніи совершенно равноправной съ мужчиной.
Разногласіе существуетъ только въ вопросѣ равенства ея съ муж-
чиной въ общественной жизни: нѣкоторые считаютъ, что занятія
общественными дѣлами отвлекутъ ее отъ круга природныхъ обязан-
ностей, другіе же находятъ что эта природная обязанность не запол- 26.
няетъ всей жизни женщины, равно какъ не занимаетъ каждой
женщины. Поэтому послѣдніе отстаиваютъ равноправіе женщины
съ мужчиной и въ вопросахъ, относящихся къ общественной
жизни.

Что касается насъ, то мы не смотримъ на женщину такъ, какъ смотримъ на мужчину: наши умы не подготовлены еще къ воспріятію той очевидной истины, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина; мы не даемъ ей пользоваться всѣми человѣческими правами и лишили ее всѣхъ преимуществъ личной и общественной жизни. Несеніе женщиной общественныхъ обязанностей не входитъ въ область нашихъ изслѣдованій въ этой книгѣ; поэтому мы не видимъ необходимости говорить объ этомъ. Мы собираемся изслѣдовать лишь то, что связано съ частной жизнью женщины. Изслѣдованіе это захватываетъ три вопроса: первый—свобода женщины, второй—обязанности женщины по отношенію къ самой себѣ, третій—обязанности женщины по отношенію къ семьѣ. Въ такомъ порядкѣ мы и будемъ говорить о нихъ, присоединивъ дополнительное изслѣдованіе о воспитаніи и покрывалѣ и заключеніе, касающееся современнаго состоянія умовъ въ Египтѣ относительно женскаго вопроса.

---

*

27. ## Свобода женщины.

Ни въ одномъ вопросѣ древніе философы такъ не ошибались, какъ въ вопросѣ о человѣческой свободѣ: они были убѣждены, что Богъ создалъ людей двухъ категорій—однимъ онъ предоставилъ свободу, другихъ обрекъ на рабство.

Жизнь свободныхъ была далека отъ личной самостоятельности и подчинялась власти главы рода или главы правительства.

Исторія намъ говоритъ, что правительство въ эти давнія времена вмѣшивалось во все, относящееся къ частной жизни, оно играло руководящую роль въ устройствѣ семьи, въ воспитаніи, религіи, нравахъ и чувствахъ; даже въ торговыхъ сношеніяхъ оно устанавливало цѣны товаровъ. Вліяніе это и вмѣшательство въ частную жизнь доходило до того, что, напр., древніе законы грековъ запрещали женщинамъ выходить изъ жилищъ, за исключеніемъ
28. опредѣленныхъ случаевъ. Общественная жизнь болѣе всего походила на военную: начальникъ по своему усмотрѣнію отдавалъ приказанія, а подчиненные должны были имъ безпрекословно подчиняться.

Когда міръ пошелъ по пути цивилизаціи, личность постепенно стала освобождаться отъ власти общества и расширять кругъ своей свободы, такъ что положеніе совершенно измѣнилось: считавшееся раньше общимъ правиломъ превратилось въ исключеніе. Съ тѣхъ поръ цѣлью цивилизаціи стало достиженіе личностью высшихъ предѣловъ самостоятельности и свободы.

Это понятно, такъ какъ идеи человѣка развились; онъ считаетъ, что предоставлять себя во власть правителя не примиримо съ его человѣческимъ достоинствомъ и не согласно съ его спокойствіемъ и счастіемъ. Поэтому онъ не желаетъ отказываться для кого бы то ни было отъ своей свободы и довѣрять ее другому, хотя бы и самому близкому человѣку. Ради интересовъ правитель-

ства онъ готовъ отказаться отъ нея только въ той мѣрѣ, насколько это требуется для выполненія его обязанностей, т. е. охраненія общественной безопасности внутри и защиты границъ государства извнѣ, равно какъ для выполненія дѣлъ, полезные результаты которыхъ распространяются на всѣхъ. 29

Сообразно съ этимъ условіемъ отдѣльная личность подчиняется установленнымъ для нея обязанностямъ и налогамъ; если же правительство или какое-либо лицо пожелаетъ вмѣшиваться въ дѣла или условія ея частной жизни, она чувствуетъ тяжесть гнета и страдаетъ отъ несправедливости.

Причины этого двояки.

Если желаніе правителя и совпадаетъ съ симпатіей личности, то оно нарушаетъ симпатіи большинства, потому что характеры различны, стремленія разнообразны и вкусы неодинаковы въ зависимости отъ лица, возраста, времени и мѣста. Такимъ образомъ, принять общее правило для всѣхъ обстоятельствъ частной жизни отдѣльнаго лица не такъ легко человѣческой природѣ. Съ другой стороны опытъ указываетъ, что вмѣшательство правителя въ частныя дѣла отдѣльныхъ лицъ ослабляетъ ихъ силы, лишаетъ возможности исполнять свои обязанности и развиваетъ въ душѣ вялость и неспособность къ дѣйствіямъ въ надеждѣ на другихъ.
Хотя нѣкоторые и чувствуютъ всю прелесть лѣни и постояннаго 30.
покоя, но и для нихъ самихъ это оканчивается униженіемъ и несчастной жизнью.

Свобода—это принципъ прогресса человѣческаго рода и его лѣстница къ счастью; поэтому націи, постигшія тайну успѣха, считаютъ ее самымъ драгоцѣннымъ человѣческимъ правомъ.

Извѣстно, что подъ свободой здѣсь разумѣется независимость человѣка въ *мысли*, *волѣ* и *дѣйствіи*, когда она остается въ законныхъ предѣлахъ, охраняя принципы нравственности; послѣ этого ему не приходится подчиняться ни въ чемъ желаніямъ другихъ—не считая исключительныхъ обстоятельствъ, какъ безуміе и младенчество. Даже по отношенію къ дѣтямъ ученые педагоги считаютъ гнетъ губительнымъ для ихъ воли и предпочитаютъ предоставлять ребенку распоряжаться своей свободой; на родителяхъ же лежитъ обязанность руководить и совѣтовать ему.

Такая свобода во всей ея широтѣ и должна быть положена въ основу воспитанія нашихъ женщинъ.

Нѣкоторые люди удивляются моему требованію предоставить

31. свободу женщинамъ и спрашиваютъ, развѣ онѣ въ рабствѣ. Но если бы они постигли понятіе свободы, тогда не разошлись бы со мной во мнѣніяхъ.

Мы не хотимъ сказать, что женщинъ теперь покупаютъ и продаютъ на рынкахъ, но вѣдь рабомъ является не только тотъ человѣкъ, которымъ разрѣшается торговать. Здравый смыслъ говоритъ, что всякій, не имѣющій безусловнаго права распоряжаться своей мыслью, волею и дѣломъ,—рабъ.

Я не думаю, что безпристрастный читатель разойдется со мной во мнѣніяхъ, если я скажу, что вообще въ глазахъ мусульманъ женщина не является настоящимъ человѣкомъ: у нихъ мужчина считаетъ, что ему принадлежитъ господство надъ ней, и сообразно съ этимъ обращается съ ней. Доказательствъ этого достаточно.

Во многихъ семьяхъ считается неприличнымъ для женщины не поцѣловать руки мужчины при привѣтствіи, не принято, чтобы женщины сидѣли съ мужчинами, не принято ѣсть вмѣстѣ съ ними. Не разъ я видалъ своими глазами, какъ мужъ садится за столъ съ ѣдой, а жена стоитъ, отгоняя отъ него мухъ, дочь подаетъ графинъ съ водой.

32. Да! такое грубое некультурное обращеніе мужа съ женой является преобладающимъ въ нѣкоторыхъ слояхъ, особенно въ прибрежныхъ провинціяхъ; порабощеніе женщины въ другихъ слояхъ и въ городахъ выражается другимъ образомъ.

Мужъ, который запрещаетъ своей женѣ выходить изъ дому безъ всякаго повода, кромѣ его нежеланія, чтобы она выходила, не уважаетъ ея свободы. Въ этомъ смыслѣ она не только рабыня, но арестантка—вѣдь тюрьма еще большее лишеніе свободы, чѣмъ рабство. Нельзя сказать, что число мужей, запирающихъ своихъ женъ въ тюрьму, стало незначительно: если оно и уменьшилось по сравненію съ прошлымъ, то мы всѣ знаемъ, что женщина крайне рѣдко бываетъ предоставлена своей волѣ и свободному выбору относительно ухода и возвращенія. Мы же теперь говоримъ о положеніи женщины по мнѣнію большинства мужчинъ и о томъ, каково по ихъ убѣжденію должно быть обращеніе съ нею. Если это существуетъ, то безразлично, часто ли бываетъ женщина арестанткой или нѣтъ; по ихъ мнѣнію идеальной женщиной является заключенная въ своемъ домѣ и не выходящая изъ него.

Если бы мусульмане считались съ мнѣніемъ своихъ глупыхъ
33. законовѣдовъ,—которыхъ мнѣніе они только и уважаютъ,—тогда

для нихъ было бы обязательнымъ заключить въ тюрьму своихъ женъ, позволяя имъ выйти только, чтобы навѣстить родственниковъ въ оба праздника [1]). А еще лучше, если она совсѣмъ не будетъ выходить: они вѣдь считаютъ славой для себя, если женщина покидаетъ свое заключеніе только, когда ее несутъ къ могилѣ.

Несомнѣнно, что признаніе за мужемъ права заключать въ тюрьму свою жену противорѣчитъ свободѣ, являющейся природнымъ правомъ человѣка.

Женщина, которую отецъ гонитъ, какъ животное, къ невѣдомому ей мужу, про котораго она не знаетъ ничего, чтобы разобраться въ его дѣйствительныхъ качествахъ и выработать себѣ какое нибудь мнѣніе о немъ, не можетъ считаться свободной,—она по истинѣ рабыня.

Достаточно извѣстно, что всѣ отцы во всѣхъ слояхъ націи выдаютъ замужъ своихъ дочерей именно такимъ образомъ; они переговариваются съ женихомъ, а потомъ заключаютъ брачный договоръ. Сами же дочери не имѣютъ никакого голоса въ этомъ важномъ дѣлѣ, съ которымъ связано въ будущемъ ихъ счастіе или несчастіе. При этомъ нельзя сказать, что положеніе мужчины таково же, какъ и женщины; хотя онъ тоже не знаетъ ничего про свою невѣсту, но все же можетъ избавиться отъ послѣдствій своего 34.
незнакомства, разведясь съ ней, когда ему угодно, или женившись на второй, третьей, четвертой. Женщина же, попавшая къ человѣку, къ общенію съ которымъ не лежитъ ея душа, не можетъ отъ него избавиться никакимъ путемъ. Бракъ женщины съ мужчиной, котораго она не знаетъ, лишеніе права избавиться отъ него, съ предоставленіемъ ему полной возможности держать или отправить ее—это и есть настоящее рабство.

Женщина, которая должна изучать лишь основы богопочитанія, какъ говорятъ юристы съ ихъ послѣдователями, или не должна изучать ничего, кромѣ ограниченныхъ начатковъ нѣкоторыхъ наукъ, можетъ считаться рабыней; угнетеніе природныхъ способностей и божественныхъ дарованій, заставляющее ограничиваться извѣстнымъ предѣломъ и не позволяющее имъ развиваться до назначеннаго совершенства, является духовнымъ рабствомъ.

---

[1]) Имѣются въ виду «праздникъ закланія» (ʻид-ан-нахръ, турецкій большой Байрамъ) 10 Зу-ль-хиддже и «праздникъ розговинъ» (ʻид-аль-фитръ, турецкій малый Байрамъ) 1 Шавваля.

Женщина, обязанная закрывать видимыя части тѣла такъ, что
не только не можетъ ходить или ѣздить, но даже съ трудомъ
дышетъ, смотритъ и говоритъ—должна считаться рабыней. Обяза-
тельство закутываться въ кусокъ ткани имѣетъ цѣлью исказить ея
35. видъ и заставить утратить человѣческій естественный обликъ въ
глазахъ всякаго мужчины, кромѣ ея господина и повелителя.

Вообще, женщина со времени рожденія до дня смерти—рабыня, потому что она живетъ не сама по себѣ и не для самой себя, а только благодаря мужчинѣ для мужчины. Во всѣхъ случаяхъ жизни она нуждается въ немъ: выходитъ только въ его сопровожденіи, путешествуетъ подъ его защитой, думаетъ только его умомъ, смотритъ его глазами, слушаетъ его ушами, желаетъ только его волей, дѣлаетъ что либо при его посредствѣ; каждое ея движеніе въ своемъ источникѣ исходитъ отъ него. Поэтому то она и не можетъ считаться самостоятельнымъ человѣкомъ: это какой то придатокъ къ мужчинѣ.

Достаточно посмотрѣть на мальчика не старше 15 лѣтъ и сравнить его съ матерью, чтобы убѣдиться, что она стоитъ ниже его и по уму, и по познаніямъ, и по опытности. Онъ важнѣе ея по положенію не только въ томъ, что касается внѣ-домашнихъ дѣлъ, но и въ самомъ домѣ. Какъ же иначе, когда онъ отдаетъ приказанія и запрещенія, замѣняетъ ее въ ея дѣлахъ, управляетъ домомъ и распоряжается состояніемъ!

36. Взгляните на женщину, идущую по улицѣ со слугой; съ перваго взгляда легко замѣтить, что слуга чувствуетъ себя представителемъ энергіи, рѣшенія и силы: онъ идетъ впереди ея, она за нимъ. Весь видъ его говоритъ: „Мнѣ поручено это глупое и слабое существо; мнѣ довѣрено наблюдать за нимъ, охранять и защищать!“

Когда женщина подъ покрываломъ проходитъ мимо компаніи распущенныхъ людей, они, не стѣсняясь, заставляютъ ее выслушивать всѣ попавшія имъ на языкъ противныя порядочности выраженія; иногда же стараются толкнуть ее тѣломъ или тронуть руками, хотя эта женщина не сдѣлала ни одного сомнительнаго движенія, которое побудило бы ихъ покуситься на нее и натолкнуло на всѣ эти противные поступки. Почему же женщина терпитъ такое обращеніе со стороны мужчинъ молча, со страхомъ, почему она не защищается, почему, наконецъ, эти люди никогда не осмѣлятся на какіе либо подобные поступки или гнусныя рѣчи по отношенію къ

не закрытой покрываломъ женщинѣ? Не потому ли это, что закутанная женщина вызываетъ большій соблазнъ у мужчинъ своей красотой, чѣмъ женщины съ открытымъ лицомъ? Вовсе нѣтъ. Въ душѣ
нашихъ мужчинъ утвердилось убѣжденіе, что покрывало—символъ 37.
глупости, слабости и знакъ униженія. Въ своихъ семьяхъ они видятъ, что женщину не уважаютъ, что она не чувствуетъ сама къ себѣ уваженія. Ею легко управлять и безъ труда можно себѣ подчинить: она послѣдуетъ за первымъ знакомъ, первымъ обращеннымъ къ ней словомъ—она боится мужчины и не рѣшится его образумить. Поэтому они относятся къ ней легкомысленно и не стѣсняются ее унижать; они привыкли уважать женщину подъ покрываломъ только когда съ нею есть мужчина—будь то даже евнухъ!

Развѣ это презрѣнное созданіе пользуется своей свободой? Развѣ при этомъ униженіи она сама можетъ себя считать человѣкомъ?

Нѣкоторые скажутъ: какъ можно утверждать, что женщина у насъ находится въ рабствѣ въ то время, какъ мы видимъ всю ея власть надъ сердцемъ мужчины, котораго она подчиняетъ своей волѣ и стремленіямъ, направляя его дѣйствія для удовлетворенія своихъ желаній? Мужъ предпринимаетъ путешествія, переѣзжаетъ изъ одного города въ другой, чтобы достать своей женѣ туалетъ или выбрать какое нибудь украшеніе по ея вкусу и желанію, стремясь снискать ея расположеніе. Она повелительница его дома: онъ
исполняетъ ея приказанія и подчиняется ея запрещеніямъ. Развѣ 38.
можно при всемъ этомъ говорить, что женщина порабощена мужчиной? Да, мы не отрицаемъ ничего подобнаго; мы только отрицаемъ, что это бываетъ у всѣхъ людей точно такъ же, какъ отрицаемъ, что это происходитъ отъ уваженія мужа къ женѣ, отъ признанія имъ справедливости такого обращенія съ нею за ея умъ и образованность или по праву дружбы, пріобрѣтенному ею брачнымъ договоромъ. По временамъ женщину возвышаетъ до такой степени избытокъ страсти въ мужчинѣ, возбуждаемой ея красотой или искусствомъ въ разныхъ родахъ кокетства. Она—его повелительница, пока страсть привязываетъ мужа къ ней, но когда огни этой страсти потухаютъ, когда они приходятъ въ обычное состояніе мужа и жены, тогда женщина падаетъ съ зенита своего величія въ пропасть униженія и облекается въ одѣяніе рабства.

Точно также могутъ сказать, что свобода женщины дѣйствительно требуетъ, чтобы мужчина обходился съ нею съ уваженіемъ,

не угнетая ея воли и мысли, чтобы онъ разрѣшалъ ей выходить для визитовъ и моціона, но какова же связь между ея свободой и открытымъ лицомъ или свободными встрѣчами съ мужчинами и бесѣдами съ ними? Отвѣтить на это приходится тѣмъ, что обяза-
39. тельный затворъ для женщинъ—самый суровый и дикій видъ рабства. Возникъ онъ потому, что во времена дикости мужчины овладѣвали женщинами или путемъ покупки, какъ мы разъяснили, или черезъ похищеніе.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они считали себя полными властителями своихъ женъ; слѣдствіемъ этого явилось, что мужчина лишилъ жену всѣхъ человѣческихъ свойствъ, оставивъ ей только одну обязанность—предоставлять ему въ пользованіе свое тѣло. Онъ помѣстилъ ее въ своемъ жилищѣ, заставилъ оставаться въ немъ и не выходить, для того, чтобы никто, кромѣ него, не могъ воспользоваться ею, посмотрѣвъ или заговоривъ. Такъ поступаетъ и скаредный хозяинъ, который хочетъ только самъ пользоваться всѣми благами находящагося въ его власти достоянія.

Такъ какъ невозможно устранить всѣ случаи, требующіе иногда выхода женщины изъ дому, онъ захотѣлъ сопровождать ее своими покрывалами, куда бы она ни направилась, и заставилъ закрывать лицо въ случаѣ выхода.

Это покрывало, которое мужчина сперва завелъ для своей жены, потомъ перешло и къ дочерямъ, матерямъ, сестрамъ, ко всѣмъ
40. женщинамъ вообще, потому что каждая изъ нихъ или жена, или была женой, или готовится быть ею.

Такимъ образомъ покрывало является символомъ этой старой власти, остаткомъ этихъ дикихъ нравовъ, среди которыхъ существовали люди, пока не поднялись до пониманія того, что человѣческое существо не можетъ быть объектомъ владѣнія только потому, что оно—женщина; точно такъ же они поняли, что чернота кожи не можетъ быть причиной рабскаго подчиненія чернаго человѣка бѣлому.

Не приходится удивляться, что покрывало осталось и послѣ исчезновенія причины, вызвавшей его, т. е. послѣ освобожденія женщины отъ власти мужчины: законъ Аллаха въ его созданіяхъ обусловилъ переходъ изъ одной стадіи въ другую не разомъ, а при помощи постепеннаго измѣненія, котораго иногда не замѣчаетъ даже тотъ, кто ему подвергается. Часто люди считаютъ немыслимымъ переходъ ихъ изъ опредѣленнаго состоянія, хотя они уже

находятся на пути такого измѣненія, переходя къ худшему или лучшему совершенно незамѣтно для самихъ себя. Когда же это движеніе дойдетъ до своего предѣла, тогда и имъ становится оче- 41.
виднымъ, что они перешли въ ту стадію, которую раньше отрицали.

Послѣ уничтоженія власти мужчинъ надъ женщиной законъ постепенности потребовалъ, чтобы женщина жила въ среднемъ состояніи между рабствомъ и свободой, когда ее считаютъ человѣкомъ, но не совершеннымъ. Мужчинѣ было трудно признать женщину, которая еще вчера была его имуществомъ, чѣмъ то равнымъ себѣ сегодня; онъ счелъ за лучшее дать ей низшую степень среди твореній. Онъ сталъ утверждать, что Аллахъ при созданіи мужчины далъ ему умъ и добродѣтель, а женщину лишилъ этихъ даровъ; она по слабости ума и страстности природы должна жить не самостоятельно, а въ подчиненіи мужчинѣ, не встрѣчаясь съ другими, а оставаясь исключительно въ своемъ домѣ или закрывая лицо, когда выходитъ, чтобы не соблазнять мужчинъ своей красотой и не обманывать ихъ коварствомъ; она не достойна умственнаго и нравственнаго прогресса, а должна жить въ невѣжествѣ.

Въ этомъ и состоитъ секретъ появленія покрывала и причина его существованія до нашихъ дней. Первый шагъ, который можно сдѣлать по пути освобожденія женщины, и долженъ состоять въ уничтоженіи покрывала и сглаженіи всѣхъ его слѣдовъ. 42.

Такъ какъ упрекъ женщинъ въ недостаточномъ умѣ является доводомъ къ порабощенію ея мужчинами, то намъ слѣдуетъ разсмотрѣть природу женщины, чтобы знать, является ли она ниже природы мужчинъ, какъ это говорятъ, или нѣтъ.

Если мы спросимъ общественное мнѣніе, то отвѣтъ здѣсь легокъ и извѣстенъ. Но общественное мнѣніе не можетъ имѣть голоса въ подобномъ научномъ вопросѣ. Основаніемъ общественнаго мнѣнія служатъ извѣстныя сужденія, выработанныя привычкой и закрѣпленныя обычаемъ безъ всякаго анализа и критики. Они являются прибѣжищемъ публики во всѣхъ рѣшеніяхъ; къ нимъ она обращается по поводу всякаго явленія физической или соціальной жизни, причины котораго не извѣстны. Общественное мнѣніе считаетъ измѣненіе всякаго обычая, къ которому оно привыкло, противнымъ природѣ, такъ какъ оно не различаетъ обычая и природы, думая, что все происходящее теперь было такъ раньше и должно оставаться впредь.

Несомнѣнно, что теперь женщина стоитъ въ общемъ ниже

мужчины, но намъ слѣдуетъ обсудить, является ли это положеніе естественнымъ для нея или оно стоитъ въ зависимости отъ спосо-
43. бовъ ея воспитанія. Вотъ вопросъ, для рѣшенія котораго слѣдуетъ обратиться къ научнымъ основамъ, чтобы узнать, какъ онѣ его освѣщаютъ.

Ученые полагаютъ, что нельзя судить о природѣ женщины и степени ея подготовки къ человѣческому совершенству по тѣмъ результатамъ, которыхъ она достигла до настоящаго времени. Это будетъ справедливо только тогда, когда она воспользуется своей свободой такъ же, какъ и мужчина, и будетъ заниматься развитіемъ своего ума такой же періодъ, какъ мужчина занимался воспитаніемъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Съ другой стороны, они говорятъ, что женщина не похожа на мужчину въ своемъ строеніи, что между обоими полами существуютъ анатомическія и физіологическія особенности, отличающія ихъ другъ отъ друга. Однако, въ нихъ нѣтъ ничего, доказывающаго превосходство одного пола надъ другимъ.

Такой результатъ вытекаетъ изъ словъ ученаго Жака Лорбетъ (?) въ его книгѣ „Женщина передъ учителемъ".

Профессоръ Фершело (?) говоритъ слѣдующее: „Я читалъ много
44. лекцій по математикѣ, этикѣ и философіи студентамъ. Среди нихъ бывало много женщинъ, и, на основаніи собственнаго опыта, я установилъ, что между обоими полами нѣтъ никакой разницы: сравнительное соотношеніе между ними всегда было одинаково".

Знаменитый Мантегацца, профессоръ науки о человѣкѣ и членъ итальянскаго сената, говоритъ въ своей новой книгѣ, которую онъ назвалъ „Физіологія женщины": „Всѣ споры, касающіеся легковѣсности женскаго мозга и малой величины ея черепа или слабости мозговыхъ покрововъ, ни къ чему не ведутъ, если ими хотятъ доказать серьезное умственное различіе между обоими полами". Дальше онъ пишетъ: „Какъ неблагодаренъ человѣкъ! Гордость заставляетъ его прибѣгать къ поддѣлкамъ даже въ анатоміи: онъ недоволенъ тѣмъ, что захватилъ первенствующее положеніе въ мірѣ, а хочетъ доказать еще, что женщина ниже его въ человѣчествѣ и что она занимаетъ ступень между обезьяной и человѣкомъ. Поэтому онъ имѣетъ право лишить ее всѣхъ правъ, которыя предоставилъ самому себѣ, забывая, что унижаемое имъ существо — его мать. На самомъ же дѣлѣ предъ анатоміей женщина не ниже и не выше

мужчины, отличаясь отъ него лишь тѣмъ, что исполняемыя ею 45.
обязанности не таковы, какъ у мужчины".

Этотъ же ученый разъясняетъ мелкія отличія, существующія у мужчины и женщины въ чувствахъ и склонностяхъ.

По его словамъ, важнѣйшая причина существующихъ между мужчиной и женщиной отличій съ нравственной стороны—то рабство, во власти котораго женщина находилась долгое время, такъ какъ мужчина покорялъ ее въ низшемъ слоѣ силой мускуловъ, а въ другихъ — превосходствомъ своихъ познаній и воспитанія. Это подчиненное положеніе и заставило женщину пользоваться хитростями раба, защищая свою личность. Очевидно, что мужчина превосходитъ ее силой воли и настойчивостью въ своихъ предпріятіяхъ, она же превосходитъ силой чувствъ и выносливостью, терпѣливо перенося такія болѣзни и операціи, какія были бы не подъ силу мужчинамъ. Можетъ быть это объясняется и тѣмъ, что она менѣе впечатлительна и привыкла къ покорности и подчиненію.

Отличается женщина отъ мужчины еще меньшей чувственностью: любовь у мужчины является чувственнымъ стремленіемъ 46.
получить тѣлесное наслажденіе, у женщины же она — сердечная привязанность, цѣлью которой служитъ единеніе душъ. Доказывается это тѣмъ, что мужчины пользуются всевозможными хитростями и обманомъ, чтобы соблазнить женщину, и, несмотря на это, многія изъ нихъ защищаютъ свою честь и подчиняютъ чувственность. Если бы предположить обратное и представить, что женщинамъ можно было бы употреблять для соблазна тѣ же средства, что и мужчинамъ, то едва ли мужчина могъ бы сохранить свое цѣломудріе.

Онъ же говоритъ, что любовь женщины къ добру — общеизвѣстная истина, тогда какъ мужчиной управляетъ эгоизмъ; поэтому легко замѣтить, что онъ прежде всего думаетъ о самомъ себѣ, а потомъ о дѣтяхъ, въ противоположность женщинѣ, которая раньше думаетъ о другихъ, а потомъ о себѣ. Мечта мужчины быть счастливымъ, а мечта женщины сдѣлать другихъ счастливыми. Это чувство можно наблюдать во всѣхъ случаяхъ жизни, и мелкихъ и крупныхъ, но наиболѣе яркимъ примѣромъ предпочтенія женщиной другихъ самой себѣ является материнская любовь. Она любитъ ребенка больше, чѣмъ отецъ, любитъ, несмотря на всѣ его недостатки, можно даже сказать, что чѣмъ несчастнѣе ея 47.

ребенокъ, тѣмъ больше она его любитъ. Отецъ же представляетъ обратное.

Такимъ образомъ, женщина, по мнѣнію величайшихъ и наиболѣе точныхъ ученыхъ, не отличается отъ мужчины силой ума и превосходитъ его своими чувствами и привязанностями. Наблюдаемое съ перваго взгляда существованіе большой разницы въ умѣ объясняется тѣмъ, что мужчины были заняты долгіе вѣка работой надъ наукой; ихъ умъ просвѣтился, а воля укрѣпилась въ противоположность женщинамъ, которыя были лишены всякаго воспитанія. Поэтому, все видимое теперь различіе между обоими полами чисто искусственное, а не природное. Говоря о такомъ равенствѣ, мы не хотимъ сказать, что всякая сила въ женщинѣ равняется таковой же въ мужчинѣ и каждая ея способность такова же, какъ у мужчины, а только то, что сумма этихъ силъ и способностей у нея соотвѣтствуетъ суммѣ силъ и способностей у мужчины, хотя бы существовало между ними большое различіе, такъ какъ различіе само по себѣ еще не дѣлаетъ обязательнымъ несовершенство въ одномъ изъ сопоставляемыхъ по сравненію съ другимъ.

На какомъ же научномъ доказательствѣ основываютъ мужчины порабощеніе женщинъ и по какому праву дозволяется ли-
48. шать ихъ свободы? Предположимъ даже, что умъ женщины слабѣе ума мужчины, но развѣ недостатокъ ума въ комъ-либо допускаетъ лишеніе свободы этого лица? Развѣ среди отдѣльныхъ мужчинъ не существуетъ различія въ умѣ еще большаго, чѣмъ между мужчинами и женщинами вообще? Развѣ умъ египтянина не различается въ зависимости отъ различныхъ слоевъ населенія, и несмотря на это всѣ люди равны въ пользованіи ихъ физической свободой? Развѣ среди нашихъ египетскихъ женщинъ нѣтъ болѣе умныхъ и нравственно развитыхъ, чѣмъ ихъ мужья, отцы или дѣти?

Различіе въ умѣ не можетъ быть причиной лишенія человѣка свободы; это различіе требуетъ, чтобы надъ одной идеей возвышалась другая, но увлекая ее за собой силой убѣжденія, а волей управляла другая, но склоняя ее на свою сторону и побуждая подчиняться добровольно.

Установленныя мусульманскимъ закономъ права женщинъ, на которыя мы указали раньше, подтверждаютъ, что на такую духовную власть и намекаетъ преславный стихъ (Корана), говоря-

щій, что мужья господствуютъ надъ женами [1]). Европейскіе законы пошли по этому же пути и дали мужчинѣ ту же власть 49.
надъ женой, назвавъ ее правомъ мужа, но, несмотря на все это, можно видѣть, что западныя женщины пользуются своей свободой.

Предположимъ, что покрывало женщинъ является средствомъ сохранить ихъ отъ порчи нравовъ; развѣ этого достаточно, чтобы лишать ихъ свободы?

Если обращеніе мужчинъ съ женщинами влечетъ порчу нравовъ, то зачѣмъ попирать свободу женщины, а уважать свободу мужчинъ? Развѣ судъ справедливости можетъ мѣняться по отношенію къ мужчинѣ и женщинѣ, и могутъ существовать два права: одно для мужчинъ, другое для женщинъ? Развѣ каждый, имѣющій свободную волю, не долженъ быть предоставленъ ей съ правомъ распоряжаться какъ ему угодно, если въ своихъ поступкахъ онъ не отступаетъ отъ установленій закона?

Мы видимъ, что отвѣтственность женщины въ этой жизни и въ будущей передъ закономъ не меньше, чѣмъ отвѣтственность мужчины; мы видимъ, что законы не избавляютъ ее отъ наказаній, когда она совершитъ преступленіе, и не облегчаетъ ихъ степени. Наоборотъ, мы видимъ, что общественное мнѣніе усиливаетъ ея отвѣтственность, увеличивая ее по сравненію съ мужской.
Когда 40-лѣтній мужчина соблазняетъ 15-лѣтнюю дѣвушку и, 50.
воспользовавшись минутой ея слабости, овладѣваетъ ею, то общественное мнѣніе рѣшаетъ, что эта дѣвушка утратила свою честь, совершенно забывая про мужчину, точно онъ не совершилъ ничего преступнаго. Развѣ въ данномъ случаѣ законъ и общественное мнѣніе не признаютъ, что женщина отвѣтственна за свои поступки? Если же она является отвѣтственной до такой степени, то не потому ли, что законъ и общественное мнѣніе признаютъ за нею свободу и свободную волю?

По моему мнѣнію, разсудокъ не можетъ согласиться признавать женщину за человѣка съ умомъ и свободой въ томъ случаѣ,

[1]) Имѣется въ виду сура IV, стихъ 38: «Мужья господствуютъ надъ женами, такъ какъ Аллахъ отличилъ однихъ передъ другими и такъ какъ они тратятъ изъ своего имущества; добродѣтельныя покорны, въ отсутствіе (мужей) бережливы относительно того, что бережетъ Аллахъ; тѣхъ же, упрямства которыхъ вы боитесь, увѣщевайте, отлучайте отъ ложа, бейте. Если онѣ васъ послушаются, то не ищите противъ нихъ предлога (для обидъ): по истинѣ, Аллахъ возвышенъ и великъ».

если она заслуживаетъ повѣшенія за убійство, а затѣмъ считать ее обладающей не полнымъ умомъ, когда дѣло идетъ о лишеніи свободы въ обстоятельствахъ обыденной жизни!

Если мужчина даже и убѣжденъ, что жена его, получивъ свободу, злоупотребитъ ею, все же это не даетъ ему права лишать ее этой свободы, такъ какъ человѣку не дозволяется посягать на другого, лишая его свободы и оказывая давленіе на волю подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ хочетъ удержать его отъ совершенія преступленій. Если бы для предупрежденія возможнаго вреда до-
51. пускалось лишеніе человѣка свободы, тогда слѣдовало бы 90% мужчинъ подчинить закону покрывала для препятствія имъ въ развратѣ.

Мало того, если бы женщина и согласилась надѣть покрывало, согласіе ея не является законно-обязательнымъ; даже послѣ этого она не лишена возможности отказаться, такъ какъ это обязательство не основательно, въ силу противорѣчія съ человѣческой природой и законными установленіями.

Все, что говорится и говорилось, будто свобода женщинъ побуждаетъ ихъ переходить границы цѣломудрія — все это слова, не имѣющія основанія. Это не подтверждается опытомъ и отвергается разсудкомъ: опытъ, основанный на вѣрныхъ наблюденіяхъ, подтверждаетъ, что свобода женщинъ усиливаетъ ихъ нравственныя качества, развиваетъ въ нихъ уваженіе къ себѣ и побуждаетъ мужчинъ ихъ уважать.

Подтверждая это мнѣніе, мы не станемъ по примѣру другихъ приводить измышленныя статистическія данныя, не имѣющія никакого основанія, какъ поступилъ кто-то въ юмористической газетѣ для развлеченія читателей, утверждая, что одинъ изъ ученыхъ
52. установилъ наблюденіемъ, будто нѣмка обманываетъ своего мужа семь разъ, бельгійка — $6^4/_5$, голландка — четыре, италіанка — $1^5/_6$, француженка — одинъ разъ и т. д., пока онъ не дошелъ до турчанки, разумѣя подъ ней восточную женщину, и сказалъ, что она обманываетъ мужа только $^1/_{10}$ раза.

Глупая болтовня автора, основывающагося на подобныхъ данныхъ, привела нашего писателя къ убѣжденію, будто опубликованная въ газетѣ шутка принадлежитъ къ „тонкимъ научнымъ изслѣдованіямъ, основаннымъ на числахъ“! У него даже не зародилась мысль, что получить статистическія данныя въ такомъ вопросѣ совершенно невозможно: подсчитать нарушенія правилъ

нравственности можно только, когда они дойдутъ до суда, а вѣдь извѣстно, что до суда доходятъ они крайне рѣдко.

Мы не основываемъ наше мнѣніе на общепринятыхъ сужденіяхъ, принимаемыхъ для доказательства, какъ дѣлаютъ утверждающіе, что женщина, проведшая съ мужчиной въ одномъ мѣстѣ пять минутъ, должна быть вычеркнута изъ списка порядочныхъ. 53.
Всякое сужденіе, не восходящее въ корнѣ къ одному изъ родовъ аксіомъ, извѣстныхъ у логиковъ, не можетъ быть принятымъ посылкой для какого-нибудь доказательства. Если у кого-либо изъ этой публики потребовать доказательства того, что онъ говоритъ, то въ кладовой его мозга нашлось бы только то, что мужчина и женщина постоянно подчиняются своимъ страстямъ. Они берутъ свои собственныя нравственныя качества и убѣждены, что таковы качества всего человѣчества. По ихъ мнѣнію, они являются мужчинами, какъ таковыми, а женщина въ ея современномъ положеніи представляетъ женщину, какъ таковую. Они не знаютъ, что мужчины измѣняются по своимъ нравственнымъ качествамъ и свойствамъ до безконечности, въ зависимости отъ мѣста, времени и способовъ воспитанія; характеръ и нравственность женщинъ мѣняется приблизительно такъ же, какъ и у мужчинъ.

Это различіе, существующее въ нравственной жизни женщинъ, происходитъ въ большинствѣ случаевъ отъ различія въ обычаяхъ.

Первое, что мужчины требуютъ у насъ отъ женщины — это цѣломудріе; они, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы жен- 54.
щина обладала этимъ достоинствомъ, однако, они приложили всѣ усилія для уничтоженія этой добродѣтели и превращенія ея во что-то несбыточное. Строй жизни у насъ развиваетъ въ женщинѣ чувственность, потому что затворничество и стѣсненіе ея въ моціонѣ всегда дѣлаютъ ее жертвой слабыхъ нервовъ; когда же нервы слабы, то нарушается равновѣсіе нравственныхъ силъ. Это истина, которую долженъ признать всякій человѣкъ: твердо установлено, что душа человѣка сознаетъ свою силу, когда тѣло крѣпко, а сердце посылаетъ кровь во всѣ его уголки. Насколько она не отступаетъ при встрѣчѣ съ матеріальными затрудненіями и несчастіями, точно также не ослабѣваетъ отъ борьбы съ чувственностью и низкими страстями. Можно наблюдать, что за сильною усталостью и изнуряющей болѣзнью слѣдуетъ ослабленіе тѣла и разстройство въ силахъ, которыя оказываютъ свое вліяніе на волю и

рѣшимость. Какъ тѣло, стараясь подняться, не можетъ этого сдѣлать, стремясь къ покою, такъ точно и душа чувствуетъ свою
55. неспособность сдерживать чувственность и бороться со всякими стремленіями, для чего нужны усилія и стойкость.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное сложеніе и здоровые нервы — главные помощники человѣка въ управленіи душой, слабое же сложеніе и разстройство нервовъ являются важнѣйшими причинами, обращающими человѣка въ игрушку страстей и чувственности.

Если нужно свидѣтельство какого-нибудь ученаго о томъ, что я говорю, то я приведу слова извѣстнаго педагога-доктора Флери.

Въ своей книгѣ подъ названіемъ „Тѣло и душа ребенка" онъ говоритъ: „Орудіе ума—мозгъ, и всякое разстройство, происходящее въ тѣлесномъ здоровьѣ, оказываетъ на него вліяніе. Такимъ образомъ, если мы удовлетворимъ всѣмъ условіямъ тѣлеснаго здоровья, можемъ добиться здоровья воли, силы сужденія и улучшить характеръ мужчины и его нравственность".

Женщинъ же, заключенныхъ въ тюрьму, прежде всего приходится считать больными; поэтому онѣ болѣе склонны подчиняться своимъ страстямъ, чѣмъ женщины, пользующіяся своей свободой.

56. Если же покрывало соединить съ бездѣльемъ, отъ котораго первое не можетъ быть отдѣлено, то за нимъ послѣдуетъ уничтоженіе въ душѣ женщины всякой добродѣтели.

Эту связь между покрываломъ и бездѣльемъ нѣкоторымъ изъ насъ не хочется признавать; они предпочитаютъ говорить, что наши женщины, находящіяся въ затворѣ, имѣютъ многочисленныя обязанности, наполняющія ихъ время. Если имъ даровать требуемую свободу, то она окажется причиной, отвлекающей вниманіе отъ этихъ обязанностей и направляющей его къ поступкамъ, одинаково безполезнымъ какъ для самой женщины, такъ и для ея семьи. Мы, однако, предпочитаемъ повторять истину такъ, какъ она есть: мы говоримъ, что наличность обязанностей—одно, а исполненіе ихъ — другое. Наши женщины, у которыхъ нѣтъ никакого дѣла и никакой нужды внѣ дома, не могутъ найти времени, чтобы исполнять свои обязанности по отношенію къ мужьямъ и къ дѣтямъ; заботу о домашней жизни онѣ предоставили другимъ, въ противоположность западнымъ женщинамъ, у которыхъ кругъ

дѣятельности расширился настолько, что почти сравнялся съ мужскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ находятъ достаточно времени, чтобы исполнять всѣ домашнія обязанности. Причина этого лишь въ томъ, что дѣло зоветъ къ дѣлу, а покой тянетъ къ покою. 57.

Кромѣ того, способъ воспитанія, примѣняемый къ дѣтямъ дома, имѣетъ также большое вліяніе на паденіе нравовъ.

Я могу открыто сказать здѣсь безъ всякаго колебанія, что у нашихъ дѣтей — безразлично мальчиковъ или дѣвочекъ — уже къ 10-лѣтнему возрасту мозгъ загроможденъ словами и картинами, возбуждающими чувственность; ихъ наклонности вмѣстѣ съ естественнымъ половымъ чувствомъ развиваются и доходятъ до такой степени, до которой не поднимается въ европейскихъ странахъ 15-лѣтній или 18-лѣтній юноша и дѣвушка.

Различіе климата не играетъ въ этомъ роли, а если и оказываетъ, то сравнительно незначительное вліяніе, главное же вліяніе сказывается отъ способа воспитанія дѣтей.

Если бы умные и образованные люди наблюдали, что происходитъ и говорится передъ ними ежедневно, если бы они думали надъ тѣмъ, что попадается имъ на глаза и слышится въ ушахъ ежеминутно на улицахъ и въ собраніяхъ, то они согласились бы съ нами и въ этомъ вопросѣ, и во всѣхъ другихъ, гдѣ причиной разногласія является только стремленіе одержать верхъ надъ 58.
другимъ и недостаточное желаніе одного понять, что говоритъ другой.

Если бы можно было разграничить всѣ физическія и духовныя вліянія, подъ впечатлѣніемъ которыхъ создаются чувства и склонности ребенка, тогда читатель понялъ бы самъ, что въ дѣвушкѣ, воспитываемой въ египетской семьѣ, не могутъ развиваться чувства добродѣтели. Намъ достаточно только напомнить здѣсь примѣры вліяній, наблюдаемыхъ въ среднихъ семьяхъ — наилучшихъ по нравственнымъ качествамъ.

Родные ребенка обыкновенно не стѣсняются называть всякую вещь ея настоящимъ именемъ; они говорятъ о всемъ, происходящемъ между супругами, въ присутствіи дѣтей, не догадываясь даже велѣть имъ выйти на это время въ другое мѣсто. Первое, что попадаетъ на языкъ гостя, когда онъ встрѣчаетъ въ домѣ маленькую дѣвочку — это вопросъ, не хочетъ ли она выйти замужъ за него или за его маленькаго сына. Если гостей нѣсколько, всякій спрашиваетъ, кто ей среди нихъ больше нравится. 59.

Къ такимъ же впечатлѣніямъ относится присутствіе дѣтей на свадебныхъ празднествахъ, когда они видятъ танцы распутницъ и слушаютъ пѣсни, цѣликомъ основанныя на чувственной любви.

Такими-то зрѣлищами и такими выраженіями направляютъ вниманіе маленькой дѣвочки на то, чего ей не слѣдуетъ знать, и въ ней пробуждаются чувственныя наклонности.

А если когда-нибудь дѣвочка во время игры обниметъ мальчика, родные начинаютъ ее бранить, говоря, что она ведетъ себя неприлично. Если дѣвочка спроситъ, что же дурное она сдѣлала, тотъ, у кого она спрашиваетъ, отвѣчаетъ какъ попало, сообразно со своимъ воспитаніемъ. Чѣмъ старше становится дѣвочка, тѣмъ болѣе усиливается ея затворничество и отдѣленіе отъ общества мужчинъ. Все это невольно направляетъ ея умъ на различіе между обоими полами, заставляетъ думать о томъ обстоятельствѣ, которое такъ занимаетъ ее и ея семью. Она разспрашиваетъ своихъ близкихъ подругъ, кое-что узнаетъ отъ нихъ, а при помощи своего воображенія старается догадаться о прочемъ.

60. Такъ проходитъ жизнь дѣвочки и важнѣйшее въ ней—это мужчина во всѣхъ смыслахъ, ея отношеніе къ нему, связь съ нимъ, удаленіе и близость—все это является безъ сомнѣнія главнѣйшимъ факторомъ въ развитіи ея характера, потому что даетъ первое мѣсто въ ея жизни половымъ вопросамъ.

Такъ какъ мужчины твердо убѣждены въ справедливости упомянутаго нами и хорошо знаютъ, что у женщинъ нѣтъ другого занятія и заботы для ума, кромѣ ихъ отношенія къ мужчинамъ, то никто изъ египтянъ не довѣряетъ своей женѣ и не позволяетъ ей говорить съ чужимъ человѣкомъ. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ мужъ не довѣряетъ своему брату и не позволяетъ женѣ съ нимъ говорить или открывать передъ нимъ лицо, хотя бы онъ лично былъ тутъ же! Точно также во многихъ семьяхъ мужъ не встрѣчается съ сестрой жены.

Я не думаю бранить мужчинъ и женщинъ за ихъ подозри-
тельность другъ къ другу до такой степени. Наши обычаи, нравы
и современное воспитаніе заставляютъ не довѣрять другъ другу и
дѣлаютъ покрывало единственнымъ средствомъ для охраненія жен-
щинъ. Ни религія, ни мужество, ни благородство характера, ни
61. хорошіе нравы не даютъ ни малѣйшаго средства для охраненія
цѣломудрія и избавленія отъ разврата.

Пусть читатель позволитъ мнѣ теперь докончить мою мысль.

До сихъ поръ покрывало оставалось неизмѣнно въ силу разъясненныхъ причинъ, т. е. потому что оно въ прошломъ соотвѣтствовало соціальному строю съ политической, умственной и нравственной стороны: мы находились подъ деспотическимъ правленіемъ и думали, что семейная власть можетъ быть основана только на деспотизмѣ. Мы заключили своихъ женъ въ темницу, лишили ихъ свободы и одни захватили право уничтожать брачный союзъ. Въ воспитаніи дѣтей мы прибѣгали только къ приказамъ, запугиванію и побоямъ. Мы были глупцами и воображали, что у женщины нѣтъ другой обязанности и дѣла, какъ быть орудіемъ страсти для мужчины и однимъ изъ способовъ его наслажденія. Мы упускали изъ виду, что она подобный намъ человѣкъ, что она имѣетъ право стремиться къ своему счастью тѣми же средствами, которыя законъ предоставилъ для этой цѣли въ распоряженіе мужчины. Такъ какъ мы унизили женщину безъ всякаго права, то само право отомстило намъ; наказаніе его было сурово. Мы точно также оказались лишенными истиннаго счастья, нравы наши пали, воспитаніе дѣтей 62.
пришло въ разстройство, печаль и отчаяніе овладѣли нашими сердцами, такъ что многіе изъ насъ стали думать, будто жизнь мусульманскихъ народовъ приблизилась къ концу и ей не суждено успѣха въ общей борьбѣ. Они стали хвастаться древней мусульманской цивилизаціей всякій разъ, какъ европейцы говорили объ ихъ наукахъ и искусствахъ. Они съ гордостью указываютъ на арабскую культуру въ средніе вѣка, когда говорятъ о современной западной культурѣ, какъ утѣшаетъ себя дожившая до дряхлости старуха воспоминаніями о своей красотѣ въ юности.

Но теперь наше соціальное положеніе измѣнилось въ корнѣ; мы стали свободными и полюбили свободу; настоящее образованіе стало распространяться среди отдѣльныхъ представителей нашего народа. Умы наши подготовлены къ пониманію положенія человѣка среди существующаго на свѣтѣ, положенія женщины въ домѣ и въ мірѣ;—неужели же послѣ этого намъ прилично сохранять привычки и старыя традиціи, поддерживать обычай покрывала и его одно дѣлать средствомъ охраненія женщины? Не приличествуетъ ли намъ поискать другого средства, болѣе соотвѣтствующаго нашему новому положенію, которое помогло бы намъ перейти къ 63.
лучшему?

Говоря иначе, существуютъ два мнѣнія; согласно первому надо придерживаться покрывала, второе же рекомендуетъ его уни-

чтожить. Которое же изъ этихъ мнѣній мы должны избрать и какой можетъ быть критерій, чтобы не страдать отъ послѣдствій ошибки?

Если мы воспользуемся нашимъ умомъ и возьмемъ критеріемъ здравый смыслъ, то несомнѣнно изберемъ мнѣніе, совпадающее съ нашей пользой и увеличивающее наше благосостояніе—послѣ этого намъ не придется бояться, что выборъ окажется въ противорѣчіи съ правомъ и истиной, потому что истинная польза, основанная на здравомъ смыслѣ, сама является правомъ, защищаемымъ закономъ. Невозможно, чтобы какое-либо право, которое оберегается закономъ, оказалось источникомъ вреда для людей, или зло, приносимое какой-либо добродѣтелью, оказалось больше добра.

Какое же изъ мнѣній соотвѣтствуетъ нашему благу и содѣйствуетъ пользѣ?

Что касается покрывала, то вредъ его состоитъ въ томъ, что оно лишаетъ женщину ея природной свободы и препятствуетъ законченности ея воспитанія. Оно мѣшаетъ ей въ случаѣ нужды
64. зарабатывать себѣ пропитаніе, лишаетъ супруговъ сладости умственной и нравственной жизни. При немъ невозможно существованіе матерей, способныхъ воспитывать своихъ дѣтей; благодаря ему народъ становится похожимъ на человѣка, пораженнаго одностороннимъ параличемъ.

Преимущества же его ограничиваются только однимъ сокращеніемъ прелюбодѣянія, такъ какъ оно раздѣляетъ оба пола и препятствуетъ имъ находиться вмѣстѣ, хотя внутренне оно конечно не искореняетъ этого стремленія. Такимъ образомъ, цѣломудріе является аналогичнымъ съ извѣстнымъ опредѣленіемъ—„Непогрѣшимость—невозможность согрѣшить". Тѣла такимъ образомъ охраняются, а сердца обыкновенно измѣняютъ. Отличительное же свойство свободы то, что она уничтожаетъ все зло, возникающее отъ покрывала, какъ это упомянуто, а вредъ отъ нея только тотъ, что въ началѣ она приводитъ къ злоупотребленію, но съ теченіемъ времени женщина пріучается чувствовать свою отвѣтственность и нести послѣдствія поступковъ. Она привыкаетъ полагаться на самое себя и защищать свою честь, такъ что въ ней воспитывается настоящее цѣломудріе, которое удаляетъ свободную самостоятельную душу отъ зла не изъ страха передъ наказаніемъ и не изъ желанія награды, не въ силу непреодолимаго препятствія, а потому что зло
65. дурно само по себѣ.

Женщина не можетъ достичь этой ступени нравственнаго развитія, пока она будетъ подъ покрываломъ, но легко можетъ ея достичь, будучи свободной.

Она ея достигнетъ, какъ достигли другія, западныя женщины; мы наблюдаемъ, что чѣмъ больше увеличивается свобода женщины на западѣ, тѣмъ болѣе у нея развивается чувство уваженія къ себѣ, къ своему мужу и къ семьѣ.

Ученый Мантегацца говоритъ: „Главное вліяніе на нравы дѣвушекъ оказываетъ свобода, которая имъ дается съ дѣтства.

„Высокія добродѣтели, которыя наблюдаются у женщинъ, пользующихся своей свободой, нельзя относить на счетъ климата. Я наблюдалъ эти же добродѣтели въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ стоитъ жестокая жара, небесный сводъ ясенъ, а общественное благосостояніе растетъ. Если бы характеръ климата оказывалъ вліяніе на нравы, то въ этихъ странахъ они должны были бы у женщинъ отличаться порочностью. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ этого
дѣвушки у насъ выходили изъ монастырей только при замужествѣ; 66.
онѣ были невѣжественны во всемъ, что касалось любви, но тѣмъ не менѣе получали уроки любви въ большинствѣ случаевъ не отъ мужа. По общему правилу дѣвушка, которая не выбираетъ себѣ мужа, а должна его принять по выбору другихъ, проходитъ половину пути, ведущаго къ грѣху. Ничто такъ не охраняетъ дѣвушку отъ порока, какъ свободный выборъ мужа, котораго она узнала и могла сравнить съ другими мужчинами“.

О женщинахъ своей родины онъ же говоритъ: „Италіанка менѣе другихъ отличается цѣломудріемъ, потому что обыкновенно она выходитъ замужъ не по любви; таково же приблизительно положеніе и во Франціи“.

Что касается женщинъ Англіи, Америки и Германіи, то онъ воздаетъ хвалу ихъ совершенному цѣломудрію, приписывая его способамъ воспитанія и пользованію свободой и самостоятельностью въ житейскихъ дѣлахъ. И покрывало, и свобода—средства для охраненія женщины, но какъ велика разница въ проистекающихъ отъ нихъ слѣдствіяхъ! Первое средство обращаетъ женщину въ
домашнюю утварь и совершаетъ грѣхъ предъ человѣчествомъ; вто- 67.
рое же служитъ человѣчеству и ведетъ женщину по пути умственнаго прогресса и нравственнаго совершенства.

Изъ всего упомянутаго можно видѣть, что для воспитанія женщины и сохраненія ея цѣломудрія мы не выбрали что либо

основанное лишь на теоретическомъ разсужденіи и не опирающееся на факты; наоборотъ, это провѣрено наблюденіемъ и опытомъ.

Уваженіе западныхъ людей къ свободѣ женщины доходитъ до того, что отецъ не позволяетъ себѣ открывать письма, получаемыя его дочерью, точно такъ же и мужъ считаетъ болѣе достойнымъ себя не открывать письма, приходящаго къ его женѣ. Послѣдній вопросъ былъ темой серьезнаго обсужденія среди членовъ общества французскихъ адвокатовъ около десяти лѣтъ назадъ, и было постановлено, что власть мужа не позволяетъ ему вывѣдывать секреты жены, такъ какъ это считается шпіонствомъ, унижающимъ свободу женщины и ея достоинство.

Дѣйствительно, большинство супругъ знакомитъ мужей съ получаемыми ими письмами, точно такъ же какъ и большинство мужей показываетъ женамъ приходящія имъ письма. Но велика
68. разница между тѣмъ, что дѣлается по доброму желанію, и тѣмъ, что считается обязанностью въ силу какого-либо мнимаго права.

Уваженіе къ женской свободѣ со стороны западныхъ людей доходитъ до того, что дѣвушки 20 лѣтъ оставляютъ свои семьи и отправляются въ путешествіе изъ Америки въ отдаленнѣйшія страны свѣта однѣ или съ горничной; онѣ проводятъ въ странствованіяхъ мѣсяца и годы, переѣзжая изъ одного города въ другой, и никому изъ близкихъ не приходитъ въ голову, что одиночество подвергаетъ ихъ какой-нибудь опасности.

Свобода западной женщины допускаетъ, чтобы у нея были друзья помимо друзей мужа, что она придерживалась бы другихъ воззрѣній, чѣмъ онъ, и принадлежала къ другой партіи. Мужъ же считаетъ, что во всемъ этомъ жена имѣетъ право склоняться къ тому, что совпадаетъ съ ея вкусомъ, умомъ и чувствами, и жить такъ, какъ по ея воззрѣніямъ является лучшимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что домашній строй у этихъ западныхъ людей держится на прочныхъ основаніяхъ! Мы видимъ,
69. какъ эти націи постоянно прогрессируютъ! Ихъ не постигло ни одно изъ тѣхъ несчастій, которыми насъ пугаютъ писатели и законовѣды нашего народа, усиленно разглагольствующіе о вредѣ, неминуемо грозящемъ, если женщинамъ даровать свободу! Часто мы отъ нихъ слыхали, что общеніе мужчинъ съ женщинами влечетъ за собой смѣшеніе генеалогій, а когда это происходитъ, націи грозитъ гибель.

Между тѣмъ въ этихъ европейскихъ государствахъ и

мужчины, и женщины находятся въ постоянномъ общеніи во всѣ періоды жизни. Даже наши братья и сыновья нашей родины—христіане и евреи, отказавшіеся недавно отъ обычая покрывала и пріучившіе своихъ женщинъ открывать лица и обращаться съ мужчинами—развѣ они находятся въ состояніи разстройства и гибели?

Оставимъ, однако, эти теоретическія разсужденія, не имѣющія цѣны передъ фактами.

Опытъ доказалъ, что свобода—источникъ блага для человѣка,
корень его прогресса и основаніе нравственнаго совершенства; са-
мостоятельность же человѣческой воли является важнѣйшимъ нрав-
ственнымъ факторомъ въ прогрессѣ людей. Поэтому она неминуемо
должна оказывать то же вліяніе и на душу женщины. 70.

Суть дѣла состоитъ въ томъ, что всякое измѣненіе, которое предстаетъ предъ очами въ формѣ законопроекта—это въ сущности мысль, которая своимъ появленіемъ предупредила время. Поэтому ея никто не понимаетъ и не цѣнитъ должнымъ образомъ, кромѣ незначительнаго числа тѣхъ лицъ, взоръ которыхъ простирается до скрытыхъ будущихъ событій.

Достаточно взглянуть на положеніе Египта. Египетская нація жила вѣка въ политическомъ рабствѣ, результатомъ котораго былъ общій упадокъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни—упадокъ въ умственной дѣятельности, въ нравахъ и поступкахъ. Она не переставала все ниже опускаться, пока не превратилась въ слабый, больной и покоящійся организмъ, живущій скорѣе даже растительной, чѣмъ животной жизнью. Когда же она освободилась отъ рабства, то на первыхъ порахъ почувствовала себя въ смущеніи, не зная, что дѣлать со своей новой свободой.

Никто не понималъ смысла этого слова и не зналъ ему цѣны;
люди относились къ свободѣ легкомысленно и насмѣшливо; мало 71.
того, они страдали отъ нея и ей приписывали разстройство въ
своей жизни и свои душевныя страданія. Сколько разъ мы слышали своими ушами, что причина несчастій Египта лежитъ въ его пользованіи свободой и равенствомъ. Затѣмъ народъ постепенно сталъ привыкать къ свободѣ и началъ понимать, что разстройство его жизни не можетъ происходить отъ нея, а имѣетъ другія причины. Въ душѣ многихъ изъ насъ настолько укрѣпилась любовь къ свободѣ, что мы перестали понимать смыслъ существованія безъ нея. Мы надѣемся, что наши дѣти, которыя выростутъ на полной свободѣ, воспользуются всѣми драгоцѣнными плодами ея, важнѣй-

шимъ изъ которыхъ является подготовка ихъ самихъ къ дѣятельности. Тогда они поймутъ, что свобода—основаніе всякой культуры.

Таково-же будетъ положеніе и относительно свободы женщинъ.

Въ первомъ поколѣніи, когда женщинѣ будетъ дарована свобода, раздастся много жалобъ на нее, и люди будутъ думать, что ихъ постигло великое несчастіе, такъ какъ женщина будетъ только производить опыты со свободой; затѣмъ, съ теченіемъ времени она привыкнетъ ею пользоваться и постепенно почувствуетъ свои обя-
72. занности, а ея умственныя и нравственныя способности разовьются. Если въ ея нравахъ будетъ обнаруживаться какой-нибудь порокъ— его будутъ лечить воспитаніемъ, пока она не станетъ человѣкомъ, вполнѣ сознающимъ себя.

Это понятно, такъ какъ духовное развитіе въ своемъ движеніи не отличается отъ физическаго развитія. Какъ ребенокъ ползаетъ, прежде чѣмъ ходитъ, и учится ходить постепенно, держась за стѣну или за руку своей кормилицы, а научившись ходить одинъ, онъ начинаетъ это дѣлать хорошо только послѣ многихъ опытовъ, продолжающихся нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ неоднократно падаетъ; такъ и человѣчество въ своемъ духовномъ движеніи переходитъ отъ низшей ступени къ высшей только постепенно, послѣ долгаго опыта, впадая часто въ заблужденія, подвергаясь разстройствамъ и болѣзненнымъ испытаніямъ, пока наконецъ не пойдетъ по прямой дорогѣ.

Таковъ законъ природы; нельзя воображать, будто можно избавиться отъ него и спастись отъ его оковъ. Также неблагоразумно возвращаться назадъ и пріостанавливать движеніе впередъ.

Если мы желаемъ достичь цѣли, къ которой устремлены наши надежды, то намъ остается только подчиниться закону божествен-
73. наго установленія и быть готовыми къ усиліямъ и страданіямъ, безъ которыхъ нельзя ея достичь.

Въ противномъ случаѣ мы будемъ похожи на глупаго отца, который боялся, что сынъ его упадетъ на землю, если начнетъ ходить. Онъ запретилъ ему ходить, и тотъ выросъ разслабленнымъ, съ парализованными ногами.

Обязанности женщины къ самой себѣ. 74.

Первое, что останавливаетъ вниманіе восточнаго человѣка, поселившагося въ какомъ либо европейскомъ городѣ—это высокое положеніе, которое тамъ занимаютъ женщины: съ перваго взгляда ему кажется, что раздѣленіе между жизнью внутренней и внѣшней, существующее въ нашихъ странахъ и препятствующее совмѣстному участію половъ во всѣхъ періодахъ жизни и во всѣхъ ея проявленіяхъ—это раздѣленіе не принадлежитъ къ безусловно признаваемымъ правиламъ въ этихъ странахъ.

Если же онъ оставитъ Европу и поѣдетъ въ Америку, взоръ его будетъ ошеломленъ страннымъ зрѣлищемъ, а удивленіе овладѣетъ умомъ почти до смятенія. Онъ обнаружитъ, что дорогое ему раздѣленіе исчезло и почти не существуетъ: онъ увидитъ женщинъ, занимающихся мужскими дѣлами, а мужчинъ—женскими занятіями, безъ всякаго различія. Онъ услышитъ, какъ американцы обвиняютъ европейцевъ въ несправедливости къ ихъ женщинамъ и попираніи ихъ правъ подобно тому, какъ европейцы упрекаютъ восточныхъ людей за деспотизмъ по отношенію къ ихъ женамъ. 75.

Восточный человѣкъ видитъ такое зрѣлище и сперва удивляется, а потомъ забываетъ про него и впослѣдствіи не задумывается надъ этимъ. Онъ живетъ рядомъ съ западными людьми, но ничего не знаетъ про условія ихъ жизни. Если же ему попадется случайно какой-нибудь намекъ въ газетѣ или книгѣ, то онъ въ душѣ его не возбуждаетъ ни малѣйшаго желанія познакомиться съ сущностью и понять, что здѣсь скрыто.

Въ его душѣ слишкомъ прочно утвердилось убѣжденіе, что его обычаи—самые лучшіе, а все несогласное съ ними не заслуживаетъ вниманія и размышленія.

Однако, ищущій истины, привыкшій къ научному анализу, не судитъ о соціальныхъ фактахъ такого рода равнодушно.

Если въ одинъ день онъ увидитъ въ какой-нибудь газетѣ, что г-жа Гордонъ подала въ уголовную палату Франциско искъ и защищала человѣка, обвинявшагося въ убійствѣ, а на другой день онъ вычитаетъ, что г-жа Керри Ренаръ (?), одна изъ извѣстныхъ про-
76. повѣдницъ Соединенныхъ Штатовъ, произнесла проповѣдь въ церкви города Луро (?) передъ большимъ собраніемъ женщинъ и мужчинъ, затѣмъ другой разъ увидитъ, что г-жа Стонъ читаетъ политическую экономію въ университетѣ Чикаго студентамъ и студенткамъ, а послѣ этого узнаетъ, что у этой женщины адвоката есть товарки, работающія въ различныхъ судебныхъ установленіяхъ, а у проповѣдницы—подруги во многихъ церквахъ, у профессора коллеги въ большинствѣ школъ,—когда онъ узнаетъ, что эти женщины исполняютъ свои обязанности не лучше и не хуже мужчинъ—что ему остается думать? Онъ убѣдится, что слова поэта—„Намъ суждена война и сраженіе, а красавицамъ—волочить подолы"—нисколько не соотвѣтствуютъ истинѣ и на нихъ намъ нельзя основывать опроверженіе. Мы можемъ извинить поэта, который только очертилъ то положеніе женщинъ, въ какомъ онѣ находились въ
77. его время. Но можемъ-ли мы извинить насъ самихъ за убѣжденіе, будто женщины способны только волочить подолы, хотя одинъ взглядъ на тѣ важныя дѣла, которыя исполняютъ женщины на западѣ, достаточно убѣждаетъ, что жизнь женщины можетъ быть наполнена чѣмъ нибудь лучшимъ, чѣмъ забава, игра и волоченіе подоловъ?

Этотъ поэтическій образъ, въ которомъ поэтъ представилъ типъ женщины, не является типомъ настоящей женщины уже потому, что онъ не представляетъ типа человѣка и даже животнаго. Во всемъ мірозданіи нѣтъ живого существа безъ возложенной на него обязанности или безъ опредѣленнаго дѣла, среди всѣхъ видовъ животныхъ отъ самаго высшаго до самаго низшаго нѣтъ ни одного не подчиняющагося закону борьбы за существованіе.

Если мы желаемъ распредѣлить элементы человѣческой дѣятельности сообразно съ ихъ важностью, то найдемъ, что они дѣлятся на три разряда: первый включаетъ дѣйствія, которыми человѣкъ охраняетъ жизнь, второй—которыми онъ приноситъ пользу своей семьѣ, третій—которыми онъ служитъ соціальному строю.

78. Понятно, что правильное воспитаніе должно давать человѣку возможность исполнять всѣ эти дѣйствія и соблюдать этотъ естественный порядокъ. Знанія, которыя обезпечиваютъ сохранность

жизни и исполненіе всего нужнаго и необходимаго для нея, важнѣе всего прочаго и должны преобладать передъ знаніями, относящимися къ семейнымъ обязанностямъ, такъ какъ невозможно исполнять какую-либо изъ нихъ прежде исполненія первой категоріи. Въ свою очередь, тѣ знанія, которыя ведутъ человѣка къ пониманію семейныхъ обязанностей, служатъ только преддверіемъ къ знаніямъ, знакомящимъ съ соціальными обязанностями, потому что сила соціальнаго строя основана на хорошемъ домашнемъ порядкѣ.

Разъ это признано, мы можемъ сказать, что воспитаніе, обнимающее всѣ три рода въ указанномъ порядкѣ, одинаково необходимо для мужчинъ и женщинъ безъ всякаго различія.

Оставимъ, однако, теперь политическія преимущества и права— я не требовалъ и не требую равноправія мужчинъ и женщинъ въ чемъ-либо подобномъ. Не потому, что я убѣжденъ, будто запретъ женщинѣ заниматься общественными обязанностями, запретъ общій и вѣчный, есть обязательный принципъ въ соціальномъ строѣ, но я вижу, что мы до сихъ поръ еще нуж- 79.
даемся въ мужчинахъ, хорошо исполняющихъ свои общественныя обязанности, а египетская женщина теперь не подготовлена абсолютно ни къ чему. Много лѣтъ ей придется посвятить на воспитаніе ума знаніемъ и опытомъ, пока она не подготовится къ состязанію съ мужчинами на полѣ общественной дѣятельности.

Поэтому мы оставляемъ рѣчь о дѣйствіяхъ и знаніяхъ, которыя связаны съ третьимъ разрядомъ, и ограничиваемъ свою рѣчь только имѣющими отношеніе къ двумъ первымъ родамъ.

Какія бы разногласія ни существовали у людей въ пониманіи природы женщины, никто не станетъ утверждать, что она можетъ обойтись безъ дѣйствій, охраняющихъ ея жизненныя силы и помогающихъ исполнять все нужное и необходимое для человѣческой жизни.

Точно также, какое разногласіе ни существовало бы у насъ въ опредѣленіи обязанностей женщины въ мірѣ, мы должны признать, что она не можетъ обойтись безъ дѣйствій и знаній, связанныхъ съ ея семейными обязанностями. Такимъ образомъ, всякое обученіе, связанное съ обоими родами дѣйствій, будетъ полезнымъ. Равнымъ образомъ, всякое воспитаніе, дѣлающее женщину способной защищать самое себя и улучшать домашнее положеніе—точно так- 80.
же полезно.

Многіе изъ насъ думаютъ, что женщинѣ не надо ни учиться,

ни развивать дѣятельность; они утверждаютъ, что нѣжный складъ организма, деликатность кожи и слабость сложенія затрудняютъ ей исполненіе тяжелой работы и утомительнаго труда.

Однако, эти слова въ сущности представляютъ только козни противъ женщинъ, хотя по внѣшности они и вызваны заботой о нихъ.

Наблюдающій условія нашего соціальнаго строя видитъ печальные факты, которые достаточно ясно ему это показываютъ. Онъ видитъ, что мужчина и женщина—враги, объединяющіеся только на незначительныя мгновенія, что они ведутъ борьбу день и ночь напролетъ. Мужчина хочетъ воспользоваться слабостью и невѣжествомъ женщины, чтобы лишить ее всѣхъ владѣній и одному воспользоваться всѣми преимуществами. Женщина по мѣрѣ возможности старается защищать себя, но не находитъ для этого средствъ.

Если бы собрать всѣ судебные случаи, характеризующіе взаимоотношеніе обоихъ половъ, въ одну книгу—она оказалась
81. бы лучшимъ, что можно написать въ защиту правъ женщины.

Я не стремлюсь къ гиперболѣ, говоря, что, въ случаѣ столкновенія интересовъ мужчины съ интересами женщины по какой бы то ни было причинѣ—или въ силу брака ихъ и совмѣстнаго владѣнія доставшимся имуществомъ, или по причинѣ какого-либо контракта—первое, на что устремляется мысль мужчины—какъ бы лишить женщину по возможности ея правъ. А она, несчастная, не подозрѣваетъ окружающихъ ее опасностей. Если же и открываетъ ихъ, то обыкновенно уже послѣ ея разоренія. Вообще, когда женщины попадаютъ въ сѣти, имъ остается только одно средство—плакать и причитать, такъ какъ онѣ чувствуютъ смятеніе и растерянность, но не знаютъ, что дѣлать для спасенія.

Всѣ египтяне знаютъ, что женщины въ нижнемъ Египтѣ были лишены своихъ правъ наслѣдованія, которыя имъ принадлежатъ въ силу постановленій закона. Такое положеніе продолжало
82. существовать, пока не вошелъ въ силу въ Саидѣ[1]) уставъ мѣстныхъ судовъ; даже нѣкоторые мудиры[2]), у которыхъ спрашивали мнѣнія о введеніи новыхъ судовъ и въ нижнемъ Египтѣ, отзывались, что препятствіемъ къ этому было бы полученіе женщинами

---

[1]) Верхній Египетъ.
[2]) Начальники округовъ.

правъ на наслѣдство по новымъ установленіямъ; послѣднее же представляетъ большое измѣненіе обычаевъ, принятыхъ въ этихъ странахъ!

Въ самыхъ же разнообразныхъ нарушеніяхъ правъ женщинъ нѣтъ ничего удивительнаго, и это не должно ни въ комъ вызывать негодованія.

Мы понимаемъ, когда человѣкъ, живущій въ мірѣ воображенія, пишетъ за своимъ столомъ, что женщины должны быть заключены въ домахъ безъ всякихъ заботъ подъ опекой и надзоромъ мужчинъ. Мы это понимаемъ, потому что бумага все терпитъ.

Не трудно такимъ путемъ создавать всякія отвлеченныя разсужденія: надо только связать нѣсколько предложеній, облеченныхъ въ красивую форму, и—авторъ можетъ выставить себя мудрымъ законовѣдомъ, критикующимъ законы, обычаи и нравы.

Трудно тому человѣку, который привыкъ анализировать теорію и испытывать ее на фактахъ. Если онъ хочетъ, напримѣръ, 83.
выработать себѣ мнѣніе, каковы права женщинъ, о которыхъ мы говоримъ, ему приходится прежде всего обратить вниманіе на факты, совершающіеся предъ нимъ. Иначе говоря, онъ долженъ примѣнить свою теорію къ фактамъ и представить ее въ своемъ умѣ прилагаемой и исполняемой сперва въ деревнѣ, потомъ въ городѣ, потомъ въ странѣ. Предъ нимъ предстанутъ женщины всѣхъ возрастовъ, положеній и состояній. Онъ увидитъ ихъ дѣвицами, замужними, разведенными и вдовами; онъ увидитъ ихъ въ школѣ и дома, въ саду и въ лавкѣ, въ промышленныхъ учрежденіяхъ. Онъ ознакомится съ обращеніемъ ихъ съ мужьями, съ дѣтьми, съ родственниками и чужими; затѣмъ онъ узнаетъ страны, въ которыхъ женщины занимаютъ иное положеніе, чѣмъ у насъ, посмотритъ, какъ онѣ пользуются своими правами и каковы результаты этого пользованія. Онъ долженъ познакомиться съ положеніемъ женщины въ прошломъ и тѣми измѣненіями, которымъ оно подверглось.

Такое дѣло—не легко; для него надо много знаній и обширный опытъ.

Когда все это будетъ у него въ наличности, то и тогда не 84.
такъ легко рѣшить вопросъ категорически. Онъ знаетъ, что его мнѣніе основано на апріорныхъ посылкахъ и выводы могутъ быть только приблизительными. Поэтому онъ постоянно занятъ изслѣдованіемъ и не удовлетворяется достигнутыми его стараніемъ ре-

зультатами, а лишь кладетъ ихъ въ основаніе для временной работы. Онъ неустанно исправляетъ свое мнѣніе сообразно съ требованіемъ обстоятельствъ и результатовъ труда.

Иначе обстоитъ дѣло у сторонника теоретическихъ измышленій. Онъ убѣжденъ, что его сужденіе похоже на математическую формулу и не можетъ быть ошибочно. Несмотря на это, оно составлено изъ общихъ мѣстъ и неопредѣленныхъ положеній, гдѣ умъ не можетъ остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ—вродѣ слабости женщины и силы мужчины, раздѣленія жизни на внутреннюю и внѣшнюю. Такія идеи и наполняютъ его умъ. Такъ какъ онѣ отвлечены отъ фактовъ и опыта, то въ сущности представляютъ слова, при помощи которыхъ нельзя выработать общаго правила, пригоднаго для всякаго времени и мѣста.

Онъ не обращаетъ вниманія на живыхъ людей и не считаетъ нужнымъ обращать на нихъ вниманіе или изслѣдовать ихъ
85. положеніе. Ему не приходитъ въ голову, что человѣчество имѣетъ какой-либо видъ, кромѣ воображаемаго образа, который овладѣлъ его умомъ. Поэтому онъ и не старается увидѣть эту же матерію въ образѣ женщины-пастушки или занимающейся земледѣліемъ, или ремесломъ, или торговлей; онъ не хочетъ узнать, богата она или бѣдна, живетъ одна или съ семьей, въ городѣ, въ деревнѣ или въ пустынѣ.

Всѣ эти многочисленныя и разнообразныя представленія не проникаютъ въ его понятія и не находятъ тамъ мѣста, потому что всѣ пути закрыты теоріей, которая отъ начала до конца заполонила его умъ, такъ что въ немъ не осталось мѣста для чего-либо другого.

Если онъ пишетъ или говоритъ, то пишетъ и говоритъ не о живой женщинѣ съ мясомъ, кровью, чувствами и ощущеніями, а о той, которая въ его умѣ.

Эта женщина молода, и ей отъ 20 до 30 лѣтъ, она прекрасна и нѣжна, со страстнымъ темпераментомъ. Ей стоитъ сдѣлать одно движеніе, чтобы достичь желаемаго, такъ какъ у нея большое состояніе или богатый мужъ, который ничѣмъ для нея не поскупится. Характеръ ея — низость души, склонность ко лжи, коварству и любопытство ко всему дурному. Отдѣляетъ ее отъ этого только приказъ оставаться дома и закрываться отъ мужчинъ.
86.

По нашему мнѣнію, такое представленіе о женщинѣ утвердилось въ нашихъ умахъ только по наслѣдству отъ арабовъ.

Жизнь арабовъ проходила въ войнѣ и сраженіяхъ; всѣ ихъ средства шли отъ добычи. Не приходится разъяснять, что въ націи, жизнь которой основана на сраженіи, у женщины не можетъ быть большого значенія, такъ какъ при такой жизни она не можетъ соперничать съ мужчинами. Поэтому ея положеніе среди арабовъ опустилось до того, что ее стали считать домашней утварью и предметомъ украшенія, который можно похитить. Она стала считаться добычей, какъ и прочее имущество.

Отсюда возникло наложничество и многоженство.

Такъ какъ женщина не играла роли въ арабской націи, вся жизнь которой ограничивалась набѣгами и защитой племени, точно такъ же для нея не было дѣла и въ семьѣ: воспитаніе у нихъ сводилось къ питанію тѣла ребенка молокомъ и пищей, пока онъ не 87.
становился воинственнымъ человѣкомъ, а не знающимъ или благороднымъ.

Не удивительно послѣ этого, что въ изреченіяхъ арабовъ, въ ихъ поэзіи и разсказахъ, даже въ сочиненіяхъ ихъ юристовъ, ученыхъ и философовъ мы находимъ указанія на презрѣніе къ женщинѣ.

Вотъ источникъ зарожденія такого представленія о женщинѣ въ умахъ мусульманъ.

Это образъ дѣйствительный, если смотрѣть на прошлое, но онъ поддѣльный, если смотрѣть на настоящее и будущее. Современная египетская женщина не похожа на арабскую ни извнѣ, ни внутри, какъ она жила тысячи лѣтъ тому назадъ. Она отличается и одеждой, и пищей, и жилищемъ, и привычками, и нравами, и потребностями. Соціальная и экономическая среда, въ которой она теперь находится, измѣнилась кореннымъ образомъ по сравненію съ прошедшимъ. Въ силу этого появились потребности и стремленія, которыя были неизвѣстны арабскимъ женщинамъ.

Арабская женщина довольствовалась въ пищѣ овсянымъ хлѣ- 88.
бомъ, въ одеждѣ—полотняной рубашкой, для жилища—волосяной палаткой. И пріобрѣтеніе этого, и завѣдываніе не нуждается въ обширномъ умѣ и особой сообразительности. Арабская женщина жила, не зная про жизненныя условія, потому что ея семья и народъ не нуждались въ ней для устройства ихъ семейной и соціальной жизни. Арабская женщина была порабощена, потому что въ сущности она была утварью, переходившею во власть человѣка

4

или путемъ грабежа или по договору, болѣе приближавшемуся къ
торговлѣ, чѣмъ къ браку.

Мы же теперь находимся въ періодѣ, когда люди не под-
вергаются опасности другъ отъ друга; среди нихъ утвердился по-
рядокъ, и война уже не является основнымъ занятіемъ для всѣхъ,
нужнымъ для защиты однихъ отъ ярости другихъ; для пріобрѣте-
нія пропитанія люди не нуждаются въ набѣгахъ. Прошли вре-
мена, когда цѣны на людей повышались и понижались сообразно
съ количествомъ добычи на войнѣ и успѣхомъ въ ней, когда боль-
шій храбрецъ и силачъ бывалъ олицетвореніемъ власти, а всѣ
89. слабые находились подъ его покровительствомъ. Теперь война
является необходимостью только въ опредѣленныхъ случаяхъ, и
ею завѣдуютъ извѣстные люди. Отдѣльные представители націи—
мужчины и женщины стали соперничать другъ съ другомъ въ
другихъ дѣлахъ. Нѣкоторые состязаются извѣстностью въ наукѣ,
другіе стремятся къ ней богатствомъ, а иные стараются достичь
ея уже въ ремеслахъ, торговлѣ, земледѣліи. Расширилась область
для состязанія умовъ. И женщина стала человѣкомъ, какъ и муж-
чина. Ея природное украшеніе — даръ ума; она можетъ теперь
стремиться къ тому, что приближаетъ ее къ положенію мужчины,
если не можетъ съ нимъ сравняться. За такимъ измѣненіемъ по-
слѣдовало, конечно, увеличеніе потребностей; всякому ослабѣваю-
щему въ своемъ стремленіи, колеблющемуся въ рѣшимости, остаю-
щемуся въ прежней лѣни и невѣжествѣ грозитъ смерть и опас-
ность гибели. Передъ людьми открылась новая дорога для прило-
женія энергіи. Обитатели любой страны устремляются по путямъ
пріобрѣтенія и борются другъ съ другомъ при помощи труда и
ухищреній ума. Со всѣми борется чужестранецъ, которому удобно
проникнуть въ ихъ среду благодаря легкости путей и полной
безопасности. И эта борьба далеко не легка; она нуждается въ
90. напряженіи силъ умственныхъ и физическихъ еще больше, чѣмъ
это нужно при сраженіи мечами или перестрѣлкѣ стрѣлами.

Время совершило свой круговоротъ и надъ женщиной, заста-
вивъ ее вернуться къ естественному состоянію. У нея появились
потребности, съ которыми нельзя жить, замкнувшись дома; она,
помимо своей воли, должна принимать участіе въ томъ же, какъ и
мужчины; она должна работать, чтобы пріобрѣтать и жить,
подниматься и возвышаться; въ силу этой необходимости она

особенно нуждается въ знаніи того, что можетъ ей обезпечить хоть нѣкоторое преимущество въ этой великой борьбѣ.

Стоны женщинъ, ихъ плачъ и жалобы на мужей, которые теперь раздаются оттого, что они не могутъ покрывать ихъ издержки или нарушаютъ ихъ права, тѣ случаи, когда онѣ принуждены броситься въ пучину гибели, чтобы хоть нѣсколько помочь себѣ—все это подтверждаетъ сказанное нами и всякому зрителю открываетъ справедливость изложеннаго.

Мы спрашиваемъ нашихъ противниковъ въ этомъ пунктѣ, могутъ ли они сказать, что женщина не нуждается въ знакомствѣ со средствами заработка и улучшенія ея положенія? Могутъ ли они сказать, что она въ этомъ нуждается, но къ сожалѣнію ни въ ея природѣ, ни въ дарованныхъ Аллахомъ силахъ ничто не 91.
помогаетъ ей принять участіе въ этой борьбѣ?

Этотъ вопросъ нельзя рѣшить нѣсколькими словами въ родѣ слабости или умственной ограниченности женщины. И слабый, и сильный, и очень умный, и глупый, и невѣжда, и ученый—всѣ они равны передъ необходимостью жизни. Помочь въ пониманіи сущности этого вопроса и въ разрѣшеніи его прежде всего должно ознакомленіе съ тѣмъ, существуютъ ли женщины, у которыхъ нѣтъ родственника, заботящагося о ихъ потребностяхъ или, если и имѣется таковой, то его заработокъ не хватаетъ на покрытіе ихъ нуждъ. Затѣмъ, если имѣются такія женщины, то каково ихъ число—велико или незначительно.

Для этого мы можемъ обратиться къ переписи египетскаго населенія, произведенной въ 1897 г., послѣдней переписи за это время. Тамъ въ статистическихъ данныхъ указано, что число египетскихъ женщинъ, занимающихся какимъ либо ремесломъ, равно 63.731, то есть, 2% общаго числа египетскихъ женщинъ теперь 92.
занимаются ремеслами. Въ эти данныя не входятъ женщины прибрежныхъ провинцій, занимающіяся земледѣліемъ, равно какъ и иностранки, среди которыхъ число ремесленницъ доходитъ до 20%.

Не надо пояснять, что это тѣ женщины, у которыхъ нѣтъ родственниковъ, такъ какъ извѣстно, что мужчины не позволяютъ своимъ женамъ и дочерямъ снискивать пропитаніе ремеслами, если они сами не лишены всякаго заработка.

Если мы обратимся къ непосредственнымъ наблюденіямъ, то увидимъ, что число женщинъ безъ семейной поддержки превосходитъ эти данныя вдвое, потому что большинство живетъ изъ мило-

*

сти у родственниковъ, а есть и такія, которыя прибѣгаютъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни къ такимъ способамъ, въ которыхъ не признаются. Къ этому разряду надо еще присоединить тѣхъ женъ, у мужей которыхъ заработка не хватаетъ на необходимое для ихъ жизни и жизни дѣтей; онѣ постоянно спорятъ и ссорятся съ мужьями, а затѣмъ направляютъ свои шаги въ судебныя учрежденія, чтобы требовать содержанія. Если судья
93. назначитъ для жены два піастра [1]) ежедневно, то мужъ кричитъ, что это много. И число такихъ женщинъ не меньше всей предшествующей суммы.

Если даже и предположить, что число египетскихъ женщинъ, не имѣющихъ семейной поддержки, не превосходитъ 2% общаго числа, то развѣ этимъ женщинамъ, которыхъ житейская необходимость заставляетъ бороться съ сильными мужчинами за право на жизнь, не слѣдуетъ обезпечить успѣхъ тѣми же самыми средствами, которыми пользуются мужчины, прежде чѣмъ онѣ начнутъ жизненную борьбу? Позволяетъ ли право и справедливость лишать ихъ того воспитанія, которое помогаетъ защищать самихъ себя? Полезно ли для мужчинъ и всего соціальнаго строя, чтобы эти женщины продолжали жить слабыми, невѣжественными и бѣдными?

Мы не споримъ, что природа предназначила женщину къ занятію домашними дѣлами и воспитанію дѣтей, что она подвержена такимъ естественнымъ состояніямъ, какъ беременность, рожденіе и кормленіе, которыя мѣшаютъ ей дѣлать то, что могутъ мужчины. Мы открыто заявляемъ здѣсь, что самая лучшая служба, которую женщина можетъ оказать соціальному строю—это бракъ,
94. рожденіе и воспитаніе дѣтей. Это непосредственное сужденіе, не нуждающееся въ обширномъ изслѣдованіи для своего доказательства. Ошибка лишь въ томъ, что на этомъ строится предположеніе, будто женщинѣ и не надо готовиться воспитаніемъ и обученіемъ къ самостоятельному существованію или, въ случаѣ нужды, къ поддержкѣ ея малолѣтнихъ дѣтей.

Это однако необходимо, такъ какъ въ каждомъ городѣ есть женщины, не вышедшія замужъ или вышедшія, но оставшіяся одинокими по случаю развода или за смертью мужа. Есть и замужнія женщины, принужденныя однако добывать пропитаніе по бѣдности мужа, его неспособности къ труду или лѣни. Не мало число

[1]) По египетскому курсу около 20 коп.

женщинъ замужнихъ, но неимѣющихъ дѣтей. Не справедливо всѣмъ этимъ женщинамъ запрещать занятія внѣ дома подъ предлогомъ, будто у нихъ есть мужчины, заботящіеся объ ихъ пропитаніи, или семейныя обязанности—естественныя препятствія, мѣшающія труду.

Мы вовсе не говоримъ женщинѣ: „Бѣги замужества и не желай потомства или брось своего мужа и дѣтей дома, а сама проводи время на улицахъ и живи, какъ живутъ мужчины“. Мы 95.
опять повторяемъ наше желаніе, чтобы каждая женщина была женой, а каждая жена—матерью. Но это не позволяетъ намъ забывать, что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ нашему желанію: дѣйствительность говоритъ намъ, что большое число женщинъ не имѣетъ ни семьи, ни семейныхъ обязанностей.

Число такихъ женщинъ у насъ теперь незначительно по сравненію съ западными странами; если мы возьмемъ послѣднія статистическія данныя во Франціи, то найдемъ, что тамъ существуетъ 3.622.170 незамужнихъ женщинъ, 2.060.778 вдовъ и 924.286 замужнихъ, но бездѣтныхъ. Иначе говоря, во Франціи существуетъ болѣе пяти милліоновъ женщинъ, способныхъ къ труду и принуждаемыхъ къ нему безъ всякаго вреда, грозящаго ихъ семьямъ.

Съ теченіемъ времени съ развитіемъ цивилизаціи въ нашихъ странахъ, число незамужнихъ женщинъ возрастетъ и вмѣсто теперешнихъ 2% египетскихъ женщинъ, существующихъ какимъ либо ремесломъ, скоро ихъ будетъ двойное количество. Соціальные факты 96.
подчиняются естественнымъ законамъ, при которыхъ легко знать, каковы они окажутся въ будущемъ.

Поэтому мы можемъ утверждать, что число женщинъ, добывающихъ самостоятельно пропитаніе, будетъ увеличиваться съ году на годъ, такъ какъ мы идемъ по пути, пройденному до насъ Европой.

Нѣтъ сомнѣнія, что число браковъ въ Европѣ меньше, чѣмъ на востокѣ. Причина лежитъ въ томъ, что ни одинъ мужчина не женится съ той легкостью, какъ у насъ. Европеецъ ищетъ въ женѣ товарища, который раздѣляетъ всѣ его занятія, мысли и чувства; онъ отъ нея требуетъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя каждый изъ насъ ищетъ, когда хочетъ найти себѣ друга. Отыскать же это бываетъ трудно.

Слѣдуетъ присоединить еще и другую причину. Экономическое положеніе въ цивилизованныхъ странахъ не позволяетъ никому, за небольшими исключеніями, зарабатывать себѣ пропитаніе раньше

30 лѣтъ: на своемъ пути всякій встрѣчаетъ серьезныя затрудненія
97. и долженъ пробиться черезъ находящіеся передъ нимъ ряды. И это только въ томъ случаѣ, если судьба и хорошая подготовка позволяетъ имъ занять положеніе въ торговлѣ, промышленности или благородныхъ профессіяхъ. Многіе же изъ нихъ кончаютъ жизнь, ничего не находя.

У нихъ предосторожность требуетъ, чтобы никто не женился, раньше чѣмъ будетъ увѣренъ въ средствахъ заработка, обезпечивающаго существованіе его и его дѣтей. Они сознаютъ свои обязанности по отношенію къ семьѣ и не желаютъ быть причиной несчастья женъ и дѣтей. Только глупца легкомысліе заставляетъ торопиться съ бракомъ и относиться невнимательно къ тому, на что обязываетъ его этотъ союзъ. Поэтому онъ не признаетъ за своей семьей никакихъ правъ на себя.

Насъ направляетъ по этой же дорогѣ сила, которой никто не можетъ противостоять. И мнѣ кажется, что количество браковъ стало уже убывать у насъ; я знаю много мужчинъ и дѣвицъ, перешедшихъ за тотъ возрастъ, въ которомъ у насъ обыкновенно заключается бракъ, и которые все же остались безбрачными по своей волѣ или по необходимости. Я не могу однако рѣшить, пред-
98. ставляетъ это общее явленіе или свойственно нѣкоторымъ мѣстностямъ; при всемъ томъ можно подтвердить, что средній возрастъ, въ которомъ заключается бракъ, значительно повысился, по сравненію съ прошлымъ. Теперь онъ обыкновенно колеблется между 20 и 30 годами, а раньше это бывало въ періодъ зрѣлости, часто же бракъ заключался и раньше.

Ничему не поможетъ, если наши писатели станутъ ополчаться на наше современное и будущее положеніе, къ которому мы придемъ съ теченіемъ времени, если они станутъ приводить въ примѣръ постигшее Европу уменьшеніе количества браковъ и занятіе женщинъ дѣлами мужчинъ. Ничему это не поможетъ, такъ какъ подобныя жалобы не могутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій въ мірѣ. Если бы жалобы могли измѣнить положеніе, тогда дѣло было бы легко. Суть въ томъ, что важнѣйшимъ факторомъ, вліяющимъ на положеніе націи, является ея экономическое состояніе. Къ сожалѣнію никто изъ людей не можетъ распоряжаться этимъ экономическимъ состояніемъ и направлять его по своему желанію.

99. Дѣйствительно, въ каждой цивилизованной націи находится извѣстное число женщинъ, которыхъ нужда заставляетъ трудиться

и работать надъ занятіями мужчинъ—до нѣкоторой степени „омужчинившихся“. Это тѣ женщины, на которыхъ мужчины не обратили вниманія и никто не пожелалъ взять замужъ, вдовы, у которыхъ умерли мужья, разведенныя — покинутыя своими мужьями. Эти женщины не совершили никакого преступленія предъ соціальнымъ строемъ; каждая изъ нихъ можетъ быть хотѣла найти достойнаго товарища, любящаго ее и котораго она любила бы, помогая съ полной взаимностью. Въ сердцѣ каждой изъ нихъ кроется доля печали, такъ какъ она не родила ребенка, котораго могла бы воспитать. Каждая изъ нихъ въ одиночествѣ оплакиваетъ свою тяжкую судьбу и горюетъ о погибшихъ надеждахъ, поджидая исполненія которыхъ она провела свою жизнь.

Но каковъ же исходъ, если законъ существованія заставляетъ много женщинъ жить въ полномъ одиночествѣ, работать и трудиться, чтобы заработать на пропитаніе для себя, своихъ дѣтей и нѣкоторыхъ близкихъ, которые по старости и слабости не могутъ это сдѣлать.

Противники говорятъ, что они не препятствуютъ бѣднымъ 100.
женщинамъ заниматься дѣлами мужчинъ и находиться съ ними въ непосредственномъ общеніи, какъ они не мѣшаютъ женщинѣ получать обученіе, если оно необходимо для жизненнаго заработка, потому что необходимость разрѣшаетъ недозволенное. Всѣ они согласны въ этомъ мнѣніи, не исключая и „ученаго преученѣйшаго“ (такой титулъ онъ себѣ далъ на обложкѣ книги), котораго азхарскіе законовѣды выбрали для опроверженія „Освобожденія женщины“. Всѣ они полагаютъ, что запрещеніе женщинѣ открывать лицо, выходить изъ дому, заниматься мужскими дѣлами, встрѣчаться съ мужчинами и получать образованіе, подготовляющее къ такимъ занятіямъ, совершенно не относится къ бѣднымъ женщинамъ, которыхъ нужда заставляетъ добывать самостоятельно пропитаніе.

Такимъ образомъ выходитъ, что они согласны съ нами относительно неизбѣжныхъ случаевъ и не согласны относительно прочихъ. Они полагаютъ, что дозволеніе должно исключительно относиться къ этому положенію и къ этимъ женщинамъ; мы же думаемъ, что оно должно быть общимъ для всѣхъ женщинъ и для всѣхъ положеній.

Если бы они захотѣли понять, что сами говорятъ, и сообра-
зили, къ чему приводитъ ихъ мнѣніе, то пришли бы къ нашему 101.
выводу и рѣшенію. Они вѣдь говорятъ, что женщина разлучается

съ покрываломъ и приступаетъ къ занятіямъ, какъ и мужчина, когда въ этомъ есть нужда. Ни отъ кого не тайна, что всякая живая душа подвержена смѣнѣ всякихъ потребностей и не гарантирована отъ необходимости. Для исполненія же должнымъ образомъ дѣла, къ которому побуждаетъ необходимость и нужда, недостаточно женщинѣ взяться за него сразу, а необходимо еще до начала быть совершенно подготовленной къ занятію имъ, чтобы получить желаемые результаты. Такая подготовка достигается только воспитаніемъ, знаніемъ, опытомъ, практикой и знакомствомъ съ людьми. Если же женщина будетъ лишена подготовки для встрѣчи съ нуждой, пока она не попадетъ въ нее, то ей не удастся освободиться, и лишеніе ея этой подготовки будетъ только замаскированнымъ преданіемъ на гибель.

Удивительно, какъ мы боимся неудачи для мужчины, если онъ будетъ недостаточно образованъ, и не боимся такой же неудачи для женщины, если она сравняется съ нимъ въ этихъ недостаткахъ?

102. Бѣдность, разводъ, смерть мужа, безбрачіе—все это постоянно существующіе и встрѣчающіеся факты. Такъ какъ знаніе будущаго не такъ легко для человѣка, то всякая женщина должна быть готова къ этимъ событіямъ, прежде чѣмъ они произойдутъ.

Поэтому важнѣйшей обязанностью отцовъ мы считаемъ подготовку дочерей къ встрѣчѣ этихъ событій умѣніемъ уберечь себя отъ ихъ тяжкихъ послѣдствій и облегченіе для нихъ пути къ достиженію извѣстной доли счастья въ этой жизни.

Да! Мы считаемъ обязанностью каждаго отца обученіе дочери по мѣрѣ возможности и доступности; онъ долженъ заботиться о ея воспитаніи такъ же, какъ заботится о воспитаніи сыновей. Если она послѣ этого выйдетъ замужъ, ея знаніе ей не повредитъ, а принесетъ пользу и самой, и ея семьѣ. Если же она разстанется съ мужемъ по какой бы то ни было изъ часто возникающихъ причинъ, то ей можно будетъ воспользоваться своими познаніями для пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ доступнымъ для нея способомъ, что обезпечитъ ея спокойствіе, самостоятельность и доброе имя.

Будемъ ли мы обращать вниманіе на матеріальныя выгоды, которыя человѣкъ извлекаетъ изъ своихъ знаній, или будемъ обра-
103. щать вниманіе на испытываемое имъ духовное наслажденіе — обученіе во всякомъ случаѣ желательно.

Передо мною лежитъ теперь книга, принадлежащая одному

изъ французскихъ писателей, Полю Дрозье (?) которую онъ назвалъ „Американская жизнь". Говоря о воспитаніи дѣвушекъ, онъ пишетъ слѣдующее:

„Я видѣлъ, какъ въ Америкѣ мальчики и дѣвочки идутъ въ одну школу и сидятъ другъ съ другомъ рядомъ на одной скамейкѣ. Они слушаютъ одни и тѣ же уроки и вмѣстѣ играютъ. Когда ученіе кончается, это общеніе остается прежнимъ: дѣвушекъ можно видѣть на фабрикахъ и заводахъ, онѣ завѣдуютъ бухгалтеріей въ большихъ гостиницахъ, воспитываютъ дѣтей въ начальныхъ школахъ, поступаютъ въ медицинскіе институты. Среди нихъ можно найти проповѣдницъ, проповѣдующихъ по улицамъ, членовъ благотворительныхъ обществъ, предсѣдательницъ городскихъ совѣтовъ и т. под. Если желательно узнать, каковы причины этихъ странныхъ обычаевъ и какова цѣль такого воспитанія женщинъ, каковы обязанности, къ исполненію которыхъ онѣ подготовляются такимъ воспитаніемъ, тогда слѣдуетъ подумать объ этомъ вопросѣ, 104.
чтобы понять его сущность. Если о немъ поразмыслить, то станетъ ясно, что существуетъ два противоположныхъ теченія, соотвѣтствующихъ двумъ различнымъ положеніямъ женщины.

„Объясняется это тѣмъ, что дѣвушка, оставшись незамужней, вынуждена бороться на жизненномъ пути, какъ соперничающій съ нею мужчина. Тогда лучшее для нея то воспитаніе, которое получаютъ мужчины. Если же она выйдетъ замужъ, то тягость жизненнаго заработка будетъ лежать на мужѣ, а она станетъ заниматься домашнимъ управленіемъ и воспитаніемъ дѣтей. Но кто знаетъ будущее дѣвочки, когда ей 10 лѣтъ отъ роду? И что думаютъ родители предъ этимъ невѣдомымъ будущимъ? Американцы сочли болѣе разумнымъ поступать, какъ будто бы дочери ихъ не выйдутъ замужъ, и воспитывать наравнѣ съ мальчиками въ смыслѣ обученія и самостоятельности поведенія. Американскій отецъ пріучаетъ свою дочь полагаться на самое себя, потому что онъ не знаетъ ея будущаго; если же она встрѣтитъ человѣка, которому захочетъ отдать руку и пройти вмѣстѣ жизненный путь, то такое воспитаніе будетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ для исполненія ея 105.
семейныхъ обязанностей. Если же не окажется никого, кто бы пожелалъ союза съ нею, то отецъ будетъ избавленъ отъ порицаній, такъ какъ онъ предусмотрѣлъ будущее и сдѣлалъ все возможное, чтобы подготовить ее къ побѣдѣ надъ предстоящими трудностями и житейскими огорченіями".

Существуетъ два занятія, на которыя по моему мнѣнію желательно было бы направить у насъ воспитаніе дѣвушекъ. Первое изъ нихъ—воспитаніе дѣтей и ихъ обученіе. Это лучшее призваніе, которое можетъ избрать себѣ женщина, ищущая жизненнаго заработка, потому что это уважаемое и благородное занятіе, а женщина одарена для него лучше мужчины и лучше его умѣетъ привлекать къ себѣ дѣтей и пріобрѣтать ихъ любовь. Наши страны болѣе другихъ нуждаются въ женщинахъ, знакомыхъ съ этой профессіей, потому что у насъ нѣтъ почти ни одной, которой можно было бы довѣрить воспитаніе дѣтей. Египетскія семьи нуждаются въ большомъ числѣ воспитательницъ, чтобы благодаря имъ обойтись безъ иностранокъ. Точно также въ Египтѣ нѣтъ школъ для дѣвушекъ, гдѣ во главѣ управленія и обученія стояли бы египтянки.
106. Это большой недостатокъ въ нашей странѣ, такъ какъ всѣ мы теперь принуждены воспитывать дочерей въ иностранныхъ заведеніяхъ.

Второе занятіе — медицинская профессія. Всякій человѣкъ знаетъ тѣ затрудненія, которыя приходится испытывать, если бываетъ больна какая-нибудь женщина изъ родственницъ и какъ приходится настаивать показаться доктору, особенно когда играетъ роль женская болѣзнь. Если найдется извѣстное число женщинъ, знакомыхъ съ медициной, то несомнѣнно эта профессія окажется очень успѣшной, такъ какъ въ египетскихъ домахъ въ ней чувствуется большая потребность. Здѣсь мы тоже повторимъ, что медицина—такая профессія, которая соотвѣтствуетъ природнымъ дарованіямъ женщинъ. Та великая служба, которую несетъ женщина въ общественныхъ госпиталяхъ и въ семьяхъ, какъ это можно наблюдать теперь, служитъ лучшимъ доказательствомъ свойственной ей кротости, терпѣнія и внимательности, съ которыми она можетъ заниматься леченіемъ болѣзней какъ и мужчины, если не лучше ихъ.

Точно также женщина можетъ заниматься всѣми дѣлами,
107. въ основѣ которыхъ лежитъ строй и порядокъ и которыя не нуждаются въ крѣпкихъ мускулахъ и нервахъ, какъ напримѣръ торговля. Сколько торговыхъ домовъ возвысилось благодаря женщинамъ, придя въ упадокъ благодаря мужчинамъ. Также доступны женщинамъ всѣ благородныя профессіи.

Если египетской женщинѣ приходится теперь самой снискивать пропитаніе, она не можетъ найти себѣ подходящаго занятія,

кромѣ нѣкоторыхъ тяжелыхъ и унизительныхъ, какъ прислуживаніе въ нѣкоторыхъ домахъ или ходьба по улицамъ для продажи товара ничтожной цѣнности. Препятствовать женщинамъ заниматься мужской работой значитъ въ сущности обрекать ихъ на эти унизительныя занятія съ жалкими результатами и лишать тѣхъ благородныхъ работъ, которыя доставляютъ значительную выгоду.

Вотъ это униженное положеніе мы и желали бы замѣнить болѣе высокимъ.

Слѣдуетъ воспитывать женщину такъ, чтобы она существовала прежде всего для самой себя, а не какъ игрушка для мужчины, съ которымъ она можетъ быть не встрѣтится всю свою жизнь.

Слѣдуетъ воспитывать женщину такъ, чтобы она входила въ 108.
человѣческое общество какъ цѣльное существо, а не матерія, изъ которой мужчина вылѣпитъ все, что ему угодно.

Слѣдуетъ воспитывать женщину такъ, чтобы условія своего счастія или несчастія она находила въ самой себѣ, а не въ другихъ.

Что мы отвѣтимъ человѣку, который намъ совѣтуетъ: „Воспитывайте вашихъ сыновей, чтобы они были только мужчинами; готовьте ихъ исключительно для брака“? Мы, конечно, отвѣтимъ ему насмѣшкой и презрѣніемъ: мы хорошо знаемъ, что всякому человѣку прежде всего надо быть подготовленнымъ для встрѣчи несчастій и затрудненій, попадающихся на жизненномъ пути, или счастія, которое ему суждено испытать. Если же онъ получитъ образованіе, станетъ способнымъ добывать заработокъ и будетъ отличаться хорошимъ характеромъ, тогда естественно будетъ и хорошимъ мужемъ. Почему же наряду съ этимъ мы принимаемъ совѣтъ того человѣка, который говоритъ: „Готовьте вашихъ дочерей быть только наложницами и не готовьте ихъ ни къ какимъ другимъ жизненнымъ задачамъ и цѣлямъ“?

Результатомъ всего предшествующаго является выводъ, что женщина имѣетъ право заниматься тѣми дѣлами, которыя считаетъ
необходимыми для своего жизненнаго заработка. Это право влечетъ 109.
за собою признаніе и другого права, именно, что ея воспитаніе должно направляться по тѣмъ путямъ, которые даютъ ей возможность воспользоваться всѣми ея силами и способностями.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ обязательность для каждой женщины заниматься мужскими работами; слѣдуетъ только, что каждая женщина должна быть подготовлена къ нимъ на случай необходимости.

---

110. ## Обязанности женщины по отношенію къ семьѣ.

До сихъ поръ мы говорили о воспитаніи и дѣйствіяхъ, необходимыхъ для сохраненія самаго существованія женщины должнымъ для нея образомъ, теперь же намѣрены говорить о дѣйствіяхъ и воспитаніи, необходимыхъ женщинѣ для того, чтобы быть полезной въ своей семьѣ.

Всѣ люди согласны въ томъ, что семейный строй и порядокъ въ рукахъ женщины, однако не всѣ одинаково понимаютъ это сужденіе. Громадное большинство видитъ смыслъ его въ томъ, что женщина должна служить мужу и дѣтямъ, если семья бѣдна, или завѣдывать прислугой, несущей службу, отдавая приказанія и наблюдая за нею, если семья богата.

На этой точкѣ ихъ мысль останавливается.

111. Такъ рѣшительно во всемъ мы попрали права женщинъ; лишивъ ее свободы и самостоятельности въ жизненныхъ потребностяхъ, мы дошли до того, что сузили кругъ ея дѣятельности даже въ семьѣ. Это служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что все, относящееся къ прогрессу женщины, тѣсно связано одно съ другимъ: образованная и свободная женщина можетъ пользоваться большимъ вліяніемъ въ своей семьѣ, а глупая и обращенная въ рабство не можетъ конечно разсчитывать въ семьѣ на большее вліяніе, чѣмъ главная служанка въ домѣ.

Мусульмане думаютъ, что пользованіе женщины свободой, занятіе дѣлами мужчинъ и расширеніе воспитанія повлечетъ за собой небрежность въ исполненіи семейныхъ обязанностей; поэтому они воздвигли глухую стѣну между ней и внѣшнимъ міромъ, чтобы ничто не отвлекало ее отъ общества мужа, управленія домомъ и воспитанія дѣтей. Однако, если обратить вниманіе на результатъ, легко увидѣть, что онъ получился совершенно обратнымъ желаемому, такъ какъ египетская женщина не знаетъ, какъ относиться

къ мужу, не умѣетъ управлять домомъ и не способна воспитывать своихъ дѣтей.

Это понятно, такъ какъ всѣ дѣйствія человѣка, какъ бы ни были они различны и разнообразны, исходятъ изъ одного источника, каковымъ является его знаніе и чувство. Чѣмъ возвышеннѣе этотъ источникъ, тѣмъ больше, полезнѣе и благороднѣе бываетъ его вліяніе; чѣмъ онъ ниже, тѣмъ его вліяніе ничтожнѣе, вреднѣе и непохвальнѣе. 112.

Та презрѣнная роль, которую у насъ теперь исполняетъ египетская женщина въ семьѣ, соотвѣтствуетъ отношенію ея къ этому упомянутому выше источнику. Однако неспособность нашихъ женщинъ теперь къ исполненію дѣлъ, которыя должны составлять ея неотъемлемую область, не заставляетъ насъ отчаиваться въ возможности прогресса или думать о ихъ неспособности достигнуть желаемаго предѣла.

На египетской женщинѣ лежатъ не только тѣ обязанности, которыя признаетъ за нею общество; важнѣйшей изъ этихъ обязанностей является воспитаніе дѣтей.

Если желательно узнать про степень незнакомства нашихъ матерей съ простѣйшими принципами воспитанія, достаточно посмотрѣть на статистику дѣтской смертности у насъ и въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ; оказывается, что число умирающихъ у насъ дѣтей превосходитъ почти вдвое это число въ Лондонѣ. Я ознакомился со статистическими данными, обнародованными въ этомъ году комитетомъ общественнаго здравія, и нашелъ, что смертность 113.
среди дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста, въ Каирѣ составляетъ 145 на тысячу, тогда какъ въ Лондонѣ этому соотвѣтствуетъ 68 на тысячу.

Такъ какъ здоровье нашихъ дѣтей, ихъ болѣзненность, жизнь и смерть связаны съ системой воспитанія, принятой женщинами, послѣ этого только глупостью и несообразительностью можно объяснить, что мы отдаемъ дѣтей въ жертву измышленіямъ глупцовъ, покидаемъ ихъ на суевѣріе кормилицъ и совѣты старухъ, которыя распоряжаются съ ними какъ имъ угодно.

Невѣжественныя матери ежегодно убиваютъ такое число дѣтей, которое превосходитъ число убитыхъ во время самыхъ большихъ войнъ; часто онѣ обрекаютъ своихъ дѣтей на болѣзни и хроническія страданія, при которыхъ самая жизнь дѣлается тяжкимъ бременемъ на все время существованія. Причиной этого не-

счастія въ большинствѣ случаевъ является только незнакомство матерей съ правилами гигіены. Если бы мать знала, что все относящееся къ питанію ребенка, его жилищу, одеждѣ, сну или играмъ
114. оказываетъ свое вліяніе на тѣло, она бы могла его предохранить отъ болѣзней по мѣрѣ своихъ познаній въ гигіенѣ. Если бы каждая мать знала, что большинство болѣзней, поражающихъ тѣло ея ребенка, не происходитъ безъ причины и что она является отвѣтственной за его здоровье и нездоровье, она не относилась бы такъ небрежно къ охраненію его отъ всего вреднаго для тѣла. Но какъ можетъ она это постичь при невѣжествѣ, заставляющемъ думать, что слѣдствія бываютъ безъ причинъ или происходятъ отъ причинъ сверхестественныхъ?

Мнѣ не приходится здѣсь разъяснять обстоятельно все, что слѣдуетъ знать читателямъ по этому вопросу; мы можемъ сказать вообще, что одно физическое воспитаніе ребенка требуетъ большихъ познаній, связанныхъ преимущественно съ правилами гигіены, и что знакомство съ этими правилами требуетъ массы другихъ знаній, неизбѣжныхъ для правильнаго пониманія ея.

Мать должна знать лучшіе способы питанія дѣтей, потому что порядокъ въ ростѣ тѣла всегда связанъ съ порядкомъ въ питаніи, а здоровье тканей, особенно мозговыхъ, зависитъ отъ здо-
115. роваго питанія. Одинъ изъ медиковъ даже сказалъ, что націи, превосходящія питаніемъ другія, оказываются сильнѣе ихъ и одерживаютъ надъ ними верхъ.

Мать должна знать, какъ охранить тѣло ребенка отъ вліяній холода и зноя, какой водой слѣдуетъ пользоваться при умываніи: горячей, теплой или холодной. Она должна знать, что воздухъ и солнце оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье, и не лишать его пользованія ими. Тоже надо сказать и о прочемъ, какъ сонъ, игра и т. д.

Съ другой стороны она должна въ совершенствѣ знать душу ребенка, роль его духовныхъ и нравственныхъ силъ, иначе она окажется первой причиной порчи характера у своего дитяти.

Стоитъ посмотрѣть на все обращеніе египетской женщины со своимъ ребенкомъ, и можно убѣдиться, что оно исходитъ не отъ разумнаго человѣка, правильно оцѣнивающаго результаты своихъ поступковъ. Она запрещаетъ ему играть, чтобы онъ ее не раздражалъ: она и не подозрѣваетъ, что запрещая ему играть, препятствуетъ его развитію. Желая его образумить, она угрожаетъ

ему невозможнымъ или тѣмъ, что сама не пожелаетъ привести въ 116.
исполненіе; пугаетъ его всякими бреднями, вызывающими въ мозгу фантастическія картины, которыя можетъ быть останутся на всю жизнь. Желая его наградить, она даетъ ему обѣщаніе, но не сдерживаетъ его и служитъ примѣромъ лжи, возбуждая въ душѣ недовѣріе къ сказанному. Въ большинствѣ случаевъ свой гнѣвъ она выражаетъ громкимъ крикомъ съ угрозами и пугаетъ его устрашающими движеніями, точно желая показать ему на блестящемъ примѣрѣ, что она не можетъ сдерживать себя и управлять своими чувствами. Часто бываетъ, что причина, вызывавшая ея гнѣвъ, не стоитъ этого. А когда она увидитъ произведенное ею впечатлѣніе, то сейчасъ же начинаетъ обнимать, цѣловать его, выражая сильное раскаяніе; несчастный же ребенокъ сперва не понимаетъ, какъ онъ заслужилъ ея гнѣвъ, а потомъ ласку.

Эти недостатки свойственны, конечно, не однѣмъ матерямъ, но и многимъ отцамъ среди насъ, которые по незнакомству съ человѣческой душой пользуются въ воспитаніи своихъ дѣтей не менѣе дикими и невѣжественными пріемами, чѣмъ женщина. Самымъ отвратительнымъ поступкомъ многихъ отцовъ со своими 117.
дѣтьми является ругательство и брань такими выраженіями, смысла которыхъ ребенокъ не понимаетъ; иногда же онъ отвѣчаетъ похожимъ, а если ему удастся, то отецъ смѣется и радуется способностямъ сына. Иногда же кто-либо изъ нихъ отдаетъ сыну приказаніе, въ которомъ нѣтъ никакой нужды; ребенокъ не слушается, и отецъ набрасывается на него какъ дикій звѣрь, утратившій сознаніе, и бьетъ его по тѣлу, куда ни попало. Это только потому, что въ неповиновеніи сына онъ видитъ нарушеніе своей власти и презрѣніе къ его величію.

А если бы этотъ отецъ понималъ, что онъ дѣлаетъ, и зналъ, что все, къ чему привыкаетъ ребенокъ въ дѣтствѣ, оставляетъ въ его душѣ слѣдъ, вырабатывающій прочную привычку, тогда онъ не сталъ бы его пріучать къ тому, что ему было бы непріятно видѣть въ немъ въ старости. Если бы онъ зналъ, что цѣлью воспитанія является не пріученіе ребенка повиноваться всякому отдаваемому приказанію, а пріученіе владѣть самимъ собой, тогда онъ сталъ бы избѣгать приказовъ, угрозъ и побоевъ. Эти средства не пріучаютъ ребенка владѣть самимъ собой; это достижимо тогда, когда родители стараются его вразумить и разъяснить его уму по- 118.
слѣдствія его поступковъ, пока въ душѣ его не укрѣпится твердое

убѣжденіе, что все добро и зло, выпадающее ему, пріобрѣтается имъ самимъ.

Лучшимъ путемъ воспитанія, приводящимъ къ этой цѣли (т. е. самообладанію), является предоставленіе ребенка его склонностямъ; онъ можетъ поступать, какъ ему укажетъ разсудокъ, а воспитатель не долженъ вмѣшиваться, а только разъяснять результаты этихъ поступковъ, какъ совѣтчикъ и руководитель. Если же ребенокъ упорствуетъ, не слушаясь совѣтовъ, то онъ долженъ предоставить ему испытать послѣдствія поступка, наблюдая, однако, чтобы онъ не получилъ большого вреда. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда ребенокъ подвергается опасности, приходится его удерживать и останавливать.

Такимъ путемъ дитя готовится стать мужемъ, надѣющимся только на себя въ тѣхъ случаяхъ, когда около него не находится никого, кто могъ бы его защищать и оберегать.

Я здѣсь могу повторить въ общихъ чертахъ ту истину, знакомство съ которой мнѣ кажется желательнымъ для всякаго отца
120. и матери: всѣ пороки, наблюдающіеся у дѣтей, какъ лживость, трусость, лѣнь и глупость, возникаютъ отъ незнакомства родителей съ правилами воспитанія. Эти пороки легко удалить моральными средствами, а иногда ихъ удаляютъ даже медицинскими.

Если сохраненіе ребенка отъ болѣзней и избавленіе его отъ пороковъ требуетъ обширныхъ познаній, какъ мы упомянули, то ознакомленіе съ его хорошими дарованіями и нахожденіе въ душѣ благородныхъ качествъ требуетъ еще болѣе тонкихъ знаній и болѣе обширныхъ свѣдѣній.

Большинство людей думаетъ, что воспитаніе—легчайшая вещь, но кто знакомъ съ нимъ какъ слѣдуетъ, тотъ знаетъ, что среди всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ бы возвышены они ни были, ни одно не нуждается въ такихъ обширныхъ знаніяхъ, тонкой наблюдательности и тяжкомъ трудѣ, какъ воспитаніе. Что касается знанія, искусство воспитанія нуждается во всѣхъ наукахъ, которыя ведутъ къ изученію законовъ человѣческаго развитія — физическаго и духовнаго. Нуждается оно въ трудѣ и заботахъ, потому что примѣненіе этихъ правилъ къ тому, что соотвѣтствуетъ состоянію ребенка со дня его рожденія до достиженія зрѣлости, требуетъ терпѣнія, настойчивости въ трудѣ и тонкой наблюдательности въ той мѣрѣ, въ какой рѣдко бываетъ нужда при другихъ дѣлахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что я считаю обязательнымъ зна-

комство съ этими обширными науками для каждой матери; я только говорю, что всѣ матери должны знать ихъ общіе выводы. Чѣмъ больше знакомство каждой изъ нихъ съ основаніями и частностями этихъ наукъ, тѣмъ солиднѣе ихъ подготовка къ воспитанію своихъ дѣтей.

Читатели видѣли, что я оставилъ въ сторонѣ роль отца, говоря о воспитаніи. Сдѣлалъ я это не по забывчивости, а потому, что вся область воспитанія относится къ матери. Ребенокъ—мальчикъ или дѣвочка отъ рожденія до отрочества не знаетъ другого примѣра, кромѣ своей матери, не встрѣчается ни съ кѣмъ, кромѣ нея, и его чувства воспринимаютъ только тѣ образы, которые доставляетъ она. Его душа — это бѣлый листъ, на которомъ мать проводитъ черты по своему желанію. Работа надъ каждой страницей заканчивается, и получается печатная книга, когда ребенокъ достигаетъ 14-лѣтняго возраста, какъ говоритъ Альфонсъ Додэ. Послѣ этого молодой человѣкъ можетъ прибавить или убавить къ начертаннымъ у него въ душѣ рисункамъ только что-нибудь незначительное, не вызывающее измѣненія книги по существу.

Въ этомъ и заключается секретъ уваженія къ женамъ и обо- 121.
жанія матерей на западѣ. Тамъ знаютъ, что всѣми хорошими качествами и добрымъ характеромъ люди обязаны своимъ матерямъ, которыя вложили въ нихъ частичку своей души — лучшаго что у нихъ было. Когда кто-либо изъ западныхъ чувствуетъ въ своей душѣ любовь къ истинѣ, стремленіе къ добрымъ дѣламъ и цѣнитъ достойнымъ образомъ душевное благородство, милостиво относится къ бѣдняку, страдаетъ отъ стона больного и жалѣетъ животныхъ; когда кто-либо изъ нихъ дѣлаетъ строй и порядокъ принципомъ своего дѣла, а усердіе и настойчивость стремленіемъ души; когда кто-либо изъ нихъ чувствуетъ уваженіе къ своей религіи, почтеніе къ отечеству и стремленіе къ совершенству во всемъ, это не потому, что онъ читалъ въ книгахъ или училъ въ школѣ про похвальность, этихъ качествъ. Если бы нравственность можно было усвоить при помощи памяти, тогда улучшеніе міра было бы легчайшимъ дѣломъ. Это все потому, что его мать желала внушить эти качества, она обрекала себя на неописуемые труды,
чтобы запечатлѣть и прочно укрѣпить ихъ въ душѣ. 122.

Она старалась, чтобы въ его чувствахъ не возникалъ какой-либо дурной образъ, она старалась представить ему картины красоты во всемъ ея многообразіи. Она постепенно пріучала его къ

полезнымъ привычкамъ, пока онѣ въ немъ не укрѣпились, какъ укрѣпляются сѣмена растеній въ землѣ.

Эта обязанность, которую исполняютъ матери въ этихъ странахъ, самое важное и полезное, что можетъ дѣлать на поверхности земли живой человѣкъ. Нѣтъ ничего важнѣе и полезнѣе воспитанія души ребенка и подготовки его къ тому, чтобы стать порядочнымъ человѣкомъ.

Изъ этого ясно, что роль женщины въ соціальномъ строѣ сводится къ созданію характера націи, того самаго характера, слѣды котораго сказываются въ исторіи націй съ ихъ прогрессомъ и регрессомъ сильнѣе, чѣмъ вліяніе обычаевъ, законовъ и религій.

Поэтому среди западныхъ нѣтъ непонимающихъ роли женщины въ соціальномъ организмѣ и ея значенія въ семьѣ. Мы
123. позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько отзывовъ ихъ философовъ, чтобы разъяснить читателямъ ихъ взглядъ на положеніе женщины.

Смайлсъ говоритъ: „Женщина оказываетъ большее вліяніе на воспитаніе человѣческаго рода, чѣмъ какой бы то ни было учитель. По моему мнѣнію, роль мужчины въ родѣ — роль мозга въ тѣлѣ, а женщина его сердце".

Шиллеръ говоритъ: „Когда встрѣчается человѣкъ, своимъ трудомъ достигшій вершинъ славы, рядомъ съ нимъ находится любимая женщина".

Руссо говоритъ: „Мужчины поступаютъ такъ, какъ угодно женщинамъ. Если желательно сдѣлать мужчинъ умными и благородными, надо научить уму и благородству женщинъ".

Фенелонъ говоритъ: „Возлагаемыя на женщинъ обязанности— основа человѣческой жизни: женщина управляетъ всѣми дѣлами семьи, а благодаря этому ей принадлежитъ главная доля въ улучшеніи или паденіи нравовъ. Нація — не отвлеченный образъ, существующій самъ по себѣ, какъ это кажется, — нація это сумма всѣхъ семей, а никто не можетъ улучшить семью, кромѣ женщины".

124. Ламартинъ говоритъ: „Если книгу прочитала женщина, то ее прочелъ и мужъ, и дѣти".

Примѣровъ такихъ мудрыхъ изреченій ученыхъ и философовъ, находящихся въ ихъ произведеніяхъ и разъясняющихъ вліяніе женщины на улучшеніе характера націи, слишкомъ много, чтобы приводить ихъ полностью.

Удивительно, что много нашихъ юношей, знакомыхъ съ иностранными языками и несомнѣнно читавшихъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, находятъ, что я преувеличиваю значеніе женщины и переоцѣниваю ея обязанность. Мало того, нѣкоторые относятся съ презрѣніемъ къ нашему мнѣнію и считаютъ его негоднымъ товаромъ, на который не слѣдуетъ даже смотрѣть. Точно ихъ мысли передаетъ тотъ азхарскій ученый, который писалъ опровержение на книгу „Освобожденіе женщины", когда онъ говоритъ:

„Не слыхали мы ни въ одной исторіи, ни въ одной книгѣ, ни въ одномъ повѣствованіи, что какая нибудь нація или какое-либо государство возвысилось благодаря женщинамъ и улучшило свое положеніе благодаря слабому полу. Вотъ европейскія государ- 125.
ства въ наше время возвысились и прославились науками, познаніями, ремеслами, искусствами и великими изобрѣтеніями, польза которыхъ обнимаетъ всѣхъ. Но какой же изъ этихъ наукъ и знаній, какимъ же изобрѣтеніемъ въ ремеслахъ или искусствахъ прославилась хоть одна женщина?"

Читающій эти строки имѣетъ полное право подумать, что этотъ азхарскій ученый съ ему подобными не читалъ „ни одной исторіи, ни одной книги, ни одного повѣствованія".

Число женщинъ, память которыхъ увѣковѣчена исторіей благодаря ихъ извѣстности въ наукахъ и знаніяхъ или за великія дѣянія, вовсе не незначительно; существуютъ толстые томы съ ихъ біографіями. Мы не въ состояніи приводить здѣсь разсказы о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ въ исторіи женщинъ, и можетъ быть время позволитъ намъ составить спеціальную книгу; теперь мы можемъ только подтвердить, что нѣтъ ни одной науки, ни одного искусства, въ которомъ бы женщина не доказала своей способности достичь высшихъ ступеней человѣческаго совершен- 126.
ства.

Я обращаю вниманіе азхарскаго ученаго въ особенности на „добродѣтельныхъ предковъ его народа": пусть онъ узнаетъ, что и въ исторіи его религіи упоминаются имена женщинъ, оставившихъ въ ней лучшій слѣдъ.

Однако дѣло для своего подтвержденія не нуждается въ исторіи: и въ нашемъ вѣкѣ появилось не мало женщинъ, достигшихъ большой извѣстности, слава о которыхъ распространилась во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Это Марія Митчель открыла комету, названную ея именемъ,

и назначена директрисой обсерваторіи въ Америкѣ и профессоромъ астрономіи; у нея много сочиненій въ этой области.

Каролина Гершель открыла семь звѣздъ, и Лондонское общество присудило ей золотую медаль.

У Терезы Де-Бавиръ (?) много сочиненій по географіи и геологіи; она была членомъ ученаго общества въ Мюнхенѣ.

У Софіи Жерменъ много важныхъ открытій по естественнымъ наукамъ.

127. Всѣ ученые знаютъ, что маркиза дю Шателье распространила во Франціи ученіе Ньютона, а Клеманъ Рувье ученіе Дарвина. Мадамъ Сталь первая познакомила Европу съ Германіей, а мадамъ Тарновская распространила въ Россіи ученіе Ломброзо.

Число же философовъ и писательницъ изъ женщинъ, появившихся въ этомъ и предшествовавшемъ столѣтіи, не поддается учету въ настоящей книгѣ, но я считаю необходимымъ упомянуть двухъ среди нихъ, которыхъ въ литературѣ не опередилъ мужчина — это м-мъ Лафайетъ и Жоржъ Зандъ.

Говоря про связь, которую мы обнаруживаемъ между прогрессомъ націй и улучшеніемъ положенія женщинъ, мы не хотимъ сказать, что женщина приноситъ пользу націи непосредственно своими научными изобрѣтеніями и философскими ученіями:—мы разумѣемъ исключительно ея роль въ улучшеніи семейныхъ нравовъ, а затѣмъ и націи, какъ и разъяснили это выше.

Выражаясь иначе, можно сказать, что появленіе великаго ученаго или знаменитаго мудреца въ націи является фактомъ, въ
128. возникновеніи котораго принимаютъ участіе двѣ причины: во-первыхъ наслѣдственная способность его къ данной дѣятельности и во-вторыхъ, воспитаніе, содѣйствовавшее развитію въ немъ этой способности. При отсутствіи одной изъ этихъ причинъ невозможно и существованіе такого ученаго или благороднаго человѣка. Отсюда ясно, что нравственная личность человѣка складывается изъ двухъ факторовъ—одного естественнаго, а другого искусственнаго. Мы не можемъ подчинить своему вліянію первый, но надъ вторымъ у насъ почти неограниченная власть, такъ какъ раннимъ воспитаніемъ мы можемъ развить природныя способности ребенка, если его природа хороша, можемъ ихъ усовершенствовать и усилить въ хорошую сторону. Мы можемъ ослабить вліяніе этихъ способностей, если онѣ направлены въ противоположную сторону. Конечно, у этой второй власти есть ограничивающій ее предѣлъ, но все же

кругъ ея дѣйствія позволяетъ намъ значительно ею пользоваться, если мы знаемъ, какъ слѣдуетъ съ нею обращаться, и понимаемъ методы правильнаго воспитанія.

Вотъ это раннее воспитаніе — а поводья отъ него въ рукахъ женщины—и доставило ей то возвышенное положеніе, важнѣе котораго нѣтъ сана въ соціальномъ строѣ.

Вліяніе женщины въ семьѣ не ограничивается воспитаніемъ 129.
дѣтей; опытъ показываетъ, что женщина вліяетъ на окружающихъ ее въ жизни мужчинъ. Сколько женщинъ облегчило своимъ мужьямъ пути успѣха въ ихъ дѣлѣ и старалось окружить ихъ покоемъ и довольствомъ для свободы въ занятіяхъ. Сколько женщинъ дѣлило со своимъ мужемъ, братомъ или отцомъ его труды. Сколько женщинъ успокаивало сердце мужчинъ и укрѣпляло его рѣшимость въ минуты отчаянія и горя. Сколько людей стремилось къ славѣ и великимъ дѣламъ для снисканія благосклонности своей возлюбленной; они достигали цѣли своихъ стремленій.

Стюартъ Милль въ предисловіи своей книги подъ названіемъ „Свобода“, которую онъ напечаталъ послѣ смерти жены, писалъ слѣдующее:

„Эту книгу я посвящаю душѣ, которая внушила мнѣ лучшія изъ вложенныхъ сюда идей—моему другу и женѣ, любовь которой къ истинѣ и справедливости была сильнѣйшимъ моимъ помощникомъ, а одобреніе лучшей изъ наградъ, которыя я надѣялся получить за свой трудъ. Во всемъ, что я писалъ до сихъ поръ, и
въ этой книгѣ ей принадлежитъ не меньшая доля труда, чѣмъ мнѣ 130.
самому. Я больше всего сожалѣю о томъ, что эта книга напечатана въ ея настоящемъ видѣ, прежде чѣмъ она могла ее просмотрѣть. Если бы перо мое могло выразить половину тѣхъ возвышенныхъ мыслей и высокихъ чувствъ, которыя погребены съ нею, это принесло бы міру больше пользы, чѣмъ все, что пишу я самъ, исходя изъ своихъ мыслей и чувствъ, не совѣтуясь съ ея единственнымъ умомъ“.

Жена знаменитаго Пастера была участницей его во всѣхъ научныхъ изысканіяхъ, а дочь Ломброзо до сихъ поръ работаетъ со своимъ отцомъ. Здѣсь же можно вспомнить слѣдующее. Когда у знаменитаго Ламарка ослабѣло зрѣніе, помощницей его въ жизненномъ заработкѣ оказалась единственно его дочь: она давала уроки за плату и этимъ помогала своему отцу. Она побуждала его закончить научную работу, писала подъ его диктовку, и при по-

мощи ея онъ сталъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ естествоиспытателей.

Эти и другіе примѣры, о которыхъ было бы долго распространяться, показываютъ намъ, что образованная женщина, помимо воспитанія своихъ дѣтей, можетъ дѣлать многое для пользы
131. людей и ихъ счастія. Что можетъ быть полезнѣе для мужчины, какъ жить съ постоянной подругой, которая находится при немъ днемъ и ночью, дома и въ путешествіи, во время болѣзни и здоровья, въ горѣ и радости—съ подругой умной и воспитанной, знающей всѣ жизненныя потребности, заботящейся обо всемъ, что касается блага ея мужа и будущности ея дѣтей, сохраняющей его состояніе, берегущей его здоровье, защищающей его честь, помогающей въ его дѣлахъ, напоминающей обязанности и указывающей на права. Она знаетъ, что въ своемъ усердіи она старается на свою пользу столько же, сколько на пользу мужа и дѣтей.

Можетъ ли быть счастливъ мужчина, рядомъ съ которымъ нѣтъ женщины, чтобы отдать ей свою жизнь? Въ его глазахъ она олицетворяетъ совершенство своей искренностью. Онъ очарованъ ею, ищетъ ея благосклонности, стремится къ ней благородными дѣлами, старается приблизиться достойными качествами и честнымъ характеромъ. Это — подруга, которая украшаетъ его домъ, радуетъ сердце, наполняетъ его досуги и прогоняетъ заботы.

Такова жизнь, о которой у насъ люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, а она — величайшій источникъ великихъ дѣлъ. Я готовъ
132. повторить безъ малѣйшаго колебанія: „Если тонкость чувствъ у насъ не разовьется до того, что мужья будутъ связаны съ женами приблизительно такъ, какъ мы говорили, если мужья по прежнему будутъ презирать своихъ женъ, оставляя ихъ въ униженномъ положеніи, отъ результатовъ котораго всѣ страдаютъ, не подозрѣвая этого, если они не постараются подготовить женщину воспитаніемъ быть равнымъ товарищемъ мужчины, его разумной подругой въ управленіи домомъ, другомъ, жертвующимъ для мужа самымъ дорогимъ, матерью, сознающей свои обязанности по отношенію къ дѣтямъ, знакомой съ методами ихъ воспитанія—то все, что мы дѣлали до сихъ поръ и будемъ дѣлать въ дальнѣйшемъ для возвышенія нашей націи—все это пойдетъ прахомъ“.

Такова истина, къ которой мы пришли послѣ изслѣдованія причинъ отсталости восточныхъ народовъ вообще, мусульманскихъ въ частности.

Такое мнѣніе мы высказали уже однажды передъ нашими читателями и теперь повторяемъ его другой разъ. Все, на что мы отъ нихъ надѣемся, это чтобы они „не бросили его объ стѣну“, какъ имъ совѣтуютъ многіе мыслители и писатели, критикующіе книгу „Освобожденіе женщины“ обыкновенно раньше, чѣмъ ее прочитать.

Никто не будетъ спорить, что мусульманскіе народы нахо- 133.
дятся въ состояніи сильнаго упадка, требующемъ быстраго леченія. Мы обязаны сперва хорошо познакомиться съ этой болѣзнью, узнавъ ея причины, а затѣмъ разыскать лекарство, какъ дѣлаетъ всякій врачъ, заботящійся объ исцѣленіи больного. Каковы же причины болѣзни?

Причины вызываются либо климатомъ, либо религіей, либо семейнымъ строемъ.

Что касается климата, то его нельзя считать причиной болѣзни. Извѣстно, что египетскій народъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ и историки признаютъ за нимъ первенство въ открытіи многихъ наукъ и искусствъ, которыя оттуда перешли къ грекамъ, потомъ къ римлянамъ, затѣмъ къ арабамъ и отъ нихъ въ Европу. У этой націи появилась первая великая религія въ мірѣ, и рядъ вѣковъ у нея существовала знаменитая цивилизація, слѣды которой сохраняются до настоящаго времени и будутъ существовать всегда. Она сама властвовала надъ собой и управляла своими дѣлами цѣлые вѣка. Было даже время, когда она одержала верхъ надъ сосѣдними и далекими великими народами, побѣдила ихъ и подчинила своей власти. Утративъ свою самостоятельность, она сохра- 134.
няла свое существованіе и строй несмотря на преслѣдовавшіе ее перевороты, несправедливости судьбы и несчастія. Все это указываетъ, что ея природа была одарена сильной жизненностью и что она способна стойко бороться съ другими народами. Если климатъ не помѣшалъ египетскому народу совершить величайшія дѣла, создать законы, изобрѣсти науку и искусства, то почему же онъ станетъ препятствовать прогрессу въ эти дни, когда безъ сомнѣнія нѣсколько смягчилась степень жары?

Кромѣ того, не установлено путемъ точныхъ доказательствъ, подтвержденныхъ наукой, что жаръ оказываетъ на тѣло и умъ дурное вліяніе. Крайнее, что можетъ возникать отъ перемѣны климата, это различіе въ темпераментахъ и характерѣ между націями, такъ какъ извѣстно, что жители востока отличаются способностями,

быстротой пониманія и хорошей памятью. Всѣ эти важныя качества могутъ замѣнить недостающую у нихъ твердость и постоянство въ трудѣ.

И на востокѣ попадается холодный климатъ, но жители его находятся не въ меньшемъ упадкѣ цивилизаціи, чѣмъ жители горячаго климата.

Приписывать отсталость мусульманъ въ цивилизаціи религіи
135. ислама—чистѣйшее заблужденіе. Кто можетъ сказать, что мусульманская религія, которая обращается къ уму и побуждаетъ къ труду и усердію, является препятствіемъ въ прогрессѣ мусульманъ, въ то время какъ мусульмане доказали, что ихъ религія является однимъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ успѣха въ цивилизаціи? При ясности историческаго доказательства никто не можетъ сомнѣваться относительно этого вопроса. Конечно, истинная мусульманская религія теперь измѣнила свои основы и скрылась подъ покровомъ новшествъ; ея развитіе остановилось, и прогрессъ прекратился уже нѣсколько вѣковъ назадъ. Слѣды этого религіознаго упадка сильно сказались въ положеніи мусульманъ, но этотъ упадокъ, къ которому нѣкоторые западные писатели возводятъ отсталость мусульманъ въ цивилизаціи, самъ нуждается въ причинѣ, къ которой можетъ быть возведенъ. Такимъ образомъ онъ вторичная, а не первичная причина.

Отсюда слѣдуетъ, что наблюдаемое теперь положеніе мусульманъ не объясняется двумя упомянутыми причинами, такъ какъ первая вообще не имѣетъ вліянія, другая же является причиной вторичной. У насъ остается только третья причина, дѣйствію которой и слѣдуетъ приписать это состояніе, вызывающее наши жалобы.
136. Упадокъ мусульманъ, равно какъ упадокъ индійцевъ, китайцевъ и всѣхъ жителей востока, кромѣ японцевъ, происходитъ отъ положенія семьи въ ихъ строѣ.

Это понятно, такъ какъ семья — первое, что воспринимается чувствами человѣка въ началѣ его развитія; это нѣчто стойкое и постоянное, что онъ всегда видитъ. Когда ребенокъ видитъ въ ней образецъ порядка, труда, возвышенной души и нѣжныхъ привязанностей, душа его привязывается къ этимъ качествамъ, и эта связь заставляетъ его сдѣлать первый шагъ по пути прогресса. Когда же онъ станетъ взрослымъ, то въ своемъ личномъ состояніи онъ найдетъ помощь въ этомъ прогрессѣ.

Прогрессъ его проходитъ двѣ стадіи. Первая—подготовитель-

ная, которую человѣкъ переживаетъ въ дѣтствѣ и юности; тогда въ душѣ ребенка намѣчается стремленіе къ порядку и стройности, въ немъ возникаетъ склонность къ хорошимъ поступкамъ, а душа его начинаетъ стремиться къ совершенству; органы тѣла въ этой стадіи привыкаютъ къ энергіи и движенію. Второй періодъ—практическій, который человѣкъ проходитъ отъ зрѣлости до конца жизни. Въ немъ эти качества изъ скрытаго состоянія переходятъ 137.
въ дѣло.

Если въ первомъ періодѣ подготовка будетъ оставлена безъ вниманія, то невозможно и поднятіе личности по ступенямъ прогресса. Сколько бы наукъ ни было усвоено въ училищахъ, насколько нравственно или религіозно будетъ его обученіе, онъ все таки будетъ жить какъ птица съ обрѣзанными крыльями: желая подняться, онъ всякій разъ будетъ падать. Убѣдившись на опытѣ въ своей неспособности, онъ подчинится судьбѣ и примирится съ ней, а со временемъ будетъ ее ставить даже выше всякой другой.

Всякое обученіе, будетъ ли оно религіознымъ или научнымъ, можетъ оказывать полезное вліяніе только тогда, когда найдетъ въ душѣ пособника своему успѣху, какъ и зерно, какое бы хорошее ни было, можетъ расти только въ землѣ годной для его произрастанія.

Наши дѣти убиваютъ теперь цѣлые года на обученіе чтенію и письму, иностраннымъ языкамъ и элементарное знакомство съ науками; затѣмъ они переходятъ къ другимъ болѣе высокимъ и важнымъ наукамъ. Когда же періодъ ученія кончается и они выходятъ на арену общественной жизни, мы ожидаемъ видѣть въ 138.
нихъ людей съ высокими чувствами, благородными привязанностями, хорошимъ характеромъ и великими идеями — людей, которые чувствуютъ и дѣйствуютъ, надѣемся, что мы соберемъ плоды того обученія, ради котораго мы жертвовали драгоцѣннымъ временемъ и деньгами. Однако, къ сожалѣнію, мы видимъ, что наши надежды на нихъ не оправдались. Мы видимъ у этихъ образованныхъ юношей черствыя сердца, мелкіе интересы и дряблую волю. Чувства же въ нихъ почти отсутствуютъ. Ихъ очей не восхищаетъ красивое зрѣлище, точно такъ же, какъ не возмущаетъ безобразная картина, не вызываетъ состраданіе жалость, не заставляетъ плакать милосердіе. Они не уважаютъ старика и не относятся снисходительно къ младшему; польза не призываетъ ихъ къ дѣлу, какъ бы велики ни были его результаты.

Единственная причина всего этого въ томъ, что воспитаніе не задѣло ихъ чувства въ раннемъ возрастѣ, того чувства, которое является единственнымъ двигателемъ въ дѣлѣ, которое вызывается, усиливается и укрѣпляется только домашнимъ воспитаніемъ. Руководителемъ же его въ домѣ является единственно мать. Она внушаетъ ребенку уваженіе къ религіи, отечеству и добродѣлямъ; она
139. закладываетъ въ его душѣ хорошія качества и вызываетъ дыханье благородныхъ чувствъ. Еще сильнѣе на душу дѣйствуетъ ея образъ, украшенный всѣми этими качествами; ребенокъ подражаетъ ей безъ всякой мысли, а затѣмъ постепенно привыкаетъ къ этому, пока самыя качества не станутъ потребностями его души, которыхъ нельзя искоренить изъ нея.

Но въ его душѣ не будетъ ничего этого, если онъ провелъ дѣтство не видя никакихъ подобныхъ картинъ и у него не запечатлѣлся аналогичный примѣръ. Если бы онъ и усвоилъ ихъ послѣ этого при обученіи, онѣ останутся погребенными въ мозгу, не проникая въ глубину его души. Въ немъ не возникаетъ настоящаго чувства, побуждающаго къ труду и ободряющаго въ немъ.

Поэтому то наши поэты нанизываютъ риѳмы, описывая горечь любви и страданія отъ нея, испытываемыя влюбленными, а сами они не любятъ. Поэтому то наши ораторы произносятъ передъ слушателями превосходныя рѣчи о любви къ отечеству, объ исполненіи гражданскихъ обязанностей, но ни одинъ изъ нихъ ничѣмъ
140. не подтверждаетъ, что онъ чувствуетъ то, что говоритъ. Люди религіи, посвятившіе свою жизнь службѣ ей, менѣе прочихъ людей испытываютъ настоящее религіозное чувство. Всѣ мы бѣгаемъ всего и стремимся ко всему.

Когда я писалъ эти строки, въ газетѣ аль-Муайядъ попалась мнѣ корреспонденція почтеннаго Ибрахима Бека аль-Хальбауи, отправленная имъ съ палубы парохода, на которомъ онъ совершалъ въ этомъ году переѣздъ въ Европу. Въ этой интересной корреспонденціи меня поразило одно обстоятельство, которое я считаю нужнымъ отмѣтить: это стремленіе автора къ правдивости въ своихъ словахъ. Говорить же о ней именно здѣсь меня побудило описаніе авторомъ своихъ душевныхъ чувствъ и волненія, когда онъ проѣзжалъ мимо Крита:

„Теперь моимъ очамъ предсталъ этотъ островъ впервые послѣ того, какъ онъ былъ исторгнутъ изъ подъ власти нашей державы и подаренъ Европой второму сыну греческаго короля. Въ моментъ

прохожденія мимо него я старался съ печалью и горечью вспомнить тѣ событія, которыя предшествовали этому измѣненію или были съ нимъ связаны, или явились его результатомъ: избіеніе и пролитіе крови мусульманъ этого острова, ихъ униженія и притѣсненія, лишеніе оставшихся въ живыхъ ихъ состояній и пло- 141.
довъ ихъ трудовъ; я старался страдать, какъ истый мусульманинъ, страданіемъ брата, но душа моя не находила въ тѣлѣ крови, способной возмущаться, а въ сердцѣ не было мѣста для печали или соболѣзнованія.

„Когда я сталъ допытываться у своего чувства о причинѣ такой холодности и безстрастія къ постигшимъ насъ несчастіямъ и превратностямъ, мнѣ пришло въ голову, что это можетъ быть отъ ихъ количества: сердце очерствѣло и скоро о немъ можно будетъ сказать: „острія поломались объ острія“.

„Пришло мнѣ въ голову еще и другое объясненіе этого равнодушія къ несчастью мусульманъ на Критѣ, которое не успокоило моего душевнаго смятенія отъ отсутствія скорби по этомъ несчастьи, но, наоборотъ, пристыдило меня, когда въ мозгу промелькнула мысль о величинѣ всего этого несчастія. До прибытія въ Исмаилію, когда я ѣхалъ послѣдній разъ по Суэцкой линіи, со стороны Каира была станція Заказикъ, а затѣмъ уже поѣздъ направился въ Исмаилію. Первый разъ въ жизни я проѣзжалъ мимо Телль- 142.
ель-Кебиръ, Кассасинъ, Махсаме, Нефише—тѣхъ мѣстъ, которыя послужили базой для борьбы съ англійскимъ войскомъ въ 1882 году [1]). Естественно, что путешествіе по такимъ мѣстностямъ въ первый разъ вызываетъ горечь и воспоминаніе объ утраченной славѣ страны и ея самостоятельности. И при всемъ томъ я не чувствовалъ ни печали, ни волненія“.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ египтянъ, извѣстный своимъ талантомъ и патріотизмомъ. И если мы, по его примѣру, захотимъ быть правдивыми, то придется признаться, что и у насъ, если бы пришлось проѣхать по этимъ мѣстамъ и осмотрѣть ихъ, душа не пришла бы въ большее волненіе, чѣмъ у него, и не почувствовала бы сильнѣе.

Понятно, что эта холодность, какъ ее называетъ авторъ статьи, коренится не въ томъ, что Ибрахимъ Бекъ аль-Хальбауи—человѣкъ

[1]) Разумѣется неудавшееся возстаніе ʿАрāби-Паши, имѣвшее цѣлью національную независимость Египта и кончившееся англійской оккупаціей.

неразумный или непонимающій, что любовь къ отечеству—обязанность. Причина этой холодности и не въ томъ, какъ подозрѣваетъ почтенный авторъ, что сердца наши очерствѣли отъ количества постигшихъ несчастій. Смѣна несчастій не уничтожаетъ душевной
143. чувствительности и не ослабляетъ ее; она укрѣпляетъ и усиливаетъ чуткость, научаетъ терпѣнію и поддерживаетъ рѣшимость.

Истинной причиной утраты чувствительности до такой степени является наша небрежность въ воспитаніи чувствъ съ дѣтства; она влечетъ за собой подчиненіе нашихъ нервовъ только матеріальнымъ вліяніямъ, которыя непосредственно оказываютъ давленіе, и неспособность воспринимать возвышенныя идеи.

Во время моего пребыванія во Франціи я видѣлъ 10-лѣтняго мальчика, который рядомъ со мной смотрѣлъ на отрядъ французскаго войска, возвращавшійся съ войны въ Тонкинѣ. Когда проходилъ передъ нимъ знаменосецъ, этотъ мальчикъ остановился съ уваженіемъ и, снявъ шляпу, отдалъ честь знамени, а потомъ провожалъ его взорами, пока оно не скрылось. Я почувствовалъ, что родина воплотилась для этого ребенка въ прошедшемъ передъ нимъ знамени, которое возбудило въ немъ всѣ чувства, вызванныя внушенной воспитаніемъ любовью къ отечеству; онъ мнѣ показался совершеннымъ человѣкомъ. Мужчины и женщины, смотрѣвшіе на это зрѣлище, до того подчинялись силѣ чувства, что стали вести
144. себя какъ дѣти: многія женщины цѣловали солдатъ со слезами радости на щекахъ, мужчины же приплясывали, пѣли и бросали свои шляпы на дорогу.

Такія то зрѣлища, равно какъ и связанные съ ними разговоры передъ дѣтьми, закладываютъ въ ихъ душѣ національное чувство; оно расцвѣтаетъ и даетъ плоды. Таково же положеніе и при воспитаніи другихъ добродѣтелей.

Упадокъ египтянъ имѣетъ своимъ корнемъ лишеніе ихъ этой первой ступени. Ребенокъ у насъ растетъ какъ растеніе: всѣ родные заботятся только о томъ, чтобы онъ получалъ пищу и одежду. Они думаютъ о немъ только такъ, какъ думаетъ всякій человѣкъ о любомъ животномъ, которое онъ любитъ. Каждое зданіе, воздвигнутое впослѣдствіи на этомъ основаніи, будетъ зданіемъ на пескѣ, и скоро оно разрушится.

Вообще воспитаніе распадается на двѣ отрасли: воспитаніе ума, направляющее человѣческія способности къ пониманію міровыхъ истинъ, и воспитаніе души, направляющее волю къ добру, а

чувства къ прекрасному. Обѣ онѣ необходимы для счастія человѣка. Источникомъ умственнаго воспитанія являются училища и 145. школы, душевное же воспитаніе можетъ быть пріобрѣтено только въ семьѣ. Но и въ семьѣ его можно пріобрѣсти лишь въ томъ случаѣ, когда имъ руководитъ прежде всего мать. Мать можетъ выполнять эту обязанность только тогда, когда она высоко стоитъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Поэтому мы и говоримъ: если египтяне хотятъ возвыситься, они должны содѣйствовать улучшенію положенія египетской женщины.

Особенно печально то, что египтяне до сихъ поръ не уразумѣли вполнѣ этой истины въ то время, какъ индійскіе мусульмане въ своихъ идеяхъ и изслѣдованіяхъ дошли до пониманія роли женщины въ соціальномъ строѣ и постигли всю важность ея обязанности. Среди нихъ появились два великихъ человѣка: одинъ Амиръ Али аль-Кади, другой ʿИнайетъ Хусейнъ.

Первый напечаталъ важную статью, посвященную женщинѣ въ исламѣ, которая была переведена въ журналѣ аль-Муктатафъ, іюньской и іюльской книжкѣ за 1899 годъ. Изъ нея мы заимствуемъ безъ особаго порядка слѣдующее:

„Нѣтъ никакого показателя, который опредѣлялъ бы такъ хо- 146. рошо уровень націй, какъ положеніе среди нихъ женщинъ. И если индійскіе мусульмане желаютъ возвыситься, то они должны вернуть женщинѣ то возвышенное положеніе, которое было у насъ въ первые вѣка ислама.

„Новая исторія Россіи является достаточнымъ доказательствомъ связи матеріальнаго и духовнаго прогресса націй съ положеніемъ женщины. Знатныя женщины въ Россіи оставались въ затворѣ до начала XVIII вѣка: онѣ жили въ домахъ или скорѣе въ темницахъ, куда не проникалъ ни свѣтъ, ни воздухъ, окна были плотно закрыты занавѣсами, а двери заперты на замокъ, ключъ отъ котораго находился за пазухой у отцовъ и мужей. Если имъ приходилось переѣзжать изъ одного мѣста въ другое, ихъ перевозили въ паланкинахъ подъ покрывалами и завѣсами, какъ дѣлаютъ съ индійскими женщинами. Когда оковы съ женщинъ были сняты и онѣ начали состязаться съ мужчинами въ наукѣ и образованности, ставъ одной изъ опоръ соціальнаго строя, тогда и Россія стала однимъ изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ.

„Солнце знанія было на востокѣ, затѣмъ перешло на западъ, 147. и оттуда намъ приходится заимствовать свѣтъ; всякій, кто забо-

тится объ улучшеніи положенія нашихъ женщинъ, заслужитъ нашу благодарность. Но Аллахъ не измѣнитъ положенія людей, пока они сами не измѣнятъ своего внутренняго состоянія.

„Несомнѣнно кто-нибудь спроситъ: развѣ жены халифовъ и прочія показывались *завернутыми въ саванъ*, какъ теперь женщины въ восточныхъ городахъ? Мнѣ кажется, что онѣ одѣвали только легкое покрывало, которымъ закрывали лицо, какъ это теперь дѣлаютъ константинопольскія женщины съ яшмакомъ, скрывающимъ старческія морщины и показывающимъ красоту юности. Покрывало же, которое закрываетъ верхнюю часть туловища, распространилось только при династіи сельджуковъ [1]), а употребленіе современнаго плаща въ томъ видѣ, какъ это теперь принято у мусульманъ Индіи и въ другихъ странахъ, не было извѣстно въ это время, и женщины высшаго сословія показывались передъ мужчинами безъ всякаго покрывала.

„Арабы стали пользоваться евнухами со времени Муʿавіи [2]),
148. заимствовавъ ихъ у византійцевъ, а устройство женской половины (харимъ) они переняли при омейядѣ Валидѣ II [3]). Мутаваккиль [4]), арабскій Неронъ, приказалъ отдѣлять женщинъ отъ мужчинъ на пирахъ и общественныхъ торжествахъ. Однако, женщины продолжали бывать въ обществѣ мужчинъ до конца VI в. хиджры [5]), онѣ принимали гостей, устраивали дружескія бесѣды, отправлялись на войну закованными въ желѣзо, помогали своимъ братьямъ и мужьямъ защищать крѣпости и замки.

„Когда власть халифовъ въ срединѣ VII в. [6]) ослабѣла и татары разрушили арабскія династіи, тогда ученые стали препираться о томъ, что приличнѣе женщинѣ выставлять на показъ — руки или ноги“?

Второй представитель этого движенія — Инайетъ Хусейнъ произнесъ рѣчь въ обществѣ „Мусульманская культура“ въ Мадрасѣ въ Индіи; она была переведена въ газетѣ аль-Муайядъ 14 іюля 1900 г. Изъ нея можно заимствовать слѣдующее:

---

[1]) XI—XIII вѣкъ по Р. Хр.
[2]) Первый омейядскій халифъ 661—680 г.
[3]) 743—744 г.
[4]) Аббасидскій халифъ, 847—861 г.
[5]) XII в. по Р. Хр.
[6]) XIII в. по Р. Хр.

„Остается еще второй чрезвычайно важный пунктъ; отказаться отъ рѣчи о немъ и изслѣдованія соприкасающихся вопросовъ невозможно, такъ какъ прогрессъ націи и возвышеніе государства мыслимы только при немъ. Пунктъ этотъ—*воспитаніе дѣвушекъ.* Если вы не убѣдились, милостивые государи, въ томъ, что мужчина и женщина—*близнецы* одинаково важные въ соціальномъ строѣ, что они могутъ или *встать вмѣстѣ* или *упасть вмѣстѣ,* тогда нѣтъ пути къ возрожденію, нѣтъ средства къ прогрессу и успѣху; мы не можемъ въ такомъ случаѣ сказать, что основаніе нашей націи прочно заложено и крѣпко построено. Вспомните, что ребенокъ—отецъ человѣка; если же матери будутъ невѣжественны и не сумѣютъ заложить искры нравственныхъ и воспитательныхъ принциповъ въ душѣ своихъ дѣтей, не сумѣютъ возвысить ихъ умъ, укрѣпить ихъ тѣла здоровыми пріемами, тогда мы *навсегда останемся въ послѣднемъ ряду среди всѣхъ націй*". 149.

Стоитъ сравнить то, что пишутъ законовѣды и ученые въ Индіи, съ тѣмъ, что пишутъ наши юристы и писатели, которые говорятъ, что женщина не играетъ роли въ прогрессѣ націи, что ее слѣдуетъ учить только необходимымъ религіознымъ обязанностямъ, можно, пожалуй, учить ее читать и писать. Всѣ они совѣтуютъ людямъ усилить обычай покрывала и предостерегаютъ отъ того пути къ совершенству, на который мы указали, такъ какъ это якобы подражаніе западнымъ въ ихъ обычаяхъ; они пытаются увѣрить, будто сами западные страдаютъ отъ положенія женщинъ у нихъ. 150.

Мы обстоятельно разъяснили соціальныя причины, ради которыхъ слѣдуетъ озаботиться положеніемъ женщины и вывести ее изъ того заключенія, въ которое она попала уже давно. Мы доказали, что ей принадлежитъ основная власть надъ нравами и возможность измѣнить культурный уровень. Она направляетъ націи по пути добра и зла; хорошо же исполнять эту соціальную обязанность можно только въ случаѣ обладанія большой долей ума, знанія и нравственности.

Мы говоримъ это послѣ ознакомленія со всѣмъ, что писалось о западной женщинѣ, и узнавъ, какова она на самомъ дѣлѣ. Мы не видимъ серьезныхъ препятствій ко вступленію на тотъ путь, по которому раньше насъ пошли западные народы. Мы наблюдаемъ, какъ прогрессъ западныхъ въ цивилизаціи обнаруживается день за днемъ; мы видимъ, что страны, гдѣ женщины пользуются своей

151. свободой и всѣми правами, являются путеводнымъ огнемъ, идущимъ впереди другихъ націй и ведущимъ ихъ по пути къ идеалу цивилизаціи. Съ другой стороны мы видимъ, что всѣ націи, у которыхъ положеніе женщинъ дошло до полнаго упадка, находятся на одной ступени, точно въ близкомъ родствѣ, безъ всякаго различія, несмотря на разнообразіе климатовъ, націй и религій.

Это фактъ, наблюдаемый непосредственно нашими очами, и никакой разумный человѣкъ не станетъ его отрицать.

Что же касается до утвержденій нашихъ законовѣдовъ, будто европейцы сами страдаютъ отъ положенія женщинъ и жалуются на нѣкоторыя ихъ требованія—это вопросъ другой, не связанный съ тѣмъ, о чемъ мы говоримъ. Женскій вопросъ, являющійся предметомъ нашего изслѣдованія относительно нашей страны, не однороденъ съ женскимъ вопросомъ, о которомъ пишутъ нѣкоторые западные писатели. Мы въ этой странѣ добиваемся дарованія женщинѣ физической свободы, полученія ею законныхъ правъ, ея воспитанія и укрѣпленія въ исполненіи ея домашнихъ обязанностей. Въ этомъ требованіи намъ не будетъ противорѣчить ни одинъ западный, какъ бы низко ни стояли его умъ и чувство.

152. Нѣтъ, нѣкоторые западные писатели жалуются на злоупотребленіе нѣкоторыхъ женщинъ своей свободой и на стремленіе къ равноправію съ мужчинами въ политическихъ правахъ.

Такимъ образомъ, привлеченіе къ доказательству мнѣнія этихъ писателей для опроверженія насъ или ошибка, или смѣшеніе двухъ вопросовъ. Всякій вѣдь человѣкъ отличаетъ признаніе извѣстной истины отъ ея примѣненія.

Точно такъ же произошло со свободой печати у насъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ: злоупотребленіе ею дошло до того, что всякій человѣкъ жалуется на нее, но ни одинъ разумный не додумается до того, чтобы настаивать на необходимости цензуры мнѣній; это лекарство будетъ горше болѣзни, которую приходится лечить.

Причины, на которыхъ наши писатели основываютъ свои доводы въ защиту необходимости лишить женщинъ свободы, таковы же какъ и тѣ, на которыя ссылаются восточныя правительства, лишая своихъ подданныхъ свободы слова, печати и дѣйствій. Тѣ же причины побудили позднѣйшихъ мусульманъ закрыть путь свободнаго изслѣдованія [1]) для согласованія постановленій религіи съ потреб-

[1]) Арабскій терминъ „иджтихадъ“, о разныхъ степеняхъ котораго см. Міръ Ислама, № 2, стр. 190—192.

ностями народовъ, въ зависимости отъ измѣненія мѣста и времени, безъ нарушенія общихъ основаній, утвержденныхъ Книгой [1]) и 153.
истинной сунной [2]). Тѣ же причины соблазнили нашихъ отцовъ пользоваться при воспитаніи дѣтей суровостью и жестокостью. Они же заставили нашихъ судей въ не такъ давнее время установить тарифы для купцовъ, опредѣляющіе цѣну мяса, зелени, молочныхъ продуктовъ и другихъ товаровъ, которыми торгуютъ на рынкахъ.

Источникомъ всего этого является стремленіе уничтожить вредныя стороны, обнаруживающіяся въ нѣкоторыхъ людскихъ состояніяхъ, и невнимательность въ охраненіи хорошихъ. Причиной такой невнимательности часто бываетъ то, что различныя полезныя стороны этихъ людскихъ состояній обыкновенно остаются скрытыми для того, кто смотритъ на нихъ поверхностно, тогда какъ вредныя очевидны всякому. Онѣ выражаются въ формѣ преступленій и злодѣяній, отъ которыхъ отвращается душа. Первое стремленіе такой возмущенной души уничтожить это вліяніе какимъ бы то ни было способомъ. Ближайшимъ же и легчайшимъ способомъ въ началѣ всегда кажется суровость и твердость.

Однако, если человѣкъ внимательный серьезно разсмотритъ 154.
всѣ обстоятельства, онъ убѣдится, что у движенія человѣчества существуютъ спеціальные законы, которые необходимо соблюдать въ развитіи жизни и совершенствованіи ея силъ—безразлично въ отдѣльныхъ личностяхъ или въ собраніяхъ. Всякое нарушеніе этихъ законовъ оказываетъ дурное вліяніе и приноситъ большой вредъ для единицы или соціальнаго строя.

Если это признать, то лишеніе женщины свободы является величайшимъ нарушеніемъ законовъ ея умственнаго и нравственнаго развитія. Такое лишеніе, вызываемое желаніемъ уберечь отъ вредныхъ послѣдствій злоупотребленія этимъ правомъ, можетъ быть и поможетъ воспрепятствовать нѣкоторымъ женщинамъ приносить вредъ, но несомнѣнно, что наряду съ этой частной и временной пользой оно повлечетъ общій и постоянный уронъ—полную пріостановку развитія дарованій женской половины человѣчества.

Короче говоря, мы безъ боязни повторяемъ про необходимость даровать женщинамъ ихъ права—свободу мысли и дѣйствія, укрѣ-

---

[1]) Кораномъ.

[2]) Второй источникъ мусульманскаго права—образъ дѣйствій и обычаи пророка съ его ближайшими сподвижниками. См. Міръ Ислама, № 1, стр. 49 слѣд.

пивъ предварительно воспитаніемъ ихъ умы, если бы даже и было установлено, что онѣ пройдутъ по всѣмъ стадіямъ, пройденнымъ и проходимымъ западными женщинами. Мы увѣрены, что всѣ тре-
155. бованія, предъявляемыя теперь западными женщинами въ наши дни, не представляютъ вопросовъ трудно разрѣшимыхъ или постоянно вызывающихъ волненіе: будущее рѣшитъ ихъ сообразно законамъ ума и справедливости. Можетъ, кто-нибудь спроситъ, чѣмъ же закончатся эти переходныя стадіи, которыя теперь проходятъ женщины? Отвѣтить придется тѣмъ, что это скрытая тайна, и никто изъ людей не можетъ ее знать. Какъ мы не знаемъ, что будетъ съ мужчиной черезъ двѣсти лѣтъ, точно такъ же не можемъ знать, что будетъ съ женщиной черезъ этотъ промежутокъ. Мы увѣрены только въ одномъ, что человѣчество идетъ по пути къ совершенству, а намъ остается лишь ускорить свой шагъ, чтобы получить свою долю въ немъ.

Воспитаніе и покрывало.

156\.

Допустимъ, что въ покрывалѣ нѣтъ другого недостатка кромѣ того, что оно противорѣчитъ человѣческой свободѣ и доводитъ женщину до невозможности пользоваться правами, предоставляемыми ей божественнымъ закономъ и юридическими установленіями, что оно обращаетъ ее въ существо неполноправное и не могущее заниматься непосредственно какимъ бы то ни было дѣломъ, хотя законъ и признаетъ за ней такую же правоспособность въ своихъ дѣлахъ, какъ и за мужчиной, что оно обращаетъ ее въ арестантку, хотя законъ считаетъ ее такой же свободной, какъ и мужчину,— допустимъ, что въ покрывалѣ только этотъ недостатокъ; все таки, и его одного достаточно для ненависти и отвращенія со стороны всякаго, въ комъ заложены уваженіе къ праву и пониманіе сладости свободы. Однако величайшій вредъ отъ покрывала превосходитъ все упомянутое и состоитъ въ томъ, что оно препятствуетъ женщинѣ закончить ея воспитаніе.

Если признать, что воспитаніе женщины представляетъ необходимость, безъ которой нельзя обойтись, то каково соотвѣтствующее ей воспитаніе? Соотвѣтствуетъ ли ей воспитаніе, сходное съ 157.
мужскимъ, или спеціально выработанное для нея? Возможно ли ея воспитаніе при покрывалѣ или его необходимо для этого уничтожить? Слѣдуетъ ли поступать въ немъ по правиламъ, заимствованнымъ изъ современныхъ европейскихъ наукъ, или надо вернуться къ основамъ старой мусульманской цивилизаціи?

Всѣ эти вопросы касаются покрывала и воспитанія; въ прошломъ году о нихъ шли усиленные споры и полемика среди нѣкоторыхъ писателей, и мы хотимъ теперь высказать свое мнѣніе по возможности ясно.

Относительно перваго вопроса мы считаемъ несправедливымъ, чтобы воспитаніе женщины было ниже воспитанія мужчины.

*

Со стороны физическаго воспитанія потому, что женщина нуждается въ здоровьи такъ же, какъ и мужчина; поэтому она должна пріучаться къ моціону, какъ это дѣлаютъ западныя женщины, принимающія участіе съ близкими имъ мужчинами въ большинствѣ физическихъ упражненій. Она должна привыкать къ этому
158. съ начала своего развитія и продолжать безъ перерыва, иначе ея здоровье ослабѣетъ, и она будетъ легко подвергаться болѣзнямъ. Естественные законы устанавливаютъ необходимость равновѣсія между тѣмъ, что пріобрѣтаетъ тѣло и что оно утрачиваетъ; если это равновѣсіе нарушено, тогда портится здоровье и нарушается въ немъ порядокъ. Болѣзни, поражающія человѣка по причинѣ небрежности въ пользованіи физическими силами, такъ же многочисленны и опасны, какъ тѣ, которыя происходятъ отъ траты силъ безъ замѣны утраченнаго питаніемъ. Сверхъ этого страданія и болѣзни, переносимыя женщиной во время однихъ родовъ, пожалуй, превосходятъ всѣ страданія мужчины за всю жизнь. Ихъ могутъ переносить только женщины сильныя, со здоровымъ тѣлосложеніемъ, какъ женщины въ деревняхъ, которыя привыкли къ физическому труду и пользуются чистымъ воздухомъ. Женщины же городовъ, лишенныя движенія, солнца и воздуха, не могутъ переносить такихъ страданій, а поэтому большинство ихъ начинаетъ болѣть послѣ первыхъ родовъ, а часто и погибаетъ отъ нихъ. Число умирающихъ во время родовъ превышаетъ 30 на тысячу.

159. Насколько слѣдуетъ заботиться о здоровьи женщины, чтобы сохранить ее отъ смерти и болѣзней, настолько же надо о немъ заботиться ради здоровья дѣтей и предохраненія ихъ отъ болѣзней. Все существующее въ сложеніи матери и ея расположеніе къ болѣзни передается наслѣдственно и дѣтямъ.

Что касается нравственнаго воспитанія, оно не должно отличаться отъ мужского потому, что природа избрала и назначила женщину для охраненія нравственности рода; ей она вручила бразды нравовъ, подчинивъ ихъ ея власти. Она создаетъ души, когда тѣ бываютъ еще просты и безформенны, выливаетъ ихъ въ формы нравственности и распространяетъ ее среди своихъ дѣтей, которыя передаютъ окружающимъ ихъ, такъ что нравственность становится національнымъ достояніемъ, послѣ того какъ стала семейнымъ изъ материнскаго. Это доказываетъ, что добродѣтельная женщина важнѣе для рода, чѣмъ добродѣтельный мужчина, а

женщина испорченная вреднѣе для него, чѣмъ испорченный мужчина. Быть можетъ, это и является причиной укоренившаго издавна
въ душѣ людей убѣжденія, что порокъ, которымъ обезчещена 160.
женщина, унижаетъ ее сильнѣе, чѣмъ тотъ же самый порокъ мужчину. Добродѣтель же возвышаетъ положеніе женщины больше, чѣмъ мужчины.

Намъ остается сказать о послѣднемъ отдѣлѣ воспитанія—воспитаніи умственномъ. Подъ нимъ понимается обученіе наукамъ и искусствамъ, цѣлью его является познаніе существующаго въ мірѣ, въ которомъ находится и самъ человѣкъ. Ознакомившись съ этимъ по существу, человѣкъ можетъ направить свои поступки къ чему-либо полезному, наслаждаться сладостью познанія и жить счастливымъ.

Женщина, въ одинаковой мѣрѣ съ мужчиной, нуждается въ пользованіи наукой и наслажденіемъ ея сладостями; между ними нѣтъ разницы въ стремленіи познакомиться съ чудесами міра и постичь его тайны, чтобы познать ихъ начало, настоящее положеніе и цѣль.

Будутъ ли занятія замужней или вдовы съ дѣтьми многочисленны или нѣтъ,—она найдетъ время для развитія своего ума и воспитанія души.

Если бы наши женщины посвящали чтенію десятую часть 161.
того времени, которое онѣ теперь тратятъ въ бездѣліи, пустыхъ разговорахъ и ссорахъ, то благодаря имъ египетская нація возвысилась бы блестящимъ образомъ.

Пріобрѣсти это необходимое умственное воспитаніе женщина не можетъ, научившись чтенію и письму или иностраннымъ языкамъ; она должна также изучить основы наукъ естественныхъ, соціальныхъ и историческихъ, чтобы знать вѣрные законы, на которыхъ основано міровое движеніе и всѣ человѣческія состоянія, равно какъ изучить принципы правилъ гигіены и роль органовъ тѣла, чтобы быть въ состояніи заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей.

Самое главное въ этомъ воспитаніи—возбудить въ умѣ женщины стремленіе къ изслѣдованію истины, а не набивать ея мозгъ различными предметами. Когда кончится срокъ ея обученія въ школѣ, у нея должно остаться стремленіе къ истинѣ. Истина должна быть ея двигателемъ и судьей.

Къ этому еще можно прибавить, что дѣвушка должна обучаться кулинарному искусству и домоводству.

162. Необходимо обратить вниманіе на важность воспитанія у женщины вкуса и развитія въ ней стремленія къ изящнымъ искусствамъ. Я увѣренъ, что большинство читателей не одобритъ обученія дѣвушекъ музыкѣ и рисованію, такъ какъ нѣкоторые полагаютъ, что въ занятіяхъ этими искусствами нѣтъ пользы, другіе же считаютъ ихъ забавами, которыя несогласны со скромностью и солидностью. Слѣдствіемъ этого вреднаго предразсудка является упадокъ искусствъ въ нашихъ странахъ до такой степени, что объ этомъ сожалѣетъ всякій, понимающій ихъ важность въ поднятіи благосостоянія народовъ.

Искусство рисованія не менѣе полезно, чѣмъ наука, потому что она знакомитъ насъ съ истиной, а искусство возбуждаетъ любовь къ ней, открывая истину въ совершеннѣйшемъ образѣ, какъ его представляетъ артистъ; этимъ самымъ оно вызываетъ стремленіе къ совершенству. Совершенство постигается нашимъ умомъ, но оно внѣ сферы нашихъ чувствъ; поэтому мы можемъ представить его себѣ только когда оно воплотится предъ нами въ изящномъ образѣ, который мы чувствуемъ. Когда же мы видимъ его въ этомъ образѣ, наша душа начинаетъ испытывать къ нему любовь. Чѣмъ талантливѣе и способнѣе въ своемъ искусствѣ яв-
163. ляется артистъ, тѣмъ ближе къ совершенству его произведеніе, тѣмъ болѣе привязывается къ нему душа, тѣмъ сильнѣе она чувствуетъ восторгъ передъ нимъ и радуется его воспріятію.

Искусство музыки обладаетъ тѣми же качествами—оно наиболѣе краснорѣчивый языкъ для выраженія того, что въ нашихъ мысляхъ, наиболѣе пріятный для нашихъ ушей. Лучшей характеристикой ея являются слова Платона:

„Музыка пробуждаетъ мысль въ неодушевленномъ, мысль благодаря ей возвышается, воображеніе растетъ; въ душѣ она пробуждаетъ радость и веселье, возвышая её надъ низкими страстями и направляя къ красотѣ и совершенству. Такимъ образомъ она одинъ изъ факторовъ развитія для человѣка“.

Такого то воспитанія мы и желаемъ для дѣвушекъ; разъяснили мы это вкратцѣ, такъ какъ мѣсто не позволяетъ говорить болѣе обстоятельно. Таково идеальное воспитаніе, которое помогаетъ женщинѣ объединить ея различныя и многочисленныя обязанности; оно готовитъ ее быть человѣкомъ, зарабатывающимъ себѣ самостоятельно пропитаніе, женой, умѣющей доставить семьѣ покой и удобство, и матерью, способной воспитать своихъ дѣтей.

Когда воспитаніе дѣвушки закончится усвоеніемъ необходимыхъ средствъ для развитія ея физическихъ силъ и умственныхъ способностей, ей будетъ четырнадцать-пятнадцать лѣтъ. Что она должна предпринять потомъ? Какъ должна жить? Запертой ли въ своемъ домѣ и лишенной общества мужчинъ или пользуясь въ этомъ свободой? Таковъ предметъ изслѣдованія во второмъ и въ третьемъ пунктѣ; въ виду связи одного съ другимъ, мы будемъ говорить объ обоихъ вмѣстѣ. 164.

Критики „Освобожденія женщины“ полагаютъ, что мы доходимъ до гиперболъ въ вопросѣ о покрывалѣ и совѣтуемъ его уничтожить изъ подражанія западнымъ обычаямъ; они утверждаютъ, что покрывало не влечетъ за собой упадка женщины и не причиняетъ ей никакого вреда. Поэтому они приходятъ къ выводу о необходимости сохранить его въ прежнемъ положеніи, говоря, что причиной упадка положенія женщины является недостатокъ воспитанія. При наличности хорошаго воспитанія она и при покрывалѣ могла бы лучшимъ образомъ исполнять свои обязанности.

Послѣ тщательнаго изслѣдованія всего сказаннаго и написаннаго объ этомъ, мы все таки остаемся при прежнемъ мнѣніи; повторное изслѣдованіе только утвердило въ насъ увѣренность въ справедливости нашего мнѣнія. 165.

Причину разногласія между нами и нашими противниками мы находимъ только въ различномъ пониманіи идеи воспитанія; они воспитаніемъ считаютъ обученіе, и по ихъ мнѣнію оно можетъ быть достигнуто пребываніемъ ребенка въ школѣ опредѣленное число лѣтъ, причемъ результатомъ его трудовъ является полученіе школьнаго свидѣтельства. Когда онъ получитъ эту толстую бумажку, которую какой-то французскій юмористъ назвалъ „ослиной кожей“, то можетъ считаться достигшимъ конечнаго предѣла знанія и нравственности. Мы же въ противоположность ихъ мнѣнію считаемъ, что воспитаніе не можетъ быть закончено пребываніемъ въ школѣ и полученіемъ свидѣтельства: единственное, что извлекаетъ ребенокъ въ дни первоначальнаго обученія, это подготовка къ усовершенствованію своего ума и характера.

Ребенокъ въ четырнадцать-пятнадцать лѣтъ изъ всякой науки можетъ знать только общія сужденія и вопросы, которые онъ усвоилъ въ краткихъ предложеніяхъ. Каковы бы ни были эти сужденія—научныя или нравственныя—они получаютъ свою цѣну только обнаруживаясь на дѣлѣ. Для этого необходимы наблюденія

166. и опытъ, опредѣляющій кругъ ихъ примѣненія, границу, отдѣляющую отъ другихъ, положенія, при которыхъ они возможны или невозможны, ихъ вредныя и полезныя стороны. Такое примѣненіе является единственнымъ средствомъ пониманія сущности этихъ правилъ. Если же этого нѣтъ, то и самыя правила превращаются въ слова и представленія.

Поэтому человѣкъ разумный не подумаетъ себя вручить врачу въ день выхода его изъ школы и не выберетъ для защиты адвоката, получившаго въ тотъ день свидѣтельство и не упражнявшагося на практикѣ долгое время.

Тоже можно сказать относительно области образованія и этики. Для человѣка нѣтъ ничего легче, какъ усвоить пользу сдерживанія своихъ страстей и самообладанія, но на дѣлѣ нѣтъ ничего труднѣе, какъ примѣнить это на практикѣ. Управленіе своими страстями и подчиненіе ихъ власти разсудка требуетъ большой силы воли. Этой силы воли не развиваютъ матеріальныя преграды передъ пороками или набиваніе мозговъ моральными правилами;
167. она возникаетъ отъ встрѣчи съ событіями и привычки бороться и побѣждать ихъ.

Поэтому работа, наблюденіе событій, изслѣдованіе ихъ, встрѣча съ людьми, общеніе съ ними и опытъ—все это является источникомъ настоящаго знанія и нравственности. Благодаря имъ возвышаются благородныя души, достигая высокихъ ступеней; слабыя же обращаются вспять и опускаются на самыя низкія ступени.

Въ этомъ смыслѣ выражается и Спенсеръ, говоря объ умственномъ воспитаніи:

„Нѣтъ пользы въ воспитаніи, которое превращаетъ человѣка въ складъ чужихъ мыслей; слова, заложенныя въ книгахъ, могутъ вызывать понятія только благодаря пріобрѣтенному опыту".

Эдмондъ Дюмуленъ говоритъ о нравственномъ воспитаніи въ своей книгѣ, переведенной моимъ другомъ Ахмедомъ Фетхи Бекомъ Заглюлемъ:

„Порядокъ событій и строй бытія указываетъ намъ, что
168. народы, въ которыхъ мысль человѣка дошла до конечныхъ предѣловъ, являются очагомъ истинно-нравственной жизни, гдѣ укрѣпляются нравы и сохраняются хорошія качества. Объясняется это тѣмъ, что нравственный факторъ дѣлаетъ человѣка способнымъ подчинять душу и побѣждать ея страсти. Нѣтъ никакой науки, въ которой человѣкъ могъ бы такъ хорошо подчинять свою душу и

управлять ея поводьями, какъ соціальная жизнь, пріучающая его полагаться только на самого себя. Нѣтъ воспитателя, который болѣе овладѣвалъ бы сердцами, чѣмъ эта жизнь. Она и ведетъ человѣка къ настоящему существованію. Она—природная школа, показывающая ему, какъ слѣдуетъ переносить тягости и лишенія; въ нее легче всего попасть, она самая распространенная и многолюдная. Такая необходимость оказываетъ болѣе сильное вліяніе на души, чѣмъ проповѣди ораторовъ, совѣты мудрецовъ и наставителей, рѣчи которыхъ входятъ въ одно ухо, а выходятъ въ другое. Примѣры болѣе влекутъ къ дѣлу, чѣмъ слова“.

Такимъ образомъ, опытъ является основаніемъ истинной науки и морали.

Покрывало мѣшаетъ женщинѣ обратиться къ этому драгоцѣн- 169.
ному источнику: женщина, живущая въ заключеніи въ своемъ домѣ, видящая свѣтъ Божій только черезъ окна въ стѣнѣ и занавѣски въ арбѣ, которая ходитъ не иначе, какъ „завернувшись въ саванъ“ по выраженію Амира Али аль-Кади—не можетъ быть человѣкомъ живымъ, чувствующимъ, понимающимъ человѣческую жизнь и могущимъ жить среди людей.

Чтобы вызволить египетскую женщину изъ этой искусственной жизни, на которую всѣ жалуются, ей недостаточно пробыть нѣсколько лѣтъ въ школѣ, а затѣмъ перейти домой, гдѣ она будетъ заключена остальную жизнь. Мы должны заботиться о ея тѣлѣ и умѣ послѣ школы, должны сдѣлать участницей нашей естественной жизни. Намъ нужно соединить наши руки и пойти съ ней по землѣ, показать чудеса мірозданія, творенія ремеслъ, тонкости искусствъ, памятники прошлаго времени и изобрѣтенія современности. Мы должны подѣлиться нашими мыслями и надеждами, радостями и горестями; она должна находиться въ нашемъ обществѣ и извлекать пользу изъ наблюдаемыхъ обычаевъ, идей и разсужденій, а сама приносить пользу, побуждая къ скромности и 170.
сдержанности въ рѣчахъ.

Какой-нибудь оппонентъ скажетъ: „Мы видимъ, что ты хочешь улучшить положеніе египетской женщины, побудивъ ее слѣдовать примѣру западной; но достаточно ли вниманія обратилъ ты на нашу старую цивилизацію, однимъ изъ принциповъ которой было затворничество женщинъ?

„Не найдутся-ли благородныя души, которыхъ приводитъ въ трепетъ воспоминаніе о давней славѣ и которыя могутъ бросить

научный взглядъ на ея устои? Тогда и ты увидишь, что это истинная слава, къ которой слѣдуетъ направить верблюдовъ нашихъ намѣреній. Для всего міра станетъ ясно когда-нибудь, что это и есть тотъ идеалъ, котораго ищетъ человѣкъ и къ которому стремится его чувство“.

Это возраженіе можетъ быть и пріятно будетъ услышать читателю, благодаря его блестящей формѣ; можетъ быть онъ склонится на его сторону, такъ какъ оно двигаетъ природное стремленіе, заложенное въ каждомъ человѣкѣ, слѣдовать за примѣромъ отцовъ и дѣдовъ. Однако, намъ лучше не поддаваться вліянію словъ до такой степени, чтобы уклоняться отъ истины. Мы должны приготовиться къ борьбѣ съ властью наслѣдственныхъ привычекъ, если боимся, что онѣ лишатъ насъ воли и свободнаго выбора. Привязанность къ укрѣпившимся традиціямъ не нуждается въ поощре-
171. ніи, такъ какъ она присуща душѣ, захватываетъ ее всецѣло и поглощаетъ безъ стороннихъ вліяній; въ одобреніи же и поддержкѣ нуждается стремленіе освободиться отъ вреднаго въ прошломъ и воспринять полезное въ будущемъ.

Если мы можемъ къ этому подготовиться, то важнѣе всего для насъ обратиться къ старой мусульманской цивилизаціи, но не для того, чтобы снять съ нея фотографію или начертить образъ точка въ точку, а для того чтобы взвѣсить эту цивилизацію на вѣсахъ разсудка, разсмотрѣть причины возвышенія мусульманской націи, причины ея упадка и отсюда вывести заключеніе, на которомъ мы можемъ воздвигнуть зданіе, полезное для насъ и теперь, и въ будущемъ.

Мусульманская религія появилась на аравійскомъ полуостровѣ среди народа, который велъ кочевой образъ жизни, т. е. находился на самой низкой ступени соціальнаго строя.

Она вызвала въ немъ національную связь, подчинила одному правителю и установила законъ, отмѣнившій тѣ обычаи, которыми руководствовались во взаимныхъ отношеніяхъ съ давнихъ временъ. Такъ какъ религія вмѣнила ему въ обязанность войну (джихадъ), то онъ сталъ воевать съ другими народами и подчи-
172. нилъ ихъ своей власти. Послѣднее случилось не потому, что арабы превосходили сосѣдей науками и искусствами, а благодаря духу единства, пробужденному исламомъ вмѣстѣ съ природными способностями къ войнѣ. Когда же они смѣшались съ египтянами, сирійцами, персами, китайцами, индійцами и др., то нашли у

этихъ народовъ многочисленныя науки, ремесла, искусства; они ими воспользовались, большинство перевели на свой языкъ и дозволили побѣжденнымъ способствовать сколько угодно ихъ прогрессу. Благодаря этому обнаружилось возрожденіе наукъ, какъ бываетъ и въ другихъ націяхъ вслѣдъ за всякимъ переворотомъ, преслѣдующимъ благія цѣли; продолжалось оно около четырехъ вѣковъ.

На этихъ двухъ основаніяхъ и была воздвигнута мусульманская цивилизація—на религіозномъ, которое объединило арабскія племена въ одинъ народъ, подчиненный одному правителю и одному закону, и на научномъ, возвысившемъ умы и нравы мусульманской націи до того предѣла, котораго возможно было достичь въ это время.

Такъ какъ въ эти времена наука была въ самомъ зародышѣ и принципы ея сводились къ различнымъ представленіямъ, большинство которыхъ даже не было провѣрено опытомъ, то и сила ея 173.
была незначительна по сравненію съ силой религіи. Законовѣды—факыхи одержали верхъ надъ учеными и подчинили ихъ своему надзору, а сами погрузились въ научные вопросы и стали ихъ критиковать. Но такъ какъ они входили не черезъ тѣ двери и не утруждали себя пониманіемъ этихъ вопросовъ, то стали толковать (священную) Книгу и хадисы такимъ путемъ, что вывели доказательства еретичности научныхъ теорій и побуждали общество относиться къ нимъ подозрительно. Они продолжали обличать ученыхъ и обвинять ихъ въ зиндикизмѣ [1]) и невѣріи, пока всѣ не стали бросать занятій наукой и бѣгать отъ нея. Положеніе дошло до того, что развилось убѣжденіе, будто всѣ науки ложны, кромѣ религіозныхъ. Мало того, они дошли до гиперболъ въ религіи и стали доказывать, что и въ самихъ религіозныхъ наукахъ нужно останавливаться у извѣстнаго предѣла, переступать который никому не дозволяется. Они установили, что мнѣніе нѣкоторыхъ факыховъ и есть вѣчная истина, противорѣчить которой никому не разрѣшается. Они, повидимому, считали принципомъ религіи замыканіе двери божьей милости для всего народа.

Эта вражда, возникшая между представителями религіи и 174.
науки—я не говорю между религіей и наукой—не свойственна исключительно мусульманскимъ народамъ; такъ же было и у

---

[1]) Зиндикъ—терминъ, обозначавшій сперва приверженца манихейства, впослѣдствіи вообще вольнодумцевъ всѣхъ направленій.

европейскихъ народовъ. Но такъ какъ они унаслѣдовали науки грековъ, римлянъ и арабовъ, переданныя имъ въ почти законченномъ видѣ, то Европа не нуждалась въ долгомъ времени для выясненія истинныхъ основаній этихъ наукъ. Въ двѣсти лѣтъ она могла усвоить то, что другимъ удавалось въ тысячи; научныя открытія слѣдовали одно за другимъ и помогали другъ другу. Къ числу ихъ относится открытіе законовъ движенія міровой системы, анализъ свѣта, быстрота его движенія, характеръ образованія звуковъ, ихъ быстрота и родъ колебаній; была изучена теорія теплоты, образованіе земного шара, его настоящій видъ, составъ земныхъ слоевъ, ихъ возрастъ и возрастъ ихъ обитателей, измѣненія, которымъ они подвергались и періоды, прошедшіе съ того времени, когда земля представляла огненную массу, до того, когда появился родъ человѣческій
175. послѣ другихъ родовъ. Затѣмъ были изслѣдованы законы жизни, роль кровообращенія, дыханія, пищеваренія, свойства способностей воспріятія, какимъ образомъ развиваются органы тѣла, какъ они живутъ и какъ погибаютъ. Были исправлены и завершены основанія химіи и естественной исторіи.

Благодаря этимъ открытіямъ писатели и философы могли взять нужное, чтобы научить человѣка, откуда онъ пришелъ и куда идетъ, каково его будущее; они заложили основанія моральныхъ, соціальныхъ и государственныхъ наукъ.

Открытіемъ этихъ истинъ наука воздвигла прочное зданіе, которое разумный человѣкъ не можетъ и помыслить разрушить. Поэтому въ Европѣ люди науки одержали верхъ надъ людьми религіи послѣ раздоровъ и борьбы. Кончилось тѣмъ, что за наукой осталась власть, которую за ней признаютъ всѣ люди.

Такъ какъ мусульманская цивилизація появилась и кончилась раньше, чѣмъ было снято покрывало съ основаній науки, какъ мы это разъяснили, то какимъ же образомъ мы можемъ допустить, что эта цивилизація была „образцомъ человѣческаго совершенства“? Для насъ, конечно, важно не отнимать у предковъ ихъ права и
176. не умалять ихъ значенія, но вмѣстѣ съ этимъ важно не обманывать самихъ себя, воображая, что они достигли въ цивилизаціи конечнаго предѣла, за которымъ уже нѣтъ ничего. Мы искатели истины; если найдемъ ее, то открыто высказываемъ, какъ бы непріятно ни было слушать читателямъ. Поэтому мы считаемъ нашей обязанностью заявить, что каждый мусульманинъ долженъ изучать мусульманскую цивилизацію и знакомиться съ ея явными и тай-

ными сторонами, такъ какъ она заключаетъ многія основанія нашего современнаго положенія. Онъ долженъ восхищаться ею, такъ какъ это твореніе, которымъ воспользовалось человѣчество, закончивъ незавершенное имъ въ нѣкоторые періоды; но все же многія изъ проявленій этой цивилизаціи не могутъ входить въ строй нашей современной соціальной жизни.

Что касается наукъ, то дѣло ясно изъ предшествующихъ разъясненій.

То же и относительно государственныхъ установленій. Какъ бы тонко мы ни анализировали исторію, нигдѣ у народа въ это время не найдемъ ничего, заслуживающаго названія установленія. Образъ правленія былъ представленъ неограниченнымъ халифомъ или султаномъ, правившимъ при помощи неограниченныхъ чиновниковъ; и правитель, и его чиновники въ своемъ управленіи основывались на личной волѣ. Если они были порядочны, то осно- 177.
вывались на принципахъ справедливости по мѣрѣ возможности; въ противоположномъ же случаѣ они выходили за предѣлы справедливости и обходились съ людьми деспотически. Въ установленіяхъ не было ничего, что заставляло бы ихъ руководствоваться законными основаніями.

Можетъ быть возразятъ, что такой халифъ получилъ власть только послѣ присяги отдѣльныхъ представителей націи, а это указываетъ на происхожденіе власти халифа отъ народа, который и является распорядителемъ. Мы этого не отрицаемъ, но власть, которой народъ пользуется нѣсколько минутъ—власть на словахъ. Въ сущности же единственнымъ распорядителемъ является тотъ же халифъ. Онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, назначаетъ налоги, учреждаетъ установленія и распоряжается дѣлами народными, руководствуясь исключительно своимъ мнѣніемъ. Онъ не считаетъ обязательнымъ для себя посвящать кого-либо въ свои распоряженія.

Удивительно, что мусульмане во всѣ періоды своей цивилизаціи не сравнялись съ греческимъ народомъ и не достигли римлянъ въ установленіяхъ, необходимыхъ для охраненія народнаго благосостоянія и его свободы. У этихъ народовъ были представитель- 178
ныя собранія и государственныя учрежденія, которыя, вмѣстѣ съ правителемъ, принимали участіе въ управленіи дѣлами.

Удивительнѣе же этого, что мусульманскіе правители и законовѣды не подумали выработать законы, опредѣляющіе поступки,

которые, по ихъ мнѣнію, заслуживаютъ наказанія, и опредѣлить самыя наказанія; наоборотъ, они предоставили право наказанія правителю, который можетъ имъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. А вѣдь разъясненіе преступленій и наказаній за нихъ—одно изъ первыхъ условій справедливости.

Я не чувствую необходимости говорить, что они ничего не понимали въ государственныхъ, соціальныхъ и экономическихъ наукахъ, такъ какъ всѣ эти науки новаго происхожденія. Если какой-нибудь гордецъ желаетъ убѣдиться въ этомъ, ему достаточно перелистать предисловіе Ибн-Хальдуна—эту единственную въ своемъ родѣ у мусульманъ книгу о соціальныхъ принципахъ. Онъ убѣдится, что принципы, на которыхъ основывается авторъ, въ большинствѣ случаевъ не безошибочны; особенно же его поразитъ, что въ этой книгѣ, посвященной изслѣдованію соціальныхъ вопросовъ, нѣтъ ни одного слова о семьѣ, которая является основой всякаго соціальнаго строя.

179. Если таково было ихъ государственное положеніе, то что же могутъ предложить намъ позаимствовать у нихъ?

То же самое произойдетъ, если мы обратимъ вниманіе на ихъ семейное положеніе; мы увидимъ, что оно лишено всякаго порядка, такъ какъ для заключенія брака мужчинѣ достаточно имѣть двухъ свидѣтелей, онъ можетъ развестись со своей женой безъ всякой причины или по ничтожному поводу, онъ можетъ жениться на нѣсколькихъ женахъ, не соблюдая законовъ Книги. Такъ было, такъ продолжается до нашего времени; какъ извѣстно, ни одинъ ученый или законовѣдъ и не подумалъ установить порядокъ, который избавилъ бы отъ вреда колебанія семейныхъ связей. А самое большее, что имъ нужно было сдѣлать для уничтоженія такихъ ненормальностей, это установить, напримѣръ, что разводъ, бракъ или повторный бракъ долженъ совершаться передъ представителемъ закона; тогда всѣ подобные случаи не вызывали бы колебаній и соблазна и не служили бы поводомъ раздоровъ и споровъ.

Какъ такая анархія можетъ сравниться съ законами и установленіями, созданными европейцами для укрѣпленія брачнаго союза и семейныхъ связей? Какъ она можетъ сравниться даже съ греческими и римскими законами, которые во всѣхъ пунктахъ не
180. забывали про важность семьи и ея роль въ соціальномъ строѣ? Что изъ этого можетъ годиться для улучшенія нашего современнаго положенія?

Намъ остается еще взглянуть на мусульманскую цивилизацію со стороны морали. Наши современники убѣждены, что древніе мусульмане обладали всѣми родами „истинно-нравственныхъ совершенствъ“. Такое убѣжденіе неправильно или по меньшей мѣрѣ преувеличено.

Что касается основаній морали, то извѣстно, что мусульмане не дали міру какихъ либо новыхъ устоевъ. Мусульманамъ предшествовали такіе народы, какъ евреи, христіане, буддисты, китайцы, египтяне и другіе; имъ были извѣстны основанія, заключенныя въ ихъ книгахъ—нѣкоторымъ изъ нихъ они были сообщены въ небесномъ откровеніи.

Относительно примѣненія мусульманами этихъ нравственныхъ
принциповъ, исторія свидѣтельствуетъ, что въ каждой эпохѣ бы-
ваетъ хорошее и дурное, прекрасное и отвратительное. До насъ
дошли извѣстія объ арабахъ, запечатлѣнныя въ историческихъ и
литературныхъ книгахъ; они сняли завѣсу съ ихъ нравовъ и об- 181.
хожденія, познакомили насъ съ ихъ поэзіей, пословицами, пѣснями,
но мы не увидѣли ни одного періода, свободнаго отъ испорчен-
ныхъ обычаевъ, дурныхъ нравовъ и низкихъ характеровъ. Мы на-
блюдали, какъ арабское государство со времени смерти пророка—
да благословитъ его Аллахъ и привѣтствуетъ — до самаго конца
раздиралось внутренними междуусобіями, возникавшими отъ нена-
висти, зависти и себялюбія. Даже тогда, когда государство было
занято важнѣйшими войнами съ другими народами, мы видѣли,
какъ одинъ изъ сыновей Алія [1]) — да будетъ доволенъ имъ Ал-
лахъ—женился болѣе чѣмъ на ста женщинахъ, и отецъ его былъ
вынужденъ совѣтовать людямъ не выдавать за него дочерей. Мы
видѣли мужчинъ, которые выслѣживали женщинъ на дорогѣ и ста-
рались подглядѣть на нихъ черезъ щели въ стѣнѣ. Мы видѣли,
какъ ихъ правители и вельможи напивались виномъ и не сообра-
жали, что они говорятъ на пирахъ, гдѣ находились рабыни, раз-
влекавшія присутствующихъ музыкой. Мы видѣли, какъ ихъ по-
эты добивались подачекъ и протягивали свои руки за пропита-
ніемъ отъ щедрыхъ эмировъ и богачей; другіе же расхваливали
самихъ себя и доходили до предѣла, близкаго къ сумашествію,
сочиняли любовныя стихотворенія мальчикамъ или бранили враговъ 182.
отвратительными и грубыми выраженіями, которыя стыдно даже

[1]) Зять Мухаммеда и четвертый халифъ (654—661).

вообразить, а не только произнести. Мы видѣли историковъ, подделывавшихъ исторію, законовѣдовъ, изобрѣтавшихъ хадисы и пользовавшихся ими для личныхъ цѣлей.

Какая изъ предшествующихъ эпохъ была лишена недостатковъ, чтобы ее по справедливости можно было назвать „образцомъ человѣческаго совершенства“? Человѣческаго совершенства не приходится искать въ прошломъ; если Аллаху угодно будетъ его ниспослать своимъ рабамъ, оно откроется только въ очень далекомъ будущемъ.

Одной изъ удивительныхъ привычекъ человѣческаго ума является мысль, что періодъ, въ которомъ онъ находится, менѣе совершененъ, чѣмъ предшествующій. Происходитъ это оттого, что дѣти воспитываются въ уваженіи къ родителямъ и въ почитаніи всего, исходящаго отъ нихъ; совершенствомъ по ихъ мнѣнію является все найденное у родителей, а это убѣжденіе еще болѣе усиливается тѣмъ, что родители всегда порицаютъ все появившееся
183. у дѣтей и неизвѣстное имъ. Они не могутъ измѣнить самихъ себя; такимъ образомъ представленіе дѣтей и заблужденіе родителей помогаютъ другъ другу бранить современность и поклоняться прошлому.

Если бы оказалось вѣрнымъ то, что они утверждаютъ, тогда совершеннѣйшимъ человѣкомъ былъ бы первый представитель этого рода на землѣ, а затѣмъ недостатки умножались бы съ каждой эпохой до нашихъ дней, конечной же цѣлью человѣка было бы превращеніе въ безсловесное животное. Однако, достаточно прочно установлено, что прошли цѣлые вѣка, когда родъ человѣческій находился на самой низкой ступени развитія; затѣмъ постепенно онъ сталъ возвышаться, пока не достигъ настоящей высокой ступени, которой имѣетъ право гордиться.

Если установлено, что древняя мусульманская цивилизація не такова, какъ это представляется въ умахъ писателей, расписавшихъ ее какъ имъ нравится, а не такой, какой она была въ дѣйствительности,—если признано, что она является несовершенной во многихъ отношеніяхъ, то послѣ этого намъ все равно, былъ ли затворъ женщинъ однимъ изъ ея основаній или нѣтъ. Безразлично, вѣрно ли, что женщины во времена багдадскаго или андалузскаго халифата бывали въ собраніяхъ съ мужчинами, или не вѣрно. Несомнѣнно, что покрывало—обычай, которому неприлично существо-
184. вать въ наше время.

Мы не удивляемся, что мусульманская цивилизація ошиблась въ пониманіи природы женщины и оцѣнки ея значенія; ея ошибка въ этомъ не болѣе, чѣмъ ошибки во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Не надо пояснять, что говоря о мусульманской цивилизаціи, мы не хотимъ судить ее съ религіозной точки зрѣнія, а только съ точки зрѣнія наукъ, искусствъ, ремеслъ, нравовъ, привычекъ, совокупность которыхъ и составляетъ присущее ей соціальное положеніе. Религіозный факторъ не былъ единственнымъ, оказавшимъ вліяніе на формировку этого соціальнаго положенія; несмотря на присущую ему силу власти надъ нравами, онъ оказалъ вліяніе только пропорціональное умственному и нравственному состоянію предшествующихъ народовъ.

По моему мнѣнію, наша привязанность до такой степени къ
прошлому принадлежитъ къ чувствамъ, для борьбы съ которыми
мы всѣ должны объединиться: это склонность, которая насъ обре-
каетъ на униженіе и регрессъ. Нѣтъ другой причины, поддержи-
вающей эту склонность въ нашихъ душахъ, кромѣ сознанія, что мы
слабы и безсильны создать положеніе, соотвѣтствующее нашему 185.
времени, при которомъ наши нужды будутъ удовлетворены. Это
одна изъ системъ полагаться на другихъ. Каждый изъ насъ точно
хочетъ сказать самъ себѣ: „Брось думать, работать и трудиться;
успокойся, такъ какъ ты не можешь сдѣлать лучше того, что
было“.

Это болѣзнь, съ леченіемъ которой слѣдуетъ поспѣшить. Лекарства для нея нѣтъ никакого, кромѣ воспитанія дѣтей въ знакомствѣ съ западной цивилизаціей и освѣдомленности въ ея принципахъ, развѣтвленіяхъ и памятникахъ.

Когда наступитъ это время,—мы надѣемся, что оно не очень далеко—тогда истина предстанетъ предъ нашими взорами блестящая, какъ солнце, тогда мы узнаемъ цѣну западной культуры и убѣдимся, что въ нашемъ положеніи невозможна никакая реформа, если она не будетъ основана на современныхъ новыхъ наукахъ. Какъ бы разнообразны ни были проявленія человѣчности — безразлично матеріальныя и нравственныя—всѣ они одинаково подчиняются власти науки.

Поэтому мы видимъ, что цивилизованные народы, несмотря на различіе національности, языка, мѣста и религіи, очень схожи по характеру политическаго строя, управленія, учрежденій и строя

семьи, системъ воспитанія, литературы, зданій и путей сообщенія,
186. а часто даже и въ простыхъ обычаяхъ, какъ одежда, пища или привѣтствія. Что касается наукъ и ремеслъ, то въ нихъ нѣтъ почти никакихъ различій, если не считать, что они болѣе или менѣе развиты среди отдѣльныхъ народовъ.

Отсюда ясно, что цѣлью цивилизаціи является направленіе человѣчества по одному пути: различіе же, наблюдаемое среди дикихъ народовъ или не достигшихъ еще извѣстныхъ ступеней цивилизаціи, объясняется тѣмъ, что они не могли еще основать свой соціальный строй на научныхъ принципахъ.

Вотъ что заставило насъ „приводить въ примѣръ европейцевъ" и совѣтовать подражать имъ, равно какъ побудило „обращать взоры на европейскую женщину".

Въ вопросѣ о правахъ женщины и ея воспитаніи я всячески старался ознакомиться съ мнѣніемъ мусульманскихъ ученыхъ и древнихъ, и новыхъ, но ничего не нашелъ. Одинъ изъ моихъ друзей обратилъ вниманіе на книгу, посвященную этому и написан-
187. ную шейхомъ Хамзою Фетхаллахомъ, ревизоромъ въ министерствѣ просвѣщенія. Я ее прочиталъ съ начала до конца, но убѣдился, что въ ней есть все, кромѣ того чему книга посвящена. Удивительно, что тѣ, которымъ не понравилось наше восхищеніе европейцами, всѣ принуждены были, во главѣ съ азхарскимъ шейхомъ, приводить въ доказательство для нашего опроверженія мнѣнія нѣкоторыхъ европейскихъ же ученыхъ и писателей — и женщинъ и мужчинъ.

Если кто-нибудь изъ насъ скажетъ, что я мало знакомъ съ сочиненіями мусульманъ и несвѣдущъ въ ихъ наукахъ, я не стану съ нимъ спорить. Я бы только радовался, а сердце мое наполнилось бы ликованьемъ, если бы мнѣ удалось увидать мусульманскую книгу, старую или новую, посвященную правамъ женщины и ея обязанностямъ какъ женщины, супруги, матери и члена націи. Если кто-либо изъ упрекающихъ меня въ малой начитанности и неосвѣдомленности покажетъ такую книгу, я его превознесу и поблагодарю.

Наши мыслители скажутъ: „Мы допускаемъ, что европейская цивилизація хороша, прекрасна и полезна въ смыслѣ наукъ, ко-
188. торыя ей удалось объединить, развить и использовать, однако она губительна, гадка и вредна для обычаевъ и нравовъ, которые сопровождаютъ ее повсюду".

Они признаютъ, что западные выше насъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ; они признаютъ, что ихъ знанія помогаютъ направить дѣйствія къ извлеченію пользы лучшими средствами, ведущими къ счастью въ этомъ мірѣ. Но когда они видятъ ихъ способы обращенія другъ съ другомъ и особенно мужчинъ съ женщинами или слышатъ про это, тогда ихъ мнѣніе категорически мѣняется: они отказываются понимать ихъ положеніе и заявляютъ, что западные ниже насъ по своей нравственности. Такое убѣжденіе у насъ является почти обще-распространеннымъ, какъ замѣтитъ всякій, читающій газеты или слушающій обращающіеся среди людей разсказы. Выяснить причину этого мнѣнія намъ не трудно.

Мы вынуждены признать преимущество западныхъ передъ нами въ наукахъ и ремеслахъ, такъ какъ ихъ произведенія окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ; въ какую бы сторону мы ни повернулись, всюду мы видимъ вліяніе, которое можемъ наблюдать 189.
дома при ѣдѣ, питьѣ, въ одеждѣ, во всей домашней жизни. Мы видимъ его въ училищѣ во время обученія, въ учрежденіяхъ, гдѣ сосредоточены центральные и частные органы нашего управленія, видимъ на улицахъ въ образѣ величественныхъ построекъ, большихъ магазиновъ, благоустроенныхъ садовъ, чистыхъ мостовыхъ, по которымъ движутся экипажи, автомобили и трамваи. Короче говоря, всегда и вездѣ мы видимъ матеріальное доказательство, при наличіи котораго остается только признать, что мы сильно отстали отъ западныхъ въ наукахъ чистыхъ и прикладныхъ.

Мы точно хотимъ сгладить позоръ такого признанія и отомстить за себя, но не находимъ для этого другого пути, кромѣ заявленія, что мы выше ихъ въ нравственномъ отношеніи, что они опередили насъ въ матеріальныхъ и внѣшнихъ проявленіяхъ цивилизаціи, мы же превосходимъ ихъ въ духовныхъ и внутреннихъ.

Намъ легко держаться такого убѣжденія, потому что прогрессъ въ матеріальномъ мірѣ воспринимается непосредственно чувствами и его нельзя отрицать; что же касается прогресса въ 190.
духовныхъ вопросахъ, то его можно постичь только умомъ, его можетъ уловить не всякій человѣкъ, а пристрастный имѣетъ возможность отрицать благодаря его неподвѣдомственности чувствамъ. Пристрастному человѣку помогаетъ еще то, что онъ видитъ или

*

слышитъ въ западныхъ городахъ про многочисленность развлеченій, разгулъ страстей и тому подобные дурные обычаи, отъ которыхъ отрекаются сами западные, страдающіе отъ ихъ распространенности; болѣе благоразумные среди нихъ стараются уничтожить или уменьшить это, сожалѣя, что усилія не приводятъ къ желанной цѣли. Мы воспользовались существованіемъ этихъ недостатковъ и на нихъ основали доказательство въ подтвержденіе нашей претензіи.

Мы упрекаемъ западныхъ съ ихъ нравами за то, что женщины у нихъ открыты, встрѣчаются съ мужчинами, что онѣ пользуются полной свободой, а мужчины ихъ уважаютъ. Многіе среди насъ считаютъ эти обычаи причиной распространенія порчи нравовъ и увѣрены, что всѣ ихъ женщины не знаютъ цѣломудрія, а мужчины лишены ревности.

Такъ какъ цѣлью цивилизаціи является воспитаніе души, очищеніе ея отъ пороковъ, удаленіе отъ всего отвратительнаго и
191. распространеніе добродѣтели среди людей, мы имѣемъ право презирать европейскую цивилизацію, если наше мнѣніе о ней вѣрно.

Но вѣрно ли это мнѣніе?

Дѣйствительно ли нравственность на западѣ ниже, чѣмъ на востокѣ — это вопросъ, изслѣдовать который обстоятельно намъ не позволяетъ наша тема; мы можемъ формулировать наше мнѣніе въ немногихъ словахъ:

Давняя вражда, существовавшая вѣками между народами востока и запада въ силу различія религіи, была и остается до нашихъ дней причиной незнакомства ихъ другъ съ другомъ, взаимнаго дурного мнѣнія. Она оказала вліяніе на умы и заставила представлять вещи не такими, какъ онѣ являются на самомъ дѣлѣ. Ничто такъ не удаляетъ человѣка отъ истины, какъ подчиненіе его во время наблюденія какому-либо страстному чувству. Если онъ даже искренно производитъ свое изслѣдованіе и стремится узнать истину, что бываетъ рѣдко, то и тогда его чувство затемняетъ сужденіе. Самое слабое его вліяніе выражается въ прикрашиваніи желательнаго и стремленіи къ нему. Если же онъ
192. принадлежитъ къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ истина не играетъ никакой роли,—а таковыхъ большинство—тогда они завѣшиваютъ истину покрывалами лжи, предразсудковъ и заблужденій, вызываемыхъ предвзятостью, такъ что ни одинъ лучъ истины не можетъ проникнуть въ ихъ сердца.

Слѣдуетъ еще прибавить, что научное воспитаніе появилось въ западномъ мірѣ только недавно, а на востокѣ оно отсутствуетъ и до сихъ поръ. Лишенному же этого воспитанія не такъ легко построить свое сужденіе на правильныхъ посылкахъ, потому что невѣжда выводитъ заключеніе чувствами, а не умомъ. Онъ одобряетъ что-либо не потому, что оно соотвѣтствуетъ истинѣ, а считаетъ соотвѣтствующимъ истинѣ, потому что оно ему нравится, въ противоположность человѣку привыкшему къ научному анализу, у котораго умъ не обманывается чувствами. Если онъ желаетъ заняться естественно-историческими или историческими вопросами, то собираетъ относящіяся къ этому наблюденія, группируетъ факты и выводитъ правило, о справедливости котораго судитъ на основаніи добытыхъ имъ посылокъ, руководствуясь исключительно любовью къ истинѣ. Если ему случится заняться изслѣдованіемъ
состоянія его сосѣда или врага, то и здѣсь онъ пользуется при- 193.
вычнымъ путемъ, подчиняется получающимся выводамъ и признаетъ ихъ, хотя бы они противорѣчили его желанію.

Западные достигли высокой ступени этого воспитанія, и многіе, у которыхъ оно почти идеально, занимались изслѣдованіемъ положенія восточныхъ и мусульманскихъ народовъ, писали объ ихъ обычаяхъ, языкѣ, памятникахъ и религіи, составили много цѣнныхъ книгъ, въ которыхъ изложили свои мнѣнія и результаты своихъ изслѣдованій. Они хвалили то, что считали заслуживающимъ похвалы, и порицали достойное по ихъ мнѣнію порицанія, обращая вниманіе только на утвержденіе справедливости и возвѣщеніе истины, при чемъ могли, конечно, и находить ее и заблуждаться. У насъ же это воспитаніе еще не распространилось среди общества. Поэтому и сужденія нашихъ писателей о такихъ вещахъ руководятся страстями и подчиняются чувству, привычкѣ и обычаю. Если лучъ истины и найдетъ свой отсвѣтъ въ чьемъ либо зрѣніи, то языкъ его связанъ боязнью порицанія, которая препятствуетъ высказаться, иногда же и ханжество заставляетъ пространно трактовать, подтверждая то, чему онъ самъ не вѣритъ. Если же среди
нихъ найдется искренно стремящійся къ истинѣ, которую онъ 194.
открыто высказываетъ, то его удѣломъ будетъ подозрѣніе въ измѣнѣ патріотизму и во враждебности къ религіи и націи. Болѣе энергичные упрекнутъ его въ безумствѣ и легкомысліи, полагая, что признать преимущество иностранца значитъ возбудить въ немъ жадность, а говорить о нашихъ недостаткахъ — поселять въ сердцахъ отчаяніе.

Въ этомъ сужденіи для нихъ нѣтъ другого извиненія кромѣ того, что они и здѣсь поступаютъ сообразно своему обычаю въ прочихъ сужденіяхъ. Если же нѣтъ, то они ошибаются, такъ какъ причиной жадности иностранцевъ вовсе не является признаніе нами упадка, а этотъ самый упадокъ, ставшій извѣстнымъ иностранцамъ, раньше чѣмъ мы сами это почувствовали. Они открыли, каковы были наши страны 5.000 лѣтъ тому назадъ, они изучили нравы египтянъ и всѣ обстоятельства ихъ жизни во времена фараоновъ; они собрали массу фактовъ, относящихся къ этому времени, которые до насъ дошли только отъ нихъ, да и то немногіе среди насъ съ этимъ знакомы. Не удивительно, что западные узнали наше современное положеніе со всѣми его дурными и хорошими сторонами.

Не слѣдуетъ также бояться, что нами овладѣетъ отчаяніе,
195. когда мы узнаемъ про свой упадокъ. Отчаяніе возникаетъ при невозможности спастись отъ гибели; относительно насъ такой невозможности не можетъ быть, особенно потому что народы въ своей жизни не останавливаются у извѣстнаго предѣла, а подвергаются переворотамъ и перемѣнамъ. У нихъ смѣняются эпохи силы и слабости, затрудненій и удачъ, не останавливаясь въ одномъ положеніи. Если когда-либо постигаетъ затрудненіе, то отъ него можно избавиться усердіемъ и настойчивостью. Понятно, что стремленіе къ улучшенію и идеалу возникаетъ только послѣ сознанія недостатковъ. Пока народъ не почувствуетъ, что онъ отсталъ отъ другихъ и опоздалъ въ достиженіи добытыхъ другими степеней совершенства, до тѣхъ поръ онъ не будетъ стремиться къ прогрессу и не придетъ въ движеніе, чтобы достигнуть какой-либо цѣли. Поэтому обращать вниманіе народа на его недостатки и дѣйствительное положеніе среди другихъ народовъ — первая обязанность, которую слѣдуетъ исполнить. Точно такъ же и сознаніе народомъ этого недостатка должно считаться первымъ шагомъ по пути прогресса.

Поэтому мы, не колеблясь, высказываемъ, что разговоры о томъ, будто мы выше западныхъ въ нравственности, относятся къ
196. тѣмъ колыбельнымъ пѣсенкамъ, которыми матери усыпляютъ своихъ дѣтей.

Суть же дѣла такова, что прогрессъ европейцевъ по сравненію съ нами въ этомъ отношеніи не можетъ быть доказанъ матеріальными памятниками, какъ прогрессъ въ наукахъ и искусствахъ;

его знаетъ только жившій вмѣстѣ съ ними и изучившій ихъ въ наружныхъ и внутреннихъ проявленіяхъ, такъ что ему извѣстны присущія европейцамъ нравственныя свойства.

Европейцы, какъ и прочіе народы, раздѣляются на три класса: высшій, средній и низшій. На долю низшаго класса изъ воспитанія въ лучшемъ случаѣ выпадаетъ знакомство съ чтеніемъ, письмомъ и незначительными элементарными свѣдѣніями изъ наукъ. По своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ они болѣе испорчены, чѣмъ соотвѣтствующіе слои у насъ.

Лица высшаго класса получаютъ крупную долю умственнаго образованія, но они находятся во власти богатства и бездѣлья, а поэтому подчиняются страстямъ. Они изощряются въ наслажденіяхъ, такъ же какъ люди труда ухищряются въ изобрѣтеніяхъ и искусствахъ.

Причина заключается въ томъ, что цивилизація, среди которой они живутъ, облегчаетъ удовлетвореніе страстей; они на- 197.
ходятъ такія средства, какихъ у насъ не имѣется, и искусно измышляютъ различные новые пути наслажденій, придавая имъ привлекательную для чувства оболочку. Электричество, напримѣръ, освѣщающее города, передающее извѣстія, которымъ пользуется земледѣлецъ, купецъ, ремесленникъ, путешественникъ и больной, служитъ соотвѣтствующимъ образомъ и распущеннымъ людямъ. Точно такъ же можно видѣть газеты, книги, театры, спеціально предназначенные для нихъ, равно какъ цвѣтущіе сады и блестящіе дворцы.

Эту порчу нравовъ западная цивилизація переноситъ и терпитъ, такъ какъ не можетъ ее уничтожить. Сама цивилизація основана на личной свободѣ и принуждена считаться съ сопровождающимъ эту цивилизацію вредомъ, зная, что полезныя стороны многочисленнѣе вредныхъ.

Существованіе порчи нравовъ на западѣ является естественнымъ слѣдствіемъ личной свободы, однимъ изъ ея результатовъ въ той стадіи современнаго нравственнаго строя, которую переживаютъ теперь эти страны.

Никто не сомнѣвается, что по прошествіи нѣкотораго вре- 198.
мени, съ распространеніемъ знаній и съ улучшеніемъ методовъ воспитанія, въ высшемъ и низшемъ классѣ націи наступитъ постепенное исправленіе душевныхъ качествъ и приближеніе ихъ къ совершенству, служащему идеаломъ.

Читатель, однако, не упустить изъ виду, что упомянутая порча нравовъ у западныхъ народовъ не ослабила ихъ соціальныхъ достоинствъ, которыя служатъ прочнѣйшимъ основаніемъ въ зданіи націй, равно какъ и вытекающія отсюда качества: готовность жертвовать собой или состояніемъ для возвеличенія родины или ея защиты. Послѣдній человѣкъ на западѣ, равно какъ и первый, если кликнуть кличъ для борьбы, или защиты, или какого-нибудь полезнаго дѣла, откажется отъ всѣхъ своихъ удовольствій, забывая про нихъ, и устремится на зовъ, подвергая себя опасности и жертвуя своимъ имуществомъ, пока не добьется желаемаго народомъ. Какъ можно сравнивать по ихъ почтеннымъ достоинствамъ оба этихъ класса западныхъ націй съ націями востока?

Что же касается средняго класса, нельзя сомнѣваться, что онъ выше соотвѣтствующаго класса у насъ. Въ сущности мы знаемъ
199. про западныхъ только кое-что очевидное всѣмъ; у большинства же изъ насъ знакомство ограничивается узнаваемымъ на улицѣ и въ кофейняхъ, прочитаннымъ въ разсказахъ и анекдотахъ. Мы не имѣемъ ни основаній, ни права думать, будто эта внѣшность служитъ точнымъ обликомъ ихъ дѣйствительнаго отношенія къ нравственности.

Кто желаетъ выработать о нихъ правильное мнѣніе, тотъ долженъ ознакомиться со всѣми внѣшними проявленіями жизни этихъ народовъ, прослѣдить ихъ чувства и склонности, управляющія душами. Для этого нужно знать въ совершенствѣ ихъ языкъ, исторію, обычаи и нравы. Когда изслѣдователь удовлетворитъ этимъ условіямъ, онъ можетъ понять, почему нѣмецъ покидаетъ жену и дѣтей и отдаетъ свою жизнь, чтобы оказать помощь бурамъ; почему ученый пренебрегаетъ спокойнымъ существованіемъ и наслажденіемъ жизнью, предпочитая заняться рѣшеніемъ какого-либо вопроса, открытіемъ какой-нибудь тайны или выясненіемъ причины. Онъ пойметъ, почему политикъ съ большимъ состояніемъ и высокимъ положеніемъ тратитъ время, изыскивая средства для поднятія благосостоянія своего народа, иногда ради этого даже лишая
200. себя сна; онъ узнаетъ, чѣмъ движимъ путешественникъ, проводящій мѣсяцы и годы вдали отъ семьи и родины, чтобы открыть, напримѣръ, истоки Нила. Онъ пойметъ, каково чувство, которое склоняетъ миссіонера жить среди дикихъ, несмотря на всѣ страданія и окружающія его опасности, какое чувство заставляетъ богача жертвовать тысячи гиней въ какое-нибудь благотворительное общество или на дѣло, полезное его народу или человѣчеству.

Когда онъ узнаетъ тайну этихъ свойствъ и источникъ этихъ славныхъ дѣлъ, когда онъ узнаетъ про существующее между членами семьи согласіе, единеніе и любовь, ихъ правдивость въ обращеніи другъ съ другомъ, ревность къ истинѣ, высоко развитое чувство благородства и стремленія помочь бѣдному, слабому или состраданіе къ животнымъ, тогда несомнѣнно онъ выведетъ изъ этого знакомства правильное заключеніе, именно—что эти люди стоятъ высоко въ нравственномъ отношеніи. Всѣ такіе поступки и состоянія указываютъ на слабую власть самолюбія, точно такъ же, какъ и на развитое сознаніе, что каждый членъ націи нуждается въ другомъ. Нравственная же высота и есть не что иное, какъ эта 201.
солидарность.

Это и не удивительно, такъ какъ прогрессъ въ наукахъ ведетъ къ прогрессу въ нравственности. Нѣтъ сомнѣнія, что умственное развитіе влечетъ за собой всегда нравственное; наука вѣдь является той матеріей, которой питается нравственность. Я не говорю, что нравственность существуетъ только тамъ, гдѣ существуетъ наука; я говорю только, что нравственность невѣжды не можетъ быть такой же прочной въ его душѣ, какъ нравственность у ученаго человѣка. Наука обращается къ разсудку, и научныя истины не требуютъ признанія безъ критики, наоборотъ, ихъ выработка нуждается въ анализѣ, трудѣ, терпѣніи и привычкѣ къ научнымъ занятіямъ, которая пріучаетъ къ самообладанію, являющемуся важнѣйшимъ основаніемъ нравственности. Если кто-либо воспитанный подъ вліяніемъ науки и пожелаетъ совершить противонравственный поступокъ, внутренній инстинктъ заставитъ его посмотрѣть на него, его результаты, свойства и вредныя стороны, а затѣмъ онъ обратится къ душѣ, чтобы выяснить, одобряется ли ею этотъ поступокъ, и рѣдко когда послѣ этого отважится его сдѣлать. Человѣкъ же невѣжественный, если даже и будетъ благороднымъ, то это благородство явится лишь простой привычкой; онъ готовъ подчиниться тому, что окажетъ на него вліяніе, будь оно хорошо или 202.
худо, и склоняется ко мнѣнію большинства людей безъ всякой критики. Если же привычка будетъ разъ нарушена и онъ вкуситъ сладость порока, то власть надъ душой вырвется у него изъ рукъ, и ему будетъ невозможно вернуться къ прежнему положенію.

Мы видѣли, что наука укрѣпляетъ власть ума и воспитываетъ душу; къ этому слѣдуетъ прибавить, что она возвышаетъ религіозное чувство. Высказывая это, мы не выходимъ за предѣлы темы,

такъ какъ религія и нравственность въ сущности сводятся къ тому же.

Лучшее изъ всего сказаннаго по этому поводу принадлежитъ философу Спенсеру въ его книгѣ о воспитаніи, откуда я заимствую кое-что относящееся къ настоящему пункту:

„Наука не противорѣчитъ религіозному чувству, какъ это утверждаютъ многіе; наоборотъ, пренебреженіе наукой противно религіи. Приведемъ одинъ примѣръ и предположимъ, что какой-нибудь ученый изъ крупныхъ писателей сочиняетъ книги и устанавливаетъ истины; люди его хвалятъ и превозносятъ въ своихъ рѣчахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они видятъ только обложку его книгъ,
203. ничего изъ нихъ не читаютъ и никогда не утруждали себя пониманіемъ содержанія. Какова же можетъ быть цѣна такой похвалы по нашему мнѣнію, и что можемъ мы думать о правдивости всѣхъ этихъ критиковъ? Если бы намъ разрѣшили сравнить съ великими вещами малыя, мы могли бы сказать, что люди обращаются такимъ образомъ съ твореніемъ и его создателемъ. Удивительнѣе всего въ ихъ поведеніи то, что они не только примирились съ жизнью и смертью безъ всякаго пониманія истинной сущности тѣхъ вещей, которыя считаютъ поразительными чудесами, а даже осыпаютъ порицаніями всякаго, старающагося понять эти истины и изслѣдовать скрытыя въ нихъ тайны. Если бы они были разумнѣе, то поняли бы, что пренебреженіе къ наукѣ ослабляетъ религіозное чувство и даже совершенно уничтожаетъ его. Служба же наукѣ —это религіозная обязанность, исполняемая сердцемъ, такъ какъ служба наукѣ—внутреннее признаніе того, что въ созданіи есть высшая цѣнность, а у его Творца великая роль и высокое мѣсто. Служба наукѣ—знакъ почитанія міросозданія и его Творца, которое искатель науки выражаетъ не только губами и языкомъ, а
204. жертвуя своимъ временемъ, мыслью и трудомъ“.

Изъ предшествующаго мы можемъ вывести то заключеніе, что прогрессъ западныхъ въ наукѣ самымъ энергичнымъ образомъ содѣйствовалъ ихъ прогрессу въ нравственности, а упадокъ знаній у насъ былъ причиной упадка нашихъ нравовъ.

Всѣ происшествія въ нашихъ семьяхъ, все совершающееся между отцомъ и сыномъ, между братьями, между мужемъ и женой не нуждаются въ болѣе обстоятельномъ разъясненіи. Печальные случаи въ деревняхъ, наблюдаемая тамъ зависть, ненависть, коварство, интриги и звѣрскія преступленія, отъ которыхъ мѣшается

умъ, событія въ отечествѣ, видимое разстройство національной связи, разногласія по ничтожнѣйшимъ поводамъ, жадность къ деньгамъ, какъ бы ихъ не истратить на какое-либо общеполезное дѣло, скупость на время, когда надо подумать о чемъ либо нужномъ для своей страны—все это служитъ доказательствомъ паденія нашихъ нравовъ. Даже и существующія у насъ хорошія качества, какъ щедрость, наблюдаемая во многихъ береговыхъ округахъ, въ сущности сводятся къ недостатку, къ соревнованію изъ славолюбія. По-
этому можно замѣтить, что многіе видные представители страны, 205.
извѣстные гостепріимствомъ и чрезмѣрнымъ вниманіемъ къ гостю, въ другихъ случаяхъ дѣйствуютъ, нарушая принципъ щедрости: они притѣсняютъ бѣдняковъ и посягаютъ на имущество своихъ слабыхъ родственниковъ, особенно женщинъ, угнетаютъ въ обыденной жизни свою семью и вообще совершаютъ поступки, противные благородной душѣ.

Состояніе турецкой націи не отличается въ этомъ отъ нашего. Дѣйствительно, нѣкоторые береговые округа тамъ выше по нравамъ и обычаямъ, такъ что имъ принадлежитъ преимущество по сравненію съ египетскими. Однако, причина здѣсь единственно въ томъ, что турокъ живетъ въ своей деревнѣ въ высшей степени просто и при извѣстной зажиточности у него нѣтъ никакихъ побужденій совершать противное добрымъ нравамъ. Онъ далекъ отъ многихъ пороковъ, потому что не знаетъ ихъ и даже не подозрѣваетъ о ихъ существованіи. Когда же онъ бросаетъ свою деревню и поселяется въ какомъ-либо городѣ, то, какъ я наблюдалъ, никто изъ постоянныхъ жителей не можетъ сравняться съ нимъ въ стремленіи къ мѣстамъ наслажденія и игрѣ страстей; онъ превосходитъ себѣ подобныхъ и въ прочихъ порокахъ.

Вообще мы можемъ сказать, что европейская цивилизація не 206.
представляетъ абсолютнаго блага, такъ какъ абсолютное благо не существуетъ въ нашемъ мірѣ, ибо онъ—міръ несовершенства. Это только то благо, котораго человѣкъ можетъ теперь достигнуть: онъ завершаетъ бывшее несовершеннымъ раньше и поднимается одной ступенью ближе къ совершенству.

Какъ бы ни былъ незначителенъ этотъ результатъ по сравненію съ тѣмъ совершенствомъ, котораго ожидаетъ человѣческая душа, намъ слѣдуетъ имъ довольствоваться, будущее же можетъ привести и къ болѣе высокой ступени.

Многіе у насъ ошибочно полагаютъ, будто прогрессъ можетъ

существовать въ нѣкоторыхъ сторонахъ соціальной жизни, не оказывая вліянія на другія. На самомъ дѣлѣ прогрессъ только тогда будетъ истиннымъ, когда онъ создаетъ особый духъ, обнаруживающійся во всѣхъ сторонахъ жизни націи—общихъ и частныхъ. Если изслѣдователь захочетъ расчленить его на составные элементы, онъ увидитъ, что прогрессъ состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ, обнаруживающихся въ пищѣ, одѣяніи, постройкахъ, дорогахъ, обществахъ, радостяхъ и горестяхъ, методахъ обученія и воспитанія, театрахъ и развлеченіяхъ, точно такъ же, какъ онѣ обнаруживаются въ ремеслахъ, торговлѣ, земледѣліи, наукахъ и искусствахъ. Вообще влія-
207. ніе прогресса сказывается во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ умственной и нравственной жизни народа.

Происходитъ это потому, что умственное и нравственное состояніе тѣсно связаны между собой; въ сущности они представляютъ одно состояніе, лишь съ двумя различными именами, въ зависимости отъ различія точки зрѣнія. Всякое знаніе, обогащающее умъ, приноситъ ему пользу новымъ понятіемъ и, благодаря этой самой пользѣ, входитъ въ строй нашего поведенія; если бы знаніе ограничивалось только пониманіемъ безъ вліянія на дѣятельность, то утратилась бы большая часть его существеннаго значенія, если не все цѣликомъ.

Различіе же западныхъ и нашихъ обычаевъ, появленіе у нихъ женщинъ съ открытыми лицами, ихъ встрѣчи съ мужчинами, пользованіе свободой и уваженіемъ мужчинъ—все это еще не указываетъ на паденіе нравовъ у нихъ.

Дѣйствительно, многіе изъ насъ считаютъ эти обычаи пороками, но стоитъ ихъ спросить, почему западные обращаются такимъ образомъ со своими женами? Почему мужчина у нихъ уважаетъ женщину и сажаетъ ее справа, почему онъ желаетъ ее ви-
208. дѣть умной и образованной? Почему онъ позволяетъ ей выходить когда угодно, путешествовать и встрѣчаться съ мужчинами и женщинами? Къ чему вся эта свобода и это уваженіе? Одинъ изъ насъ отвѣтитъ, что у нихъ такой дурной обычай, но это ничему не поможетъ, такъ какъ вызываетъ другой вопросъ: откуда же у нихъ этотъ обычай? Здѣсь будетъ уже не такъ легко отвѣтить.

Если бы темой нашего изслѣдованія былъ какой-нибудь обычай дикой націи, намъ было бы легко сказать, что этотъ обычай появился въ силу обстоятельствъ и нація дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, не задумываясь о немъ; она не знаетъ его происхожденія

и связи съ другими сторонами жизни, точно также не зная оказываемаго имъ вліянія.

Однако, разсудокъ не допускаетъ мысли, что жители Европы и Америки послѣдуютъ такому обычаю, не задумываясь о его причинахъ и результатахъ; трудно предположить, что ихъ ученые, трудящіеся ежедневно надъ открытіемъ тайнъ природы, которые изучили микробы, выяснили ихъ существованіе, опредѣлили виды, описали тончайшимъ образомъ, умѣютъ ихъ выращивать и производить, 209.
тѣ самые ученые забыли про этотъ обычай и оставили его въ пренебреженіи.

На самомъ дѣлѣ они его изучили въ совершенствѣ, какъ и всѣ другіе вопросы; они сравнили его съ нашими восточными обычаями, но мнѣ неизвѣстно, чтобы хоть одинъ изъ нихъ когда-либо обратился къ своему народу, побуждая его измѣнить. Всѣ они согласны въ томъ, что затворъ женщинъ—причина упадка востока, а уничтоженіе покрывала— тайна прогресса запада. Разногласіе между ними существуетъ только въ опредѣленіи политическихъ правъ женщинъ, какъ мы это разъяснили.

Такое единодушіе—фактъ, заслуживающій нашего вниманія. Среди западныхъ есть люди, которые считаютъ частную собственность грабежемъ, а признаютъ необходимымъ раздѣлить состоянія между всѣми членами народа. Появились такіе, которые учатъ о необходимости уничтоженія брака, чтобы отношенія мужчины и женщины были совершенно свободными, безъ подчиненія какому-либо установленію и закону. Имѣется ученіе, проповѣдующее разрушеніе всякаго строя и закона и не признающее за какимъ бы
то ни было правительствомъ права на существованіе. Несмотря на 210.
все это, никому изъ нихъ не пришло въ голову потребовать покрывала для женщинъ. Дѣло обстоитъ даже наоборотъ: наиболѣе крайнія ученія требуютъ увеличенія свободы женщины и расширенія ея правъ, пока она не станетъ равноправной съ мужчиной. При всѣхъ разногласіяхъ, въ этомъ они сходятся съ представителями умѣренныхъ толковъ.

Какова же тайна такого единодушія и его причины? Потому ли это, что европейцы не любятъ перемѣны въ обычаяхъ? Вовсе нѣтъ; у нихъ измѣненіе—законъ ихъ прогресса. Кто кинетъ общій взглядъ на ихъ исторію съ перваго вѣка, замѣтитъ, что они перемѣнили у себя рѣшительно все: они измѣнили правительство, языкъ, науки, искусства, законы, обычаи, одежду. Современное состояніе всего

этого точно также является объектомъ критики изслѣдователей и подвергается время отъ времени перемѣнамъ и измѣненіямъ.

Равнымъ образомъ причиной этого единогласія не можетъ быть высказываемое иногда мнѣніе, будто европейцы не цѣнятъ
211. должнымъ образомъ благородства души и не ревнуютъ своихъ женъ. Такое сужденіе, которое мнѣ приходилось слышать отъ многихъ, можетъ высказываться только малоопытными, недостаточно свѣдущими, совершенно незнакомыми съ условіями жизни въ этихъ странахъ. Такіе люди знаютъ столько же, сколько знаетъ нашу жизнь западный туристъ, побродившій по Эзбекіе[1]) и сосѣднимъ улицамъ и описывающій потомъ наши обычаи, какъ онъ видѣлъ у гулявшихъ по этимъ общеизвѣстнымъ мѣстамъ.

Итакъ, какова же причина?

Причина въ томъ, что вопросъ о правахъ и свободѣ женщины не является въ сущности простымъ обычаемъ. Мы видимъ, что западный человѣкъ въ знакъ привѣтствія снимаетъ свою шляпу, а восточный поднимаетъ руку и прикладываетъ ее къ головѣ. Это дѣйствительно обычай, который можетъ имѣть связь съ исторіей востока и запада, однако, его значеніе не выходитъ за предѣлы того незначительнаго круга, для котораго онъ былъ предназначенъ, и онъ не можетъ вызвать никакихъ слѣдствій ни въ частной, ни въ общественной жизни. Быть же женщинѣ образованной или необразованной, жить взаперти дома или пользоваться свободой,
212. встрѣчаться съ мужчинами или нѣтъ, каковы ея права въ замужествѣ и разводѣ, какова ея роль въ семьѣ и среди народа — это прежде всего вопросы соціальные, а благодаря этому, и научные. Послѣ этого не удивительно, что относительно нихъ не существуетъ разногласія.

Поэтому, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ западными и судить о нихъ по одному нашему воображенію, будто они сбились съ пути въ оцѣнкѣ роли женщины у нихъ, намъ слѣдуетъ познакомиться съ ихъ мнѣніями по этому вопросу, изучить ихъ теоріи и причины того великаго движенія въ этомъ вѣкѣ, въ которомъ играли роль и мужчины, и женщины, равно какъ прослѣдить всѣ его современные результаты. Послѣ этого мы можемъ составить себѣ вѣрное мнѣніе, основанное на правильныхъ логическихъ теоріяхъ и подкрѣпленное опытомъ и фактами.

---

[1]) Центральный городской садъ въ Каирѣ.

Заключеніе. 213.

Современное состояніе умовъ въ Египтѣ относительно (положенія) женщинъ.

Въ послѣдніе годы египтяне стали сознавать ненормальность ихъ соціальнаго положенія; среди нихъ появились признаки страданія отъ этого, они почувствовали необходимость работы для его улучшенія. До нихъ дошли извѣстія о западныхъ, они стали съ ними встрѣчаться, а многіе даже жили среди нихъ и познакомились со степенью ихъ прогресса. Когда они увидѣли, что послѣдніе наслаждаются спокойной жизнью, пользуются широкой властью и вѣскимъ голосомъ—все условія, которыхъ лишены восточные и безъ которыхъ жизнь не имѣетъ цѣны—то въ нихъ пробудилось стремленіе къ соперничеству и желаніе пріобрѣсти эти блага. Среди насъ появились реформаторы, на перерывъ высказывающіе мысли, которыя по ихъ мнѣнію поведутъ народъ по пути успѣха. Одинъ призываетъ къ труду и энергіи, другой къ союзу сердецъ, объединенію и уничтоженію причинъ раздора, третій взываетъ о любви къ отечеству и самопожертвованію въ службѣ ему, четвер- 214.
тый совѣтуетъ держаться основъ религіи и т. д.

Однако всѣ эти реформаторы забыли про одно: что всѣ такія и подобныя рѣчи могутъ оказать серьезное вліяніе на жизнь націи только тогда, когда они дойдутъ до женщинъ, когда женщины поймутъ ихъ смыслъ, когда онѣ ихъ полюбятъ и направятъ въ эту сторону свои стремленія; послѣ этого онѣ сумѣютъ и своимъ дѣтямъ внушить тѣ прекрасныя картины, въ которыхъ въ ихъ умѣ воплотилось человѣческое совершенство.

Никакой соціальный строй не можетъ быть измѣненъ, прежде чѣмъ воспитаніе не будетъ направлено на желательную перемѣну; для реформы, каково бы ни было ея содержаніе, не достаточно

простой потребности въ ней или приказа правительства для проведенія ея въ народѣ, или рѣчи, громко къ ней призывающей, равно какъ книгъ, сочиняемыхъ для выясненія ея полезныхъ сторонъ, и статей, обнародываемыхъ для указанія ея качествъ. Все это оказываетъ свое вліяніе только разъясняя и указывая народу его дурное положеніе, но не можетъ служить средствомъ, измѣняющимъ народы и переносящимъ ихъ изъ одного положенія въ
215. другое. Всякая реформа въ жизни народовъ является результатомъ совокупности положительныхъ качествъ, свойствъ и обычаевъ, которые зарождаются въ душахъ и укрѣпляются только воспитаніемъ, т. е. при посредствѣ женщины.

Если египтяне желаютъ улучшить свое положеніе, имъ надо начинать съ начала. Они должны убѣдиться, что нѣтъ никакой надежды быть живымъ народомъ, пользующимся авторитетомъ среди передовыхъ націй, и получить мѣсто въ мірѣ человѣческой цивилизаціи, пока домà и семьи ихъ не станутъ подходящей средой для подготовки людей, обладающими тѣми свойствами, отъ которыхъ можно ожидать успѣха. Нѣтъ никакой надежды на то, что ихъ дома и семьи станутъ этой подходящей средой, пока женщины не получатъ воспитанія и не раздѣлятъ съ мужчинами ихъ мыслей, надеждъ и горестей, если ужъ не мóгутъ раздѣлить всѣхъ ихъ дѣлъ.

Когда мы въ прошломъ году высказали эту истину [1]), несмотря на всю ея простоту и ясность, общество сочло ее какимъ то глумленіемъ, а законовѣды признали подрываніемъ ислама; многіе изъ получившихъ воспитаніе приняли ее за преувеличенное подражаніе западнымъ, нѣкоторые дошли до того, что стали ее называть
216 преступленіемъ противъ отечества и религіи. Во всемъ написанномъ по этому поводу они старались внушить, что освобожденіе восточной женщины есть одно изъ стремленій христіанскихъ народовъ, которымъ они хотятъ подорвать мусульманскую религію; если кто-либо изъ мусульманъ поддерживаетъ это стремленіе, онъ не мусульманинъ и т. д. Подобныя этому фразы они говорили на утѣху наивныхъ и наслажденіе глупцовъ, не понимающихъ дѣйствительно полезныхъ сторонъ.

Мы хотимъ возразить имъ однимъ словомъ: если европейцы дѣйствительно хотѣли бы причинить намъ вредъ, имъ слѣдовало бы просто предоставить насъ самимъ себѣ. Нѣтъ лучшаго средства для достиженія ихъ цѣлей, какъ наше современное положеніе.

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду свою работу «Освобожденіе женщины».

Это истина, въ которой нельзя сомнѣваться. Какъ бы ни старались одни ее скрыть, какъ бы ни забывали про нее другіе, рано или поздно она станетъ всѣмъ ясна. Такъ бываетъ съ истиной во всѣ времена.

Всякій, наблюдающій наше современное соціальное положеніе, убѣдится, что женщины у насъ пережили періодъ порабощенія; отъ свободы ихъ отдѣляетъ только тонкая завѣса. Онъ замѣтитъ:

во первыхъ, новое у египтянъ сознаніе необходимости воспи- 217.
тывать своихъ дочерей, тогда какъ раньше ихъ ничему не учили;

во вторыхъ, ослабленіе затвора и признаки его постепеннаго исчезновенія;

въ третьихъ, отвращеніе юношей къ женитьбѣ по современной системѣ и стремленіе къ ея измѣненію путемъ знакомства съ невѣстой;

въ четвертыхъ, заботу правительства и нѣкоторыхъ соотечественниковъ во главѣ съ достойнымъ шейхомъ Мухаммедомъ ʿАбдо, муфтіемъ Египта, объ улучшеніи судебныхъ учрежденій. Всякій, читавшій замѣчательный проектъ, составленный имъ относительно судовъ, найдетъ тамъ многое, относящееся къ значительнымъ улучшеніямъ въ египетскихъ семьяхъ. Ближайшимъ образомъ я могу напомнить, что онъ говоритъ о многоженствѣ:

„Помимо этого я возвышаю свой голосъ съ жалобой на многочисленность женъ, которыхъ бѣдняки собираютъ въ своей семьѣ. Часто у одного бываютъ четыре, три или двѣ жены, которыхъ онъ не можетъ содержать, и постоянно препирается изъ за издержекъ 218.
и прочихъ брачныхъ обязанностей. Онъ не желаетъ развестись ни съ одной изъ нихъ, порча проникаетъ все глубже и глубже въ нихъ самихъ и ихъ дѣтей. Ни онъ, ни онѣ не могутъ исполнять постановленій Аллаха: вредъ отъ всего этого для религіи и народа ни для кого не тайна“.

Въ этомъ году случилось, что много женщинъ, мужья которыхъ были осуждены на пожизненныя работы, пожизненную тюрьму или заключеніе на долгій срокъ, обратились въ министерство юстиціи съ жалобой на свое несчастное положеніе, такъ какъ онѣ не могутъ разстаться съ мужьями и не имѣютъ родственника, который давалъ бы имъ на издержки и пропитаніе дѣтей. Министерство юстиціи принуждено было обратиться къ муфтію Египта съ запросомъ объ основаніяхъ шаріата, руководствуясь которыми можно было бы избѣжать причинъ жалобъ. Онъ изслѣдовалъ этотъ

вопросъ, равно какъ сходные съ нимъ и извлекъ изъ фикха маликитовъ [1]) 11 положеній, представленныхъ въ министерство юстиціи. Для удобства читателей мы приводимъ ихъ полностью.

219. (Пунктъ 1). Когда мужъ отказывается содержать свою жену, то въ случаѣ нахожденія у него имущества, отдается постановленіе о выдачѣ издержекъ на его счетъ. Если же у него нѣтъ имущества и онъ настаиваетъ на невозможности нести издержки, то судья тотчасъ же дѣлаетъ постановленіе о разводѣ. Если онъ заявляетъ о полной невозможности, хотя бы таковой и не установилъ, судья постановляетъ разводъ тотчасъ; если онъ ссылается на (временное) затрудненіе, ему дается отсрочка на срокъ не больше мѣсяца. Если и тогда онъ не приметъ на свой счетъ издержекъ, разводъ утверждается послѣ этого.

(Пунктъ 2). Если мужъ боленъ или въ заключеніи и лишенъ возможности нести расходы по своей женѣ, судья даетъ отсрочку на срокъ, нужный для выздоровленія или выхода изъ заключенія. Если болѣзнь или срокъ заключенія затягивается, такъ что можно опасаться вреда или соблазна, судья постановляетъ разводъ.

(Пунктъ 3). Когда мужъ находится въ близкой отлучкѣ и не оставилъ на расходы для жены, судья назначаетъ ему срокъ. Если онъ въ этотъ срокъ не пришлетъ женѣ нужныя для нея средства или не явится для этого самъ, то судья разводитъ его по истеченіе срока. Если онъ находится въ далекой отлучкѣ или мѣстопребываніе его неизвѣстно, при чемъ установлено, что у него нѣтъ состоянія, которымъ можно покрыть издержки жены, судья
220. его разводитъ.

(Пунктъ 4). Когда у отсутствующаго мужа имѣется состояніе или долгъ за кѣмъ-нибудь, или отданные кому-либо депозиты, жена имѣетъ право требовать на законныя издержки изъ этого состоянія или долга. Она можетъ представить доказательство противъ того, кто отрицаетъ наличность долга или депозитовъ. Ея искъ удовлетворяется безъ поручителя послѣ ея клятвы, что она имѣетъ право на издержки со стороны отсутствующаго, что онъ не оставилъ ей имущества и какого либо довѣрителя для издержекъ на нее.

(Пунктъ 5). Разводъ, постановляемый судьей, по причинѣ неуплаты издержекъ, совершается съ правомъ возврата, и мужъ

[1]) Одна изъ четырехъ школъ мусульманскаго права. См. Міръ Ислама, № 2, стр. 189, 198 слѣд.

можетъ вернуть жену, если онъ докажетъ свою состоятельность и готовность нести издержки въ срокъ ʽидда[1]). Если же онъ не докажетъ состоятельности или готовности нести издержки, то возвратъ не можетъ состояться.

(Пунктъ 6). Если кто-либо исчезъ въ мусульманскихъ странахъ и жена его не имѣетъ извѣстій, она получаетъ право изложить дѣло министерству юстиціи съ указаніемъ страны, куда онъ по ея свѣдѣнію или предположенію отправился или гдѣ онъ быть можетъ находится. Министръ юстиціи долженъ произвести розыски
его по предполагаемому мѣсту нахожденія путемъ извѣщенія судей 221.
и органовъ полиціи. При невозможности получить извѣстія о немъ, онъ назначаетъ ей срокъ въ четыре года. По истеченіи его жена выдерживаетъ срокъ ʽидда, какъ послѣ смерти (мужа), въ четыре мѣсяца и 10 дней безъ (особаго) судебнаго постановленія. Послѣ этого она можетъ выйти замужъ за другого.

(Пунктъ 7). Когда появится отсутствовавшій или выяснится, что онъ живъ, причемъ это произойдетъ до вступленія въ свои права второго мужа, не знавшаго о его жизни, жена принадлежитъ отсутствовавшему безусловно, хотя бы и послѣ (брачнаго) договора, а послѣ вступленія въ права второго мужа, если онъ не зналъ о жизни отсутствовавшаго. Если же обнаружится, что отсутствовавшій умеръ во время срока ʽидда или послѣ него до договора со вторымъ мужемъ или послѣ него, то она наслѣдуетъ первому, если второй еще не вступилъ въ свои права, не зная про жизнь перваго. Если же онъ умеръ послѣ вступленія второго въ свои права, не знавшаго про жизнь перваго, то жена ему не наслѣдуетъ.

(Пунктъ 8). Кто исчезъ во время сраженія мусульманъ другъ съ другомъ, причемъ установлено, что онъ участвовалъ въ битвѣ, женѣ того разрѣшается довести дѣло до министра юстиціи. Послѣ
разслѣдованія и неимѣнія о немъ свѣдѣній, жена его выжидаетъ 222.
срокъ ʽидда, по окончаніи же его можетъ выйти замужъ и наслѣдуетъ его имущество въ силу единственно неимѣнія извѣстій. Если же установлено только то, что онъ отправился съ войскомъ, рѣшеніе постановляется сообразно съ двумя предшествующими пунктами.

(Пунктъ 9). Жена пропавшаго безъ вѣсти на войнѣ съ му-

---

[1]) Срокъ, до истеченія котораго разведенная или овдовѣвшая мусульманка не можетъ вторично вступить въ бракъ.

сульманами и другими имѣетъ право довести дѣло до министра юстиціи, и послѣ разслѣдованія ей назначается годовой срокъ. По окончаніи его она выдерживаетъ ʿидда, послѣ чего можетъ выйти замужъ и наслѣдуетъ его состояніе по истеченіи года. Сроки для выжиданія женой пропавшаго назначаются, когда состояніе его достаточно для издержекъ жены или нѣтъ для нея опасности соблазна. Въ противномъ же случаѣ она доводитъ дѣло до судьи, который разводитъ ее послѣ удостовѣренія правильности ея жалобы.

(Пунктъ 10). Если между супругами усиливаются раздоры и ихъ невозможно прекратить какимъ либо путемъ, начертаннымъ въ книгѣ Аллаха Всевышняго, дѣло представляется судьѣ округа. Онъ можетъ послѣ этого назначить двухъ третейскихъ судей съ безупречной репутаціей: одного изъ родственниковъ мужа, другого
223. изъ родственниковъ жены, и еще лучше, если они будутъ изъ сосѣдей. Если же затруднительно найти лицъ съ безупречной репутаціей изъ родственниковъ, то онъ назначаетъ ихъ изъ постороннихъ, а затѣмъ посылаетъ ихъ къ супругамъ. Если они ихъ помирятъ, сохраняется прежнее положеніе, въ противномъ случаѣ постановляютъ разводъ и доводятъ дѣло до него; судья же можетъ утвердить ихъ рѣшеніе. Разводъ въ этомъ случаѣ является однократнымъ, но окончательнымъ; судьи не могутъ ничего прибавлять къ этому.

(Пунктъ 11). Жена имѣетъ право требовать отъ судьи развода съ мужемъ, если она терпитъ отъ него вредъ. Подъ вредомъ же разумѣется все недозволяемое закономъ, какъ то удаленіе ея безъ законной причины, побои и брань безъ законной причины. Жена должна установить все это законнымъ путемъ.

Съ этимъ законопроектомъ согласился шейхъ азхарской мечети, отправившій муфтію слѣдующій отвѣтъ:

„Славному учителю, достойному муфтію Египта, да укрѣпитъ его Аллахъ.

„Ознакомившись съ письмомъ вашего достоинства отъ 4 с. м.
224. за № 19 и съ законопроектомъ, приложеннымъ къ нему въ 11 пунктахъ, извѣстныхъ изъ ученія имама Малика, да будетъ доволенъ имъ Аллахъ, относительно чего требовалось наше мнѣніе, мы пришли къ тому же выводу, какъ и вы, и подписали его въ знакъ нашего согласія, поблагодаривъ вашу высокую заботу за вниманіе вашего достоинства къ этому важному вопросу. Упомянутый законопроектъ при семъ прилагается.

Моего господина
бѣднякъ *Селимъ аль-Бишри*, 6 Раби втораго 1318.
маликитъ, слуга науки
и бѣдняковъ въ аль-Азхарѣ“.

Оба эти вопроса—многоженство и предоставленіе женѣ права развода съ мужемъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ вопросамъ, на которые мы обращали вниманіе въ книгѣ „Освобожденіе женщины“, и насъ радуетъ, что великій ученый и мудрый законовѣдъ, какъ учитель шейхъ Мухаммедъ Абдо, счелъ ихъ достойнымъ вниманія и подтвердилъ своимъ вѣскимъ голосомъ то, что предлагали мы.

Всѣ такіе признаки, равно какъ и другіе, которые можно наблюдать ежедневно въ семьяхъ, говорятъ намъ, что положеніе египетской женщины начинаетъ улучшаться и двигаться впередъ.

Однако это движеніе не имѣетъ своимъ источникомъ наблюденіе и выработанную идею, а появилось среди насъ подъ влія- 225.
ніемъ сношеній съ западными и въ силу закона, извѣстнаго ученымъ естествовѣдамъ и требующаго, чтобы всякое животное подчинялось природѣ среды, въ которой оно живетъ. Доказательствомъ того, что наша воля не играетъ роли въ этомъ движеніи, служитъ тотъ фактъ, что наши слова о необходимости сохранять его и поддерживать, пока не будетъ достигнута конечная цѣль, были встрѣчены сильнымъ противодѣйствіемъ даже со стороны тѣхъ, въ душѣ которыхъ сказывались намеки на этотъ переходъ и въ домахъ которыхъ появились первые признаки его.

Этому не приходится удивляться, такъ какъ мы подчиняемся чувству во всѣхъ поступкахъ.

Теперь наступило время, когда намъ нужно знать, чего мы желаемъ.

Если цѣль нашей жизни состоитъ въ томъ, чтобы каждый изъ насъ прожилъ въ какомъ бы то ни было положеніи нѣсколько лѣтъ, если для насъ безразличны слава и униженіе, богатство и бѣдность, свобода и рабство, знаніе и невѣжество, добродѣтель и порокъ, то, по моему мнѣнію, нѣтъ потребности въ полученномъ теперь египетской женщиной воспитаніи и свободѣ. Я не вижу препятствій человѣку пользоваться нѣсколькими женами, каждый
день жениться на новой, а затѣмъ разводиться съ нею на другой 226.
день, заключить въ темницу своихъ женъ, дочерей, сестеръ, мать и даже бабушку, если ему захочется.

Въ Африкѣ и Азіи есть много народовъ, у которыхъ женщины живутъ замкнутыми въ домахъ, такъ что онѣ не видятъ мужчинъ и мужчины ихъ не видятъ. Есть среди этихъ народовъ и такіе, у которыхъ жизнь женщины до того въ презрѣніи, что когда умираетъ ея мужъ, она должна покончить съ собой, чтобы не пользоваться жизнью послѣ него. Намъ остается только обратить вниманіе на эти народы и спросить ихъ о тайнѣ прогресса ихъ женщинъ въ невѣжествѣ и затворничествѣ; можетъ быть у нихъ мы найдемъ чѣмъ подкрѣпить наши доводы въ пользу усиленія покрывала и затворничества женщинъ.

Если же нашей цѣлью является та, про которую мы читаемъ и слышимъ каждый день, будто египтяне хотятъ быть живымъ, развитымъ и цивилизованнымъ народомъ, тогда мы можетъ имъ сказать:

Есть одно средство, могущее васъ избавить отъ дурного положенія, на которое вы жалуетесь, и могущее поднять васъ на высшія ступени цивилизаціи, какъ вамъ это хочется и даже больше того. Средство это — освобожденіе вашихъ женщинъ отъ цѣпей
227. невѣжества и покрывала. Это средство не мы выдумали, и не намъ принадлежитъ честь его изобрѣтенія. Имъ пользовались народы до насъ, испытали его и извлекли пользу. Посмотрите на западные народы; вы увидите большое разнообразіе среди ихъ женщинъ: вы увидите, что воспитаніе американской женщины, ея характеръ, обычаи и нравственность не таковы, какъ воспитаніе, характеръ и нравственность французской женщины; послѣдняя въ свою очередь отличается во всемъ этомъ отъ русской, италіянка же ни въ чемъ этомъ не похожа на шведку или нѣмку. Однако всѣ эти женщины, не смотря на все разнообразіе климатовъ, національностей, языковъ и религій, объединяются въ одномъ томъ, что онѣ обладаютъ свободой и пользуются самостоятельностью.

Эта свобода и спасла западную женщину отъ ея прежняго упадка. Когда къ свободѣ присоединилось обученіе, она направила свое стремленіе на совмѣстную съ мужчиной работу для прогресса общества, къ которому принадлежитъ. Это участіе позволило женщинамъ совершить полезныя дѣянія, которыя конечно отличаются
228. отъ дѣяній мужчинъ, но не уступаютъ имъ въ важности. Купецъ, который проводитъ свой день въ магазинѣ, продавая товаръ, писецъ, проводящій нѣсколько часовъ въ какой-нибудь правительственной канцеляріи и занятый тамъ писаніемъ бумагъ въ другое учре-

жденіе, инженеръ, строящій мостъ, чтобы облегчить пути сообщенія въ странѣ, врачъ, отнимающій какой-либо органъ, чтобы могли жить остальные, судья, разбирающій несогласія, возникающія между людьми—среди всѣхъ нихъ и прочихъ не найдется ни одного, который могъ бы претендовать, что его дѣло полезнѣе для соціальнаго строя, чѣмъ дѣло женщины, вводящей въ общество человѣка и воспитывающей его на пользу самому себѣ, своей семьѣ и народу.

Мы не говоримъ вамъ, какъ говорятъ другіе: объединитесь и помогайте другъ другу, или очистите себя отъ недостатковъ, которые вы замѣчаете въ своемъ характерѣ, или служите своей семьѣ и отечеству и т. под. Всѣ эти рѣчи разноситъ вѣтеръ. Мы знаемъ, что въ перемѣнѣ душъ безполезны совѣтъ реформатора, приказаніе правителя, колдовство кудесника или чудо святого. Какъ мы уже говорили, это можетъ произойти только при подготовкѣ душъ юно- 229.
шества къ желаемой перемѣнѣ.

Таковъ естественный ходъ къ далекой цѣли, сопряженный съ трудностями. Однако легки тѣ затрудненія, которыя кончаются побѣдой и успѣхомъ; близокъ тотъ путь, который ведетъ къ цѣли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

